МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (16) 2015

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2015

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (16) 2015

Редакционный совет
Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
Д. Эрдэнээбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия
Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.irk.ru/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 3 (16) 2015

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2015

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 3 (16) 2015

Editorial council
D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)
D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board
Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Irkutsk National Research Technical University

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2015

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (16) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-2 9

ИСТОРИЯ

Ганин А.В. Три жизни генерала Акулинина (часть 1)..... 28

Российский М.А. Мукденское сражение в дневнике В.П. Кравкова..... 55

Шекшеев А.П. Уголовная стихия на Енисее 90

Дулов А.В. Состояние охраны и использования памятников истории и культуры СССР в 1980-х годах 108

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.В. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 3 (16) 2015

CONTENTS

PALEOMETALL AGE

Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Children's Burials on Stepushka-2 Cemetery 9

HISTORY

Ganin A.V. Three Lives of General Akulinin (Part 1) 28

Rossiyskiy M.A. The Battle of Mukden in Vasily Kravkov's Diary 55

Sheksheev A.P. The Criminal Element on the Yenisei 90

Dulov A.V. Preservation and Usage of the Historical and Cultural Sites in USSR in 1980-1989 108

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (16) 2015

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:
– история,
– археология,
– этнология.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 3 (16) 2015

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:
– history,
– archaeology,
– ethnology.

Editorial Board

УДК 902/904

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА СТЕПУШКА-2*

© В.И. Соенов, Н.А. Константинов, С.В. Трифанова

В работе публикуются материалы детских погребений некрополя Степушка-2, который располагался на правом берегу реки Урсул в Центральном Алтае. Могильник полностью раскопан археологической экспедицией ГАГУ в 2010 году. Памятник относится к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени. Всего изучено 33 погребения, содержащих костяки людей, из которых восемь – детские. Анализ особенностей объектов и инвентаря позволил выявить специфику элементов детского погребального обряда, отличающегося определенным образом от взрослого. Для древних людей детский обряд, кроме погребального назначения, имел, вероятно, и другой смысл: через совершение обусловленных обрядов при погребении ребенка члены сообщества пытались оказывать влияние на воспроизводство потомства в дальнейшем, надеясь на благополучное рождение и жизнь нового ребенка взамен умершего.

Ключевые слова: Алтай, детские погребения, гунно-сарматское время, булан-кобинская культура, Степушка-2.

CHILDREN'S BURIALS ON STEPUSHKA-2 CEMETERY

© V.I. Soenov, N.A. Konstantinov, S.V. Trifanova

The article deals with children's burials from Stepushka-2 cemetery. The burial ground is in the Ursul valley in the Altai Republic and refers to Bulan-Koba culture of Hun-Sarmatian time. In 2010, excavations were conducted at the cemetery and we studied 33 burials containing skeletons of people, of which eight – children. Analysis of funerary rite of children's graves showed that there were some features of the funeral rite of children. These features are indicative of the fact that the rites held during the burial of children, were aimed at further successful procreation.

Key words: Altai, children's burial, Hun-Sarmatian time, Bulan-Koba culture, Stepushka-2.

До недавнего времени гунно-сарматский период был одним из наименее изученных этапов истории Алтая. Однако за последние три десятилетия получен массовый археологический материал, исследование которого позволило приблизить понимание многих процессов, происходивших в ту пору. Тем не менее, еще остается большое количество вопросов, требующих изучения. Во многом их решение может ускорить рассмотрение и публикацию еще неизданных материалов по указанному периоду, тем более что таковых имеется значительное количество.

В этом плане интересен памятник Степушка-2, исследованный нами в 2010 году. Пока опубликовано несколько сообщений и одна статья по его материалам [Соенов, 2010; Соенов, Трифанова, 2011; 2014а, б, в]. Некрополь Степушка-2, исследовавшийся экспедицией ГАГУ, являлся западной половиной могильника булан-кобинской культуры. Восточную часть этого памятника, обозначенную как Степушка-1, раскапывала экспедиция АлтГУ [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011]. На Степушке-1 барнаульскими археологами раскопано 19 могил с 20 погребенными. На Степушке-2 нами исследовано 64 объекта, из которых 33 – могилы, содержащие 34

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э.», № 14-11-04002а(р); «Алтайский традиционный костюм в исторической ретроспективе» № 14-11-04003а(р).

погребенных. В числе раскопанных объектов было также два кенотафа и одно разграбленное погребение. Таким образом, памятник изучен полностью, что позволяет получить представление об основных элементах погребального обряда одной из групп населения гунно-сарматского времени, оставившей это кладбище. На Степушке-2 нами было исследовано восемь детских погребений, которые рассмотрим в публикуемой работе.

Описание

Памятник Степушка-2 расположен в Онгудайском районе Республики Алтай, на северо-западной части правобережной террасы Урсула, в 5 километрах выше от места ее впадения в Катунь. Географически район расположения могильника относится к Центральному Алтаю.

По принятой в антропологии и медицине периодизации к детскому возрасту относят индивидов до 11 лет (девочки) и до 12 лет (мальчики) [Хрисанфова, Перевозчиков, 2005, с. 130]. С 12–13 лет наступает подростковый период. К категории детских погребений на памятнике Степушка-2 относятся восемь погребений, зафиксированных в объектах 2, 16, 17, 18а, 18, 20, 21, 22. Возраст погребенных детей, в тех случаях, когда удалось его установить (семь погребенных), варьирует в пределах от 1,5 до 11 лет[1]. Далее приведем описание обозначенных объектов.

Объект 2. Курган. Находился в северной части могильника. Насыпь овальной в плане формы, размерами 3,2 х 2,35 м, длинной осью ориентирована по линии запад-восток (рис. 1). Сложена преимущественно из рваных камней и гумусированной супеси со щебнем. По периметру кургана зафиксирована крепида размерами 2,7 х 2 м, сложенная из крупных рванных и окатанных камней. Могильная яма смещена в восточную часть кургана, размеры 1,4 х 0,7 м, глубина – 0,3 м. В яме зачищен костяк ребенка десяти лет (скорее всего, девочки), ориентированного головой на запад. Костяк лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль тела. В погребении обнаружен инвентарь, представленный изделиями из железа и кости (рис. 2). На шейных позвонках зафиксированы окислы бронзы. Железные изделия имели плохую степень сохранности и практически не поддаются идентификации. Лучшую сохранность демонстрируют костяные изделия. Так, были зафиксированы подвески из зубов марала; плоская пятиугольная подвеска, орнаментированная небольшими округлыми углублениями; костяная орнаментированная щеточка. Справа от погребенной, в районе плечевой кости, находились поясничные, крестцовые и хвостовой позвонки овцы[2].

Объект 16. Кольцо. Объект располагался в центральной части могильника. Юго-западной стороной кольцо примыкало к насыпи кургана 15. Камни кольца сохранились только в юго-западной части. Могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии юго-запад – северо-восток (рис. 3). Размеры ямы 0,8 х 0,35 м, глубина – 0,24 м. В юго-западной части могильной ямы зафиксированы вертикально поставленные каменные плиты. Скорее всего, это сохранившиеся части комбинированной каменно-деревянной внутримогильной конструкции. В яме зачищен костяк ребенка трех лет, положенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. Предметов инвентаря в погребении не обнаружено.

Объект 17. Кольцо. Находилось в центральной части могильника. Кольцо вытянуто-овальной в плане формы, размерами 3,4 х 2 м, длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад (рис. 4). Сложено из крупных рваных камней. Размеры могильной ямы 1,8 х 0,7 м, глубина – 0,24 м. В яме зачищено парное захоронение женщины 35–40 лет с ребенком 11 лет (рис. 5). В изголовье зафиксирована вертикально стоящая каменная плита. Оба костяка ориентированы головой на северо-восток. Скелет женщины, положенной вы-

[1] Авторы выражают признательность канд. ист. наук, заведующей кабинетом антропологии АлтГУ Светлане Семеновне Тур за половозрастные определения костяков погребенных.

[2] Авторы выражают признательность канд. биол. наук, заведующему лабораторией кафедры зоологии и экологии КемГУ Сергею Степановичу Онищенко за остеологические определения.

тянуто на спину, располагался в северной половине ямы. В южной половине ямы находился костяк ребенка, уложенного на правый бок. Спиной умерший был привален к южной стене ямы. У правого бедра костяка женщины зачищены фрагменты железных изделий, а между ступнями – фрагменты керамики. В центральной и западной частях ямы зафиксирован древесный тлен и фрагменты древесины.

Объект 18. Кольцо. Находилось в центральной части могильника. Кольцо вытянуто-овальной в плане формы, размерами 2,3 х 1,5 м, длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад (рис. 6). Сложено из рваных камней крупных и средних размеров. В южном секторе кольца зафиксирован каменный ящик, перекрытый каменными плитами (рис. 7). Размеры ящика – 0,97 х 0,34 м. В ящике на глубине 0,3 м зачищен костяк ребенка двух лет, ориентированного головой на восток. Сохранились только кости черепа и фрагменты трубчатых костей ног (рис. 8). Предметов инвентаря в погребении не обнаружено.

Объект 18а. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь вытянуто-овальной в плане формы, размерами 2,2 х 2 м, длинной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 9). По периметру насыпи зафиксирована крепида, сложенная из крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,7 х 1,6 м. В центральной части кургана зафиксирована могильная яма вытянуто-овальной формы, перекрытая каменными плитами. Размеры ямы – 1,2 х 0,45 м, глубина – 0,2 м. В яме зачищен костяк ребенка полутора лет, ориентированного головой на восток. Сохранились только кости черепа и фрагменты трубчатых костей рук. Под плитами перекрытия в восточной части ямы зафиксирован фрагмент дерева и древесный тлен (остатки внутримогильной конструкции?). Под черепом обнаружена небольшая бусина (рис. 13. *7*).

Объект 20. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь округлой в плане формы, размерами 2 х 2 м, сложена из рваных камней (рис. 10). По периметру насыпи зафиксирована крепида из крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,8 х 1,4 м. Могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии запад-восток. Размеры ямы 1,1 х 0,45 м, глубина – 0,3 м. Яма сужается ко дну. В яме зачищен каменный ящик, в котором находился костяк ребенка двух лет, положенного вытянуто на спину, головой на восток. Сохранились кости черепа, трубчатые кости, ребра правой стороны. У черепа зачищены бусины цилиндрической и подцилиндрической формы разных размеров и одна большая круглая бусина, орнаментированная продольными линиями. В области пояса зачищена железная панцирная пластина, фрагменты железных изделий и бусина (рис. 13. *1–6, 12–14*).

Объект 21. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь круглой в плане формы, размерами 1,9 х 1,7 м (рис. 11). Сложена из рваных камней и гумусированной супеси со щебнем. В северной части насыпи зачищена половина каменного жернова из слоистого сланца (?) (рис. 14. *1*) и фрагмент кости животного. При зачистке насыпи в восточной части обнаружен фрагмент стенки керамического сосуда (рис. 13. *15*). В насыпи зафиксирована крепида из крупных рваных камней. Размеры крепиды – 1,2 х 1,1 м. Под насыпью в центре кургана зафиксирована могильная яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориентированная по линии запад – восток. Размеры ямы – 0,9 х 0,45 м, глубина – 0,24 м. Яма сужается ко дну. В яме находился каменный ящик, сложенный из плит. В ящике, на глубине 0,4 м, зачищены фрагменты костей черепа ребенка. В погребении предметов инвентаря не обнаружено.

Объект 22. Курган. Находился в центральной части могильника. Насыпь овальной в плане формы, размерами 2,1 х 1,6 м, длиной осью ориентирована по линии запад – восток (рис. 12). Сложена из рваных камней. В южной части насыпи зачищена половина каменного жернова из песчаника (?). Под насыпью зафиксирована крепида, сложенная из крупных рваных камней. Размеры крепиды 1,3 х 1,3 м. В северной части кургана зафиксирована яма вытянуто-овальной формы, длинной осью ориен-

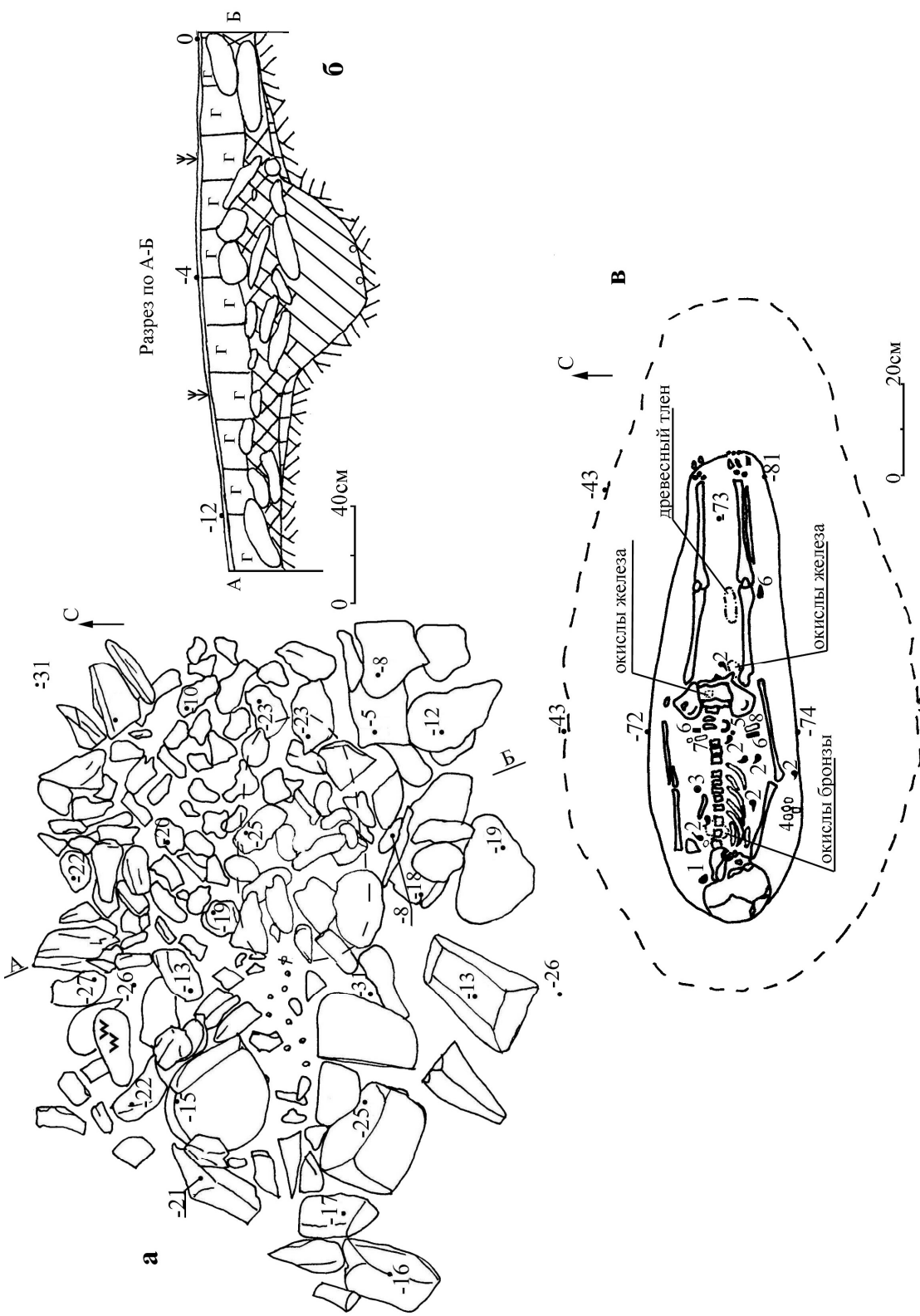

Рис. 1. Могильник Степушка-2. Объект 2. План и профиль насыпи и погребения:
1 – фрагмент железа; 2 – костяные подвески; 3 – фрагмент железа; 4 – кости животного; 5 – железная пряжка; 6 – фрагмент железного изделия; 7 – костяное орнаментированное изделие; 8 – костяная туалетная щеточка

Рис. 2. Могильник Степушка-2. Объект 2: *1 – фрагменты железной пряжки; 2–5, 8–11 – подвески из кости и зубов; 6 – костяная пластинка; 7 – костяная щеточка*

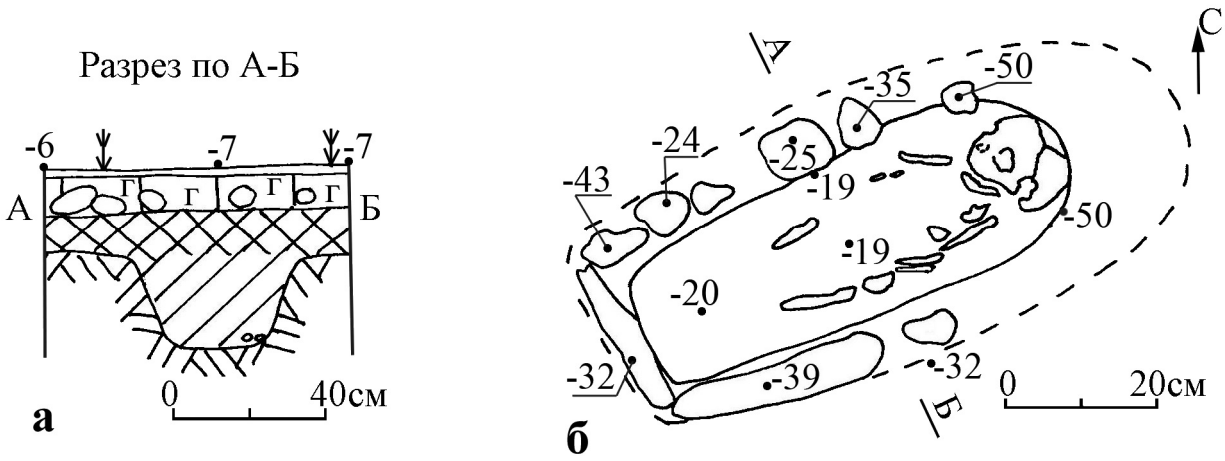

Рис. 3. Могильник Степушка-2. Объект 16. План и профиль насыпи и погребения

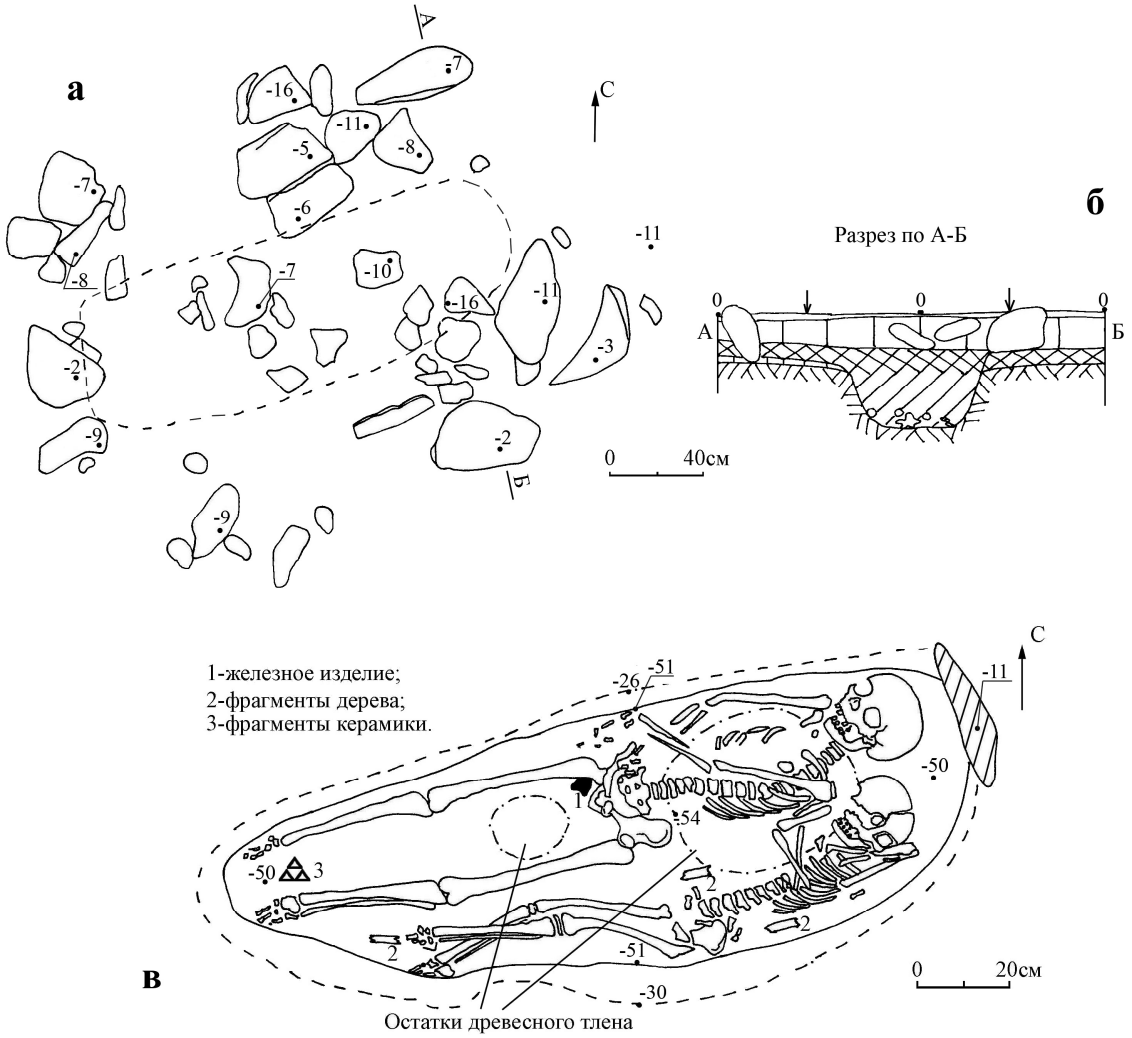

Рис. 4. Могильник Степушка-2. Объект 17. План и профиль насыпи и погребения

Рис. 5. Могильник Степушка-2. Объект 17. Парное погребение женщины с ребенком

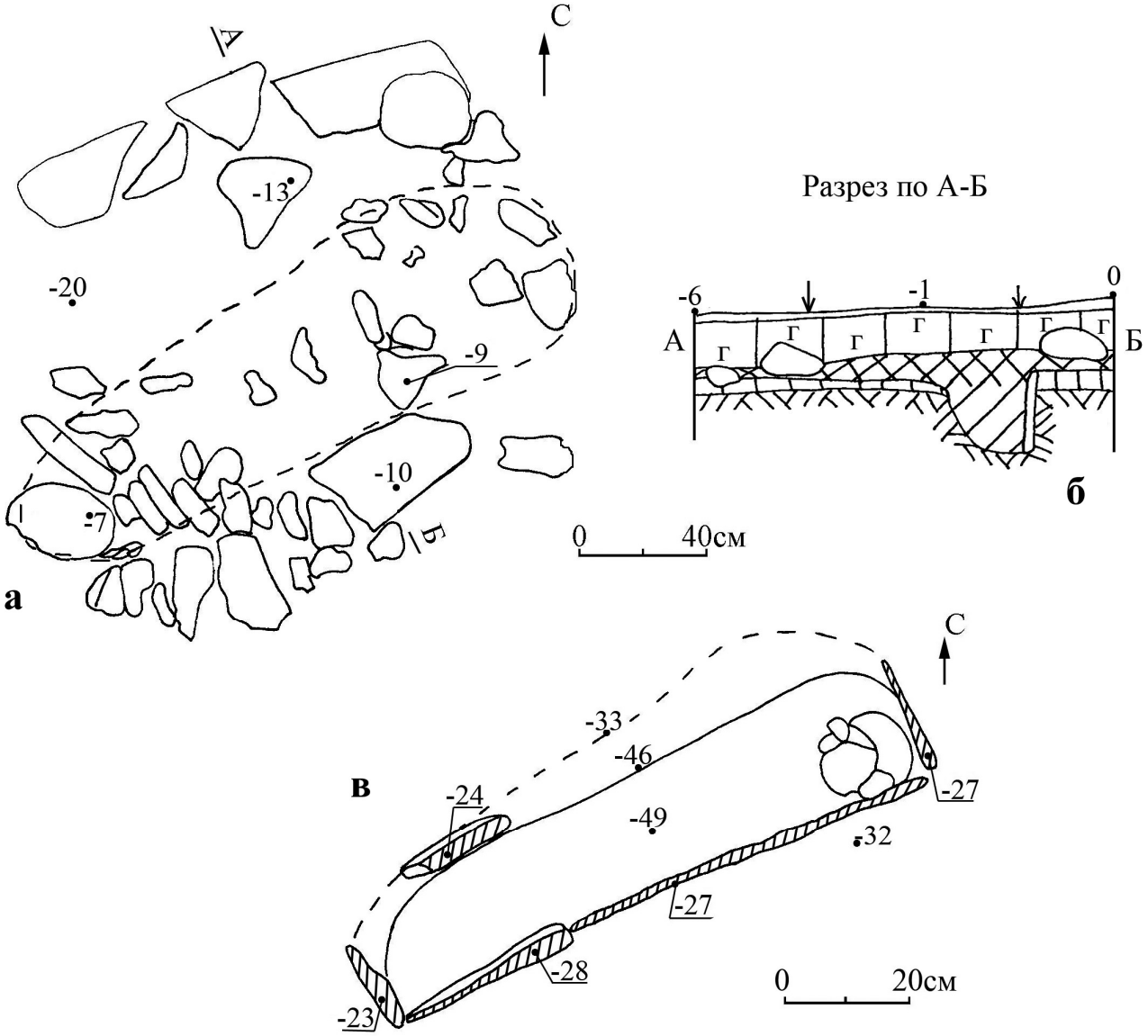

Рис. 6. Могильник Степушка-2. Объект 18. План и профиль насыпи и погребения

Рис. 7. Могильник Степушка-2. Объект 18. Перекрытие каменного ящика

Рис. 8. Могильник Степушка-2. Объект 18. Погребение в каменном ящике

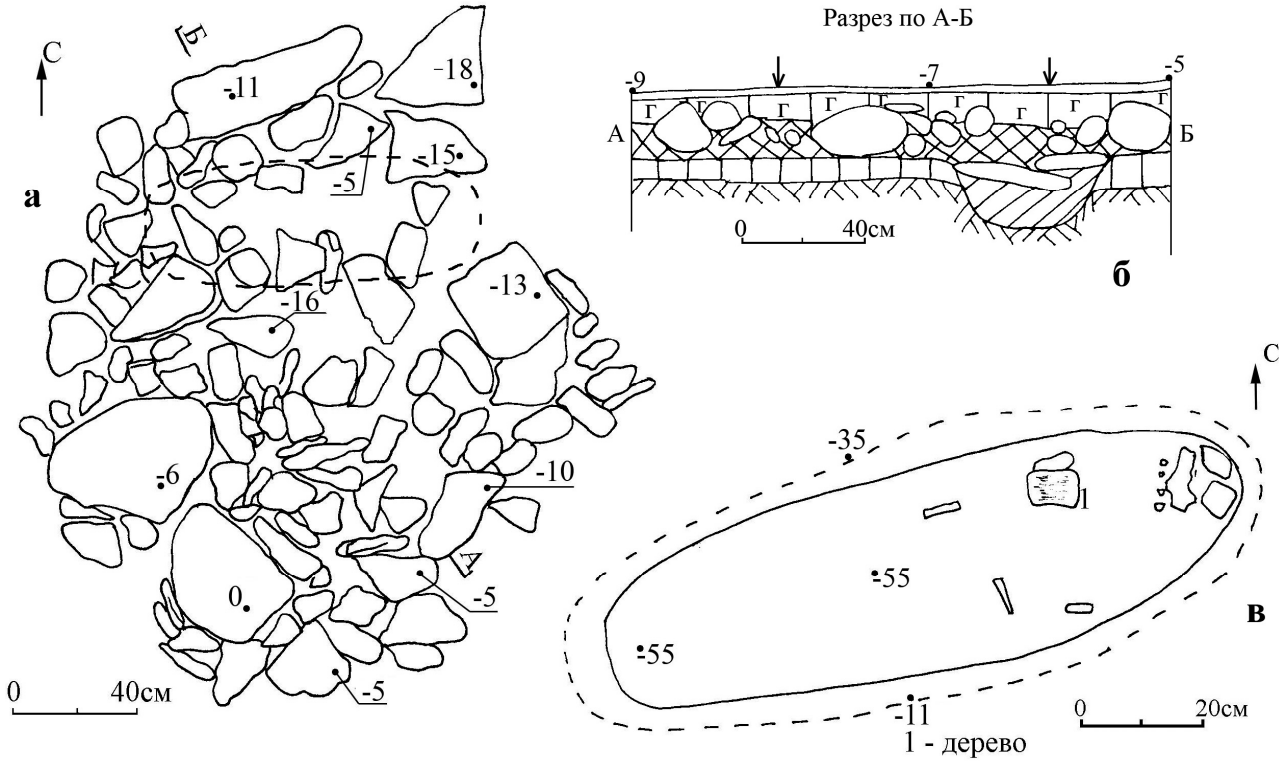

Рис. 9. Могильник Степушка-2. Объект 18а. План и профиль насыпи и погребения

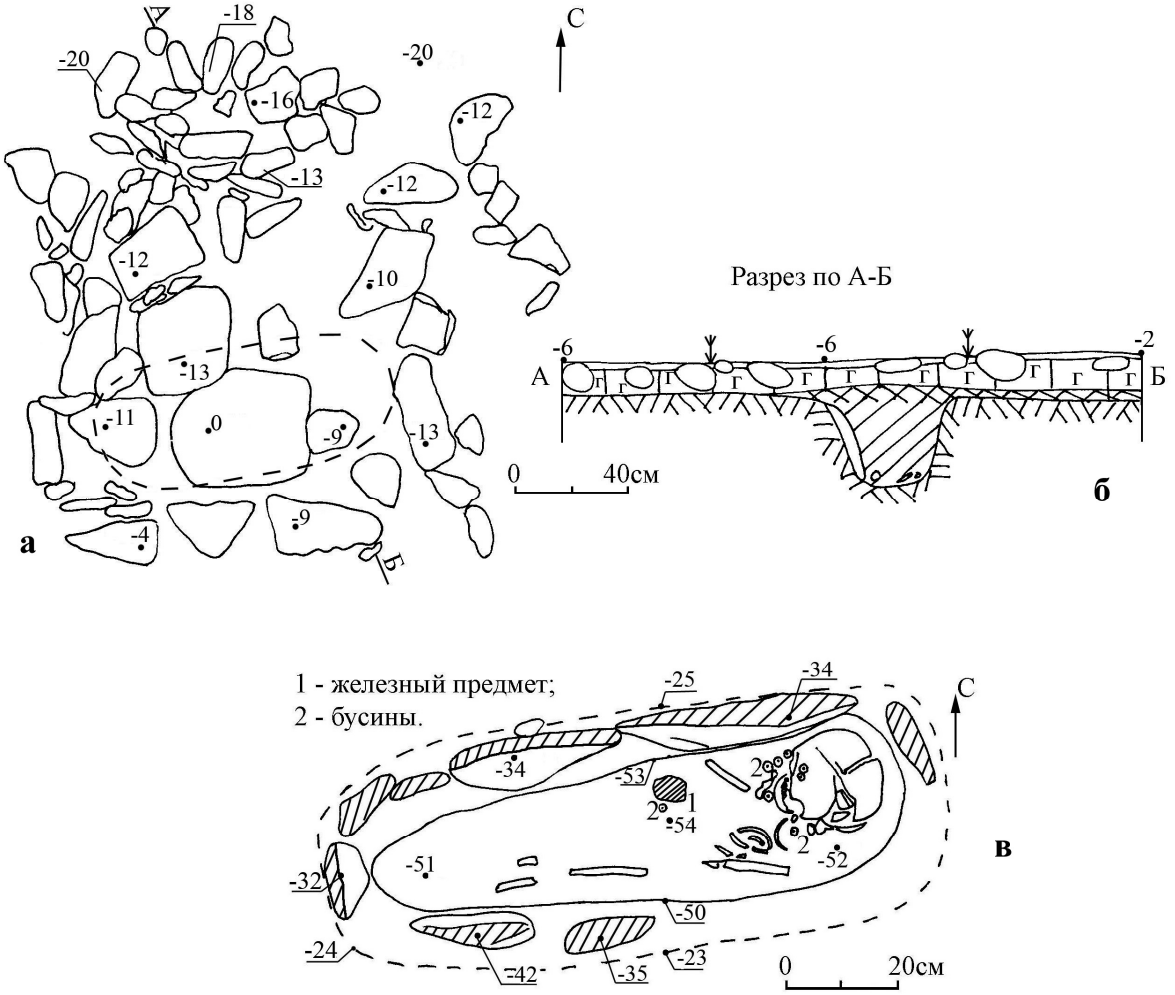

Рис. 10. Могильник Степушка-2. Объект 20. План и профиль насыпи и погребения

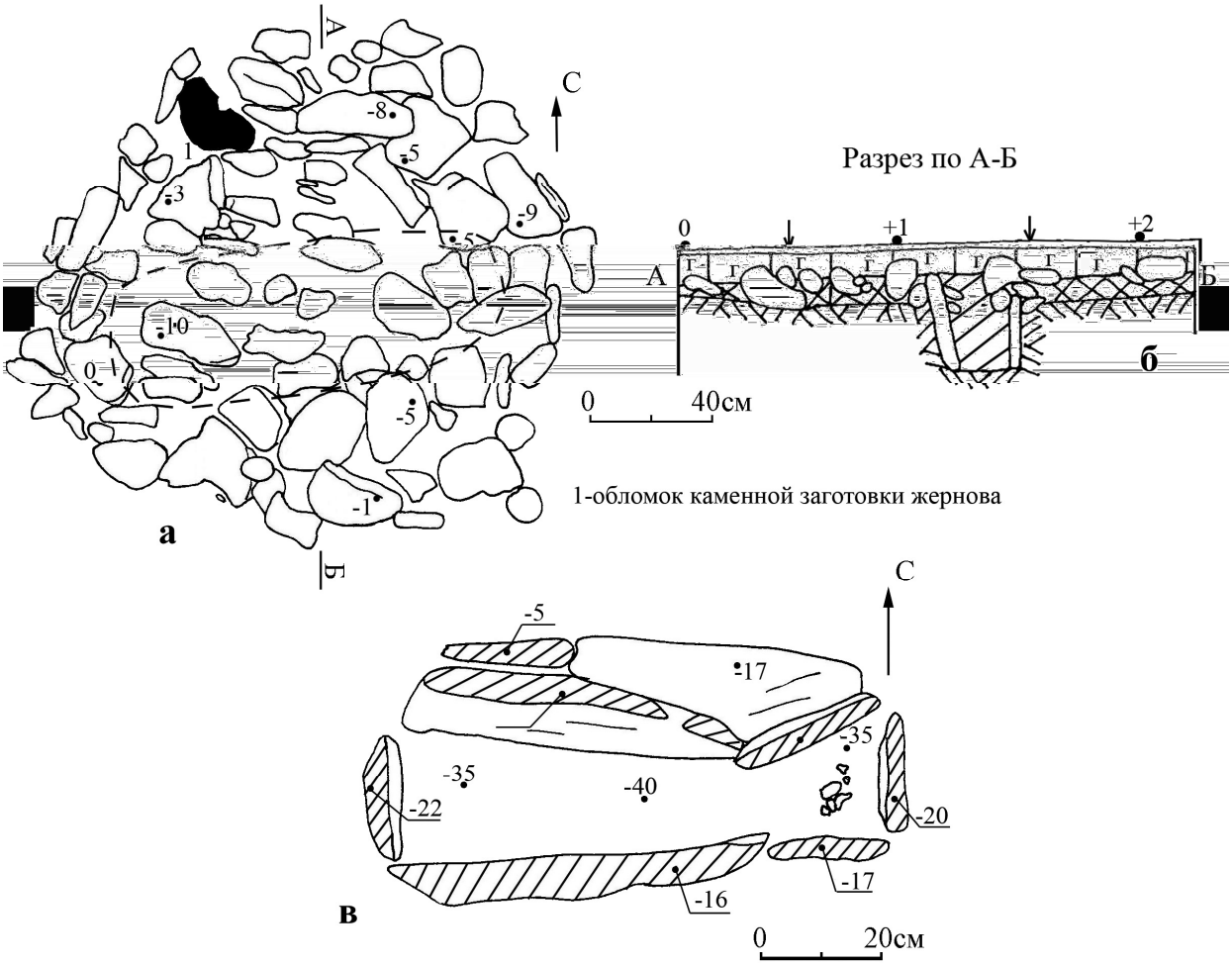

Рис. 11. Могильник Степушка-2. Объект 21. План и профиль насыпи и погребения

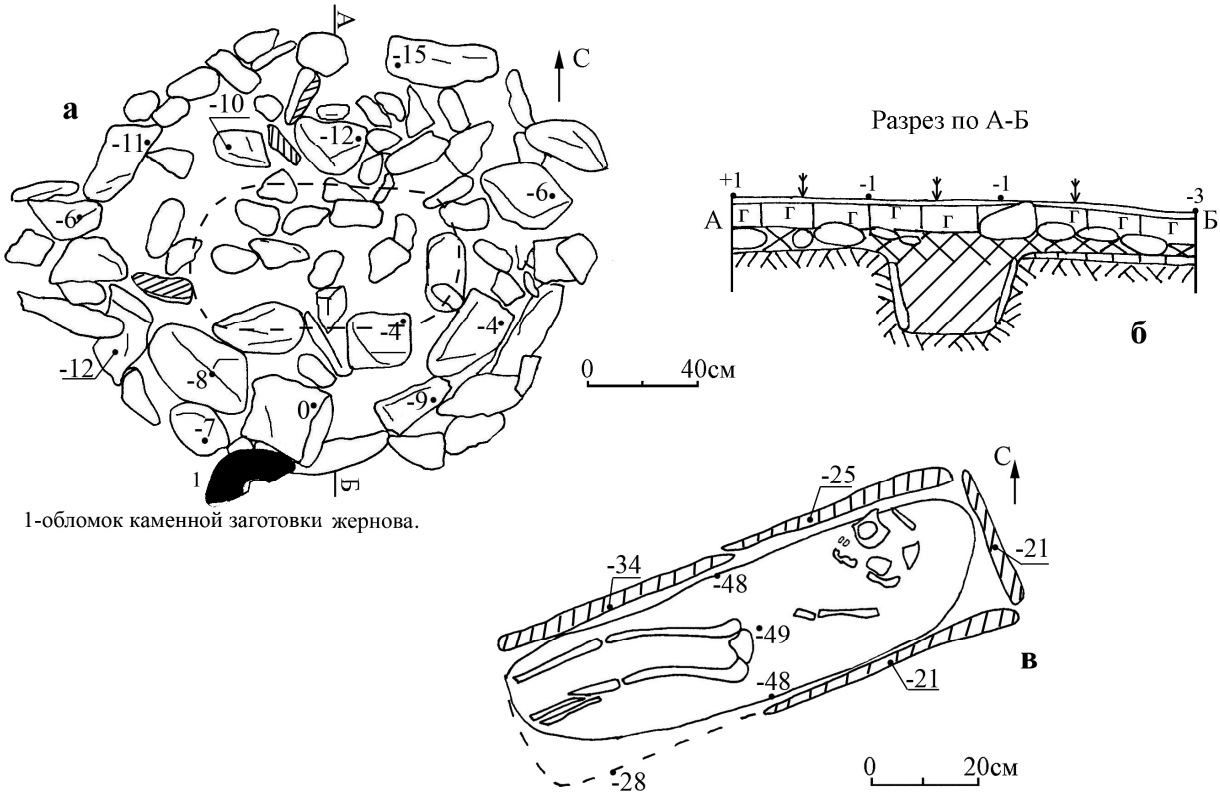

Рис. 12. Могильник Степушка-2. Объект 22. План и профиль насыпи и погребения

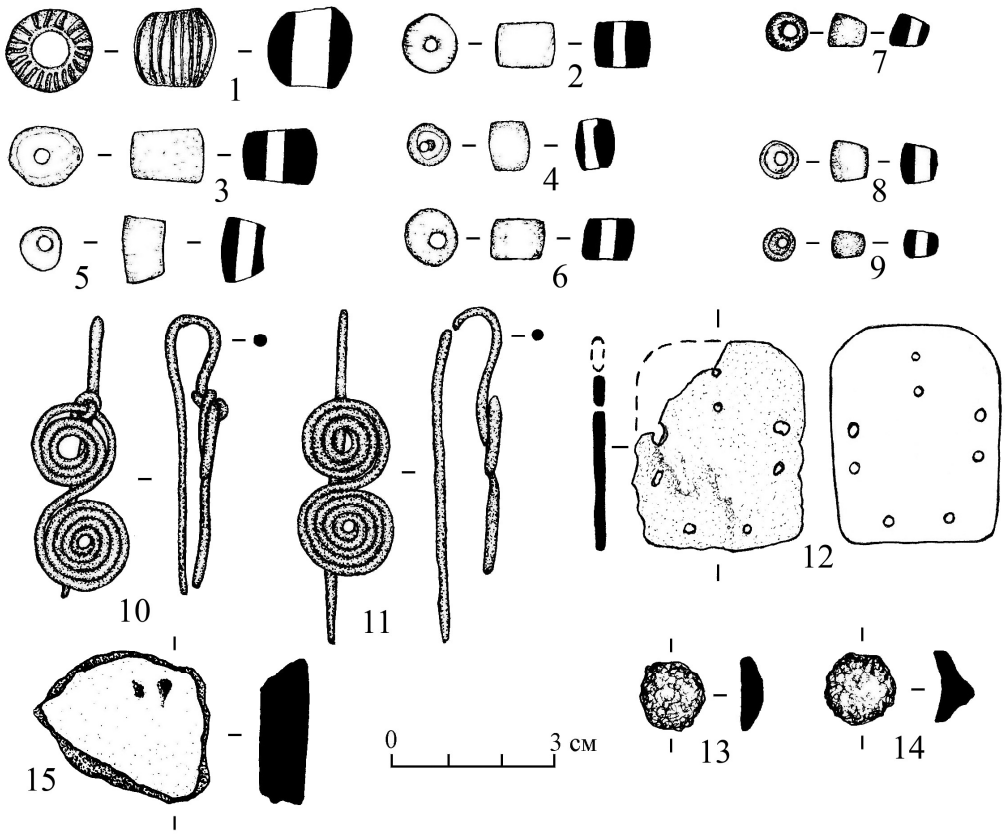

Рис. 13. Могильник Степушка-2. Инвентарь объектов 18а (7), 20 (1–6, 12–14), 21 (15), 22 (8–11): *1–9 – стеклянные и каменные бусины; 10–11 – бронзовые серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей; 12 – железная панцирная пластина и ее реконструкция; 13, 14 – железные бляшки; 15 – фрагмент керамики*

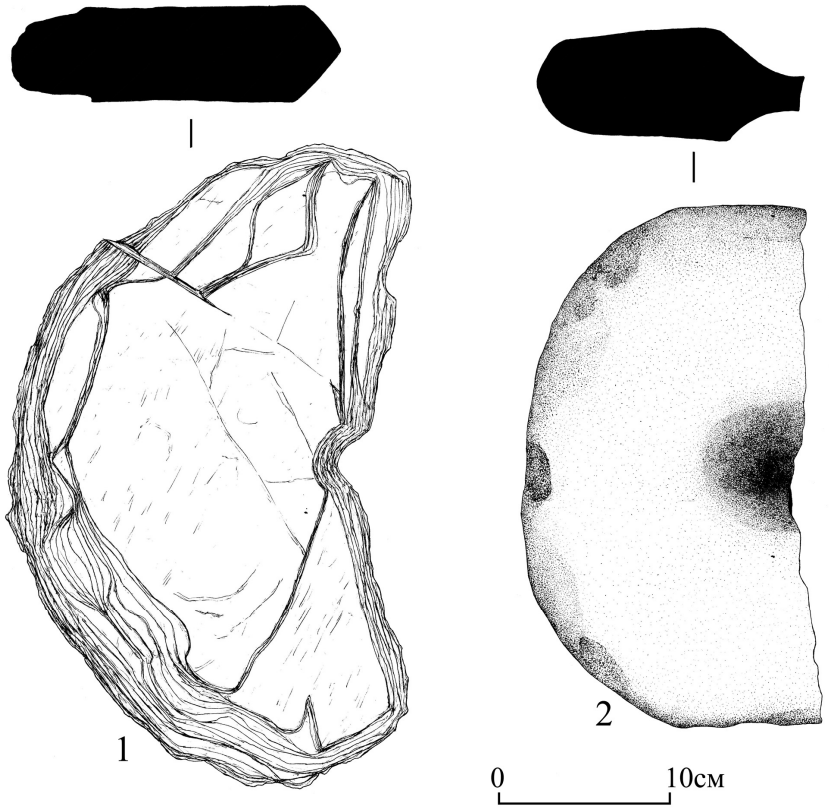

Рис. 14. Могильник Степушка-2. Заготовки жерновов ручных мельниц из насыпей объектов 21 (1), 22 (2).

тированная по линии запад – восток. Размеры ямы 0,95 х 0,35 м, глубина – 0,3 м. В яме зачищен каменный ящик, перекрытый плоскими окатанными и рваными камнями. На дне ящика обнаружен костяк ребенка шести лет, положенного вытянуто на спину. Сохранились кости черепа, трубчатые кости и кости таза. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. Под черепом погребенного найдены несколько бусинок и две серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей (рис. 13.*8–11*).

Еще в одном кургане (объект 12) была зафиксирована небольшая могильная яма, не содержавшая захоронение. В ней найдены фрагменты черешкового железного наконечника стрелы. Возможно, это была детская могила, скелет в которой полностью истлел, либо это был кенотаф. Предположение, что в могиле детский скелет мог полностью истлеть, подтверждается тем, что большинство костяков в детских погребениях сохранились фрагментарно. К примеру, в объекте 21 сохранились лишь небольшие фрагменты черепа, а в объектах 16, 18 и 18а сохранились лишь черепа и фрагменты трубчатых костей. Плохая сохранность детских костяков объясняется особенностями костей не до конца сформированного детского посткраниального скелета и небольшой глубиной могильных ям. В любом случае, объект 12 мы не можем в полной мере использовать в качестве детского погребения в своих рассуждениях.

Итак, как мы видим, большинство погребений одиночные, только в одном случае ребенок 11 лет был погребен вместе с женщиной. Довольно интересна планиграфия детских погребений. Они располагались группой в центральной части могильника. Лишь одно погребение ребенка десяти лет из объекта 2 (судя по инвентарю, это была могила девочки) находилось на северном краю могильника. Погребение в этом кургане отличалось от остальных западной ориентацией, тогда как все остальные дети на могильнике Степушка-2 были уложены в могилы головой на восток или восточный сектор. Большинство могил детей были расположены с восточной стороны от ряда мужских погребений (объекты 19, 23, 27, 26) и с северной стороны от детских погребений были могилы мужчин (объекты 10 и 9). С восточной стороны располагалась группа погребений, обозначенная как Степушка-1. Таким образом, детские погребения располагались в центральной части кладбища, в окружении могил взрослых людей.

Надмогильные конструкции детских погребений представлены каменными насыпями, либо кольцами. Объекты, которые мы обозначили как кольца, скорее всего, изначально представляли собой небольшие земляные холмики, обложенные по периметру камнями (объекты 16, 17 и 18). При раскопках группы курганов 18а, 22, 21, 20, расположенных вплотную друг к другу, выявилось, что каменные насыпи развалились. Поэтому было довольно трудно определить границы отдельных объектов. Погребения совершались под каменной или земляной насыпью в неглубоких ямах. Четыре погребения совершены в каменных ящиках, в остальных объектах внутримогильные сооружения не сохранились. В объекте 17, в котором исследовано парное погребение женщины с ребенком, в изголовье была установлена каменная плита (рис. 5).

Детские погребения различаются содержавшимся в них инвентарем. В некоторых был найден довольно представительный материальный комплекс, в других, напротив, вещей не найдено. Из всей группы выделяются погребения в объектах 2, 20 и 22. В этих могилах, судя по инвентарю, были похоронены девочки. В объекте 2 сохранился костяк ребенка десяти лет, при котором найдены подвески из зуба марала и кости, фрагменты железного изделия, костяная туалетная щеточка [Соенов, Константинов, Константинова, 2014, с. 118–119]. В объекте 20, в котором погребен ребенок двух лет, найдены шесть бусин, железные заклепки и панцирная пластина с обломанным углом. В объекте 22, в котором погребен ребенок в возрасте шести лет, обнаружены две бусины и две серьги из бронзовой проволоки со щитком, скрученным в виде двух концентрических спиралей. В других погребениях инвентарь отсутствовал полностью или был немногочисленным. В объекте 18а, где был похоронен ребенок полу-

тора лет, найдена лишь одна бусина. Особо стоит отметить находки обломков двух заготовок каменных жерновов ручной мельницы, зафиксированных при зачистке насыпей курганов 21 и 22. Для изготовления жерновов были использованы разные породы камня.

Обсуждение

Группа погребений, обозначенная как Степушка-2, вместе с группой Степушка-1, как уже отмечалось выше, составляли один могильник булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени. С учетом общего числа погребенных на этом древнем кладбище людей [Соенов, 2010; Кирюшин, Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013], всего здесь было похоронено 12 детей: восемь на западной половине (Степушка-2) и четыре – на восточной (Степушка-1). Детские погребения составляли около пятой части всех погребений (21%), большинство же погребенных оказались мужчинами в возрасте от 14–16 до 50–60 лет. Их доля составляла 59%.

На части кладбища, изученной нами, половина всех детских могил содержала останки индивидов до трех лет (четыре погребения), одно погребение – ребенка шести лет и два погребения – детей в возрасте десяти и одиннадцати лет. Судя по материалам могильника, у этой группы населения основная смертность детей приходилась на первые три года жизни. По мнению некоторых исследователей, известные нам археологические памятники (могильники) не могут в полной мере отразить реальный уровень детской смертности [Троицкая, 1989, с. 61]. Это мнение может быть подтверждено несколькими фактами. Во-первых, на могильнике не было зафиксировано ни одного погребения грудного ребенка. Даже если принять во внимание то, что костяки грудных детей сохраняются гораздо хуже, все-таки должны были сохраниться погребальные конструкции, в которых могли быть похоронены младенцы. Те объекты, которые условно можно назвать могилами грудных детей (где не зафиксированы остатки или следы скелетов, например, объект 12), слишком малочисленны. Для похорон грудных детей в возрасте до одного года мог существовать особый погребальный обряд, не фиксируемый археологически.

Детский погребальный обряд на могильнике Степушка-2 представлен обычно одиночной ингумацией, совершенной в неглубоких ямах, в каменных и, возможно, в комбинированных каменно-деревянных ящиках. На Степушке-2 зафиксировано только одно парное захоронение ребенка 11 лет со взрослой женщиной. На Степушке-1 также отмечено одно парное погребение, где были похоронены ребенок и убитый мужчина [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 260, 262, рис. 3–*7*; 6]. Почти все дети, погребенные на могильнике Степушка-2, были уложены головой на восток, только костяк ребенка в объекте 2 имел ориентировку головой на запад. На Степушке-1 два исследованных погребения, содержавшие костяки детей, имели западную и два – восточную ориентировку [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 262, 263].

Концентрация основного числа детских погребений в центральной части могильника связана с традицией обособления детских могил. Так, в долине р. Катунь известен могильник Бике-I, на котором исследованы почти два десятка курганов только с погребениями детей 10–14 лет и грудного возраста [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 89]. Этот могильник также относится к булан-кобинской культуре и хронологически близок погребениям могильника Степушка-2. Конечно, захоронение детей отдельно от взрослых не было обязательной традицией, поскольку детские погребения, как мы видим, совершались и вместе со взрослыми. Тем не менее, тенденция обособления детских могил на некрополе проявляется отчетливо.

Инвентарь, обнаруженный в детских могилах, относится к разным категориям – предметы вооружения, орудия труда, украшения и предметы туалета. ***Предметы вооружения*** представлены единственной находкой – панцирной пластиной из объекта 20 (рис. 13.*12*). Пластина относится к доспеху ламеллярной структуры. Самые ранние железные пластины ламеллярного доспеха на Алтае найдены в могильнике

Яломан-II в ранней группе погребений (II–I вв. до н. э.) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84], однако их широкое распространение произошло в III–V вв. н. э. [Горбунов, 2003, с. 39]. По форме и пропорциям эта пластина наиболее близка пластинам, относящимся к типами 2, 3 и 4, по классификации В.В. Горбунова [там же, рис. 30], однако по количеству отверстий не имеет аналогий в указанной сводке. Пластины этих типов были распространены на больших пространствах от Восточной Азии до Восточной Европы с III в. до н. э. по XIV в. н. э. [там же, с. 42–44].

Интересен тот факт, что на могильнике Степушка-2 пластина найдена в погребении ребенка двух лет. На могильнике Ближние Елбаны-XIV (Верхнее Приобье), относящемся к одинцовской культуре, панцирная пластина также была помещена в могилу ребенка [Грязнов М.П., 1956, с. 104; Горбунов, 2003, с. 10]. Среди алтайских материалов стоит отметить находки двух панцирных пластин, зафиксированных в курганах 57 и 61 могильника Яломан-II, в которых были погребены женщины. Эти погребения отнесены к ранней группе погребений памятника и датированы II–I вв. до н. э. [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84]. По мнению авторов, пластины могли выполнять «охранительные или другие функции».

Орудия труда. В насыпях курганов 21 и 22 найдены сломанные заготовки (вотивные копии?) каменных жерновов ручной мельницы (рис. 14). Один жернов был выполнен из сланца (курган 21), другой из песчаника (курган 22). Жернова были сломаны пополам. Вторая половина жернова с насыпи кургана 22 изъята с раскопа жителем г. Новосибирска. Она еще не возвращена, поэтому мы пока располагаем только фото.

Жернова ручных мельниц найдены на археологических памятниках Алтая, датируемых разными периодами от раннескифского времени до средневековья [Молодин, Бородовский, 1994; Соенов, 2003; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 63–69]. Как правило, они зафиксированы в надмогильных конструкциях – на насыпи или в крепиде [Молодин, Бородовский, 1994]. Эти предметы никогда не помещались в могильные ямы.

Что касается памятников гунно-сарматского времени, то можно отметить, что до настоящего момента ручных мельниц в них не было зафиксировано. Ранее были только известны случаи обнаружения зернотерок, поэтому жернова со Степушки-2 – это первые находки данной категории, найденные на некрополе. Что касается поселений, то жернов ручной мельницы найден в верхнем слое поселения Тыткескень-3, первоначально отнесенный к раннему средневековью [Кунгуров, 1994], сейчас же датируемый первой половиной I тыс. н. э.

Серия находок земледельческих орудий известна и в других памятниках гунно-сарматского времени. Например, железный серп найден в насыпи кургана 10 могильника Кок-Паш, относящегося к предтюркскому времени [Бобров, Васютин, Васютин, 2003, с. 175, рис. 6–*19*]. В насыпях курганов кокэльской культуры Тувы также встречаются серпы, известны находки жерновов и их заготовок [Грач, 2010, с. 33; Самбу, 2010, с. 41]. Стоит отметить, что на могильнике Степушка-2 на курганной насыпи объекта 40, в котором был погребен мужчина с лошадью, был найден курант зернотерки.

Орудия труда, связанные с земледелием (жернова ручных мельниц, зернотерки, серпы), не укладывались в могильную яму. Вероятно, по представлениям коллектива, хоронившего своих умерших людей, эти орудия не имели или не должны были иметь связь с загробным миром. Земледельческие орудия являются символом плодородия и продолжения жизни, поэтому они находятся на поверхности, а не в могиле. Скорее всего неслучаен и тот факт, что заготовки жерновов обнаружены на насыпях курганов именно с детскими погребениями. Возможно, используя эти изделия в ритуалах во время погребения или поминок ребенка, члены его семьи надеялись на рождение нового ребенка, который благополучно вырастет, в отличие от умершего и похороненного в данной могиле.

Украшения и детали костюма. При изучении детских погребений на памятнике Степушка-2 получена довольно представительная коллекция украшений, аналогии

которым имеются в разных памятниках Алтая гунно-сарматского времени. Так, серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей из бронзовой проволоки, подобные изделиям из объекта 22 (рис. 13.*10, 11*), известны на памятниках гунно-сарматского времени Алтая [Трифанова, 2004]. Аналогичные серьги найдены в кургане 10 могильника Чендек [Соенов, Эбель, 1992, рис. 13–*1*], в кургане 5 могильника Катанда-I [Захаров, 1926, с. 78, табл. II – *5*; Гаврилова, 1965, рис. 4–*1*], в кургане 48 могильника Курайка [Соенов, Эбель, 1998, рис. 10–*2*], в нескольких погребениях могильника Айрыдаш-1 (раскопки А.С. Суразакова). Серьги близких форм зафиксированы на могильниках Бике-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 68–69, рис. 31–*15*] и Улуг-Чолтух [Худяков, 2014, рис. 6–*3*]. Подобные серьги находились и на некоторых других памятниках, но эти материалы пока остаются неопубликованными.

Все могильники, на которых найдены серьги со щитком в виде двух концентрических спиралей, относятся ко второй четверти I тыс. н. э. Следовательно, эта категория находок может служить хронологическим маркером. Так, предварительная нижняя дата могильника Курайка при помощи дендрохронологического и радиоуглеродного датирования и методической процедуры «wiggle-matching» может быть установлена как 240 г. н. э. [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2007, с. 47], что не противоречит археологической датировке [Соенов, Эбель, 1998 с. 126]. Верхнюю дату распространения пока точно установить не удается, однако известно, что в памятниках тюркского времени такие серьги не отмечены. То есть пока верхнюю границу можно ограничить V в. н. э., а в целом хронологию серег со щитком в виде двух концентрических спиралей обозначить в рамках III–V вв. н. э. В дальнейшем хронологические границы, думаем, удастся несколько сузить, скорректировав верхнюю дату бытования в сторону удревнения.

Другие категории украшений, найденные в детских погребениях могильника Степушка-2, представлены бусинами и подвесками (рис. 2. *2–5, 8–11*; 13. *1–9*). Похожие бусы и подвески имели широкое распространение, поэтому у них пока нет узких хронологических рамок. С точки зрения семантики погребального обряда нужно отметить, что в древних и традиционных обществах украшения выполняли охранительные функции [Трифанова, 2006, с. 9].

Предметы туалета. Туалетные щеточки, аналогичные изделию из объекта 2 могильника Степушка-2 (рис. 2. *7*), – характерная находка для археологических памятников гунно-сарматского времени Южной Сибири [Митько, 2005; Соенов, Константинов, Константинова, 2014]. На территории Алтая костяные щеточки известны в материалах могильников буланкобинской культуры Белый Бом-II [Глоба, 1983, табл. V–*1, 2*], Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1990, рис. 23–*1*; 26 – *3*; 37– *4*], Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992, с. 26, рис. 42–*13*], Айрыдаш-1 [Соенов, Константинов, Константинова, 2014], а также на городищах майминской культуры Нижний Чепош-3 [Соенов и др., 2011, с. 31, рис. 50–*2*) и Курлап [Скопинцева, 2011, рис. 2–*1*]. Судя по всему, щеточки данного типа имели распространение на территории Саяно-Алтая в рамках первой половины I тыс. н. э. Гигиенические щеточки несколько другой конструкции распространились на территории Южной Сибири и Центральной Азии в первой половине II тыс. н. э. [Кызласов Л., 1969, табл. IV–23, 24; Кызласов И., 1981, с. 206; Крадин и др., 2011, с. 151–152; Соенов, Константинов, Константинова, 2014, с. 120]. Таким образом, данные туалетные щеточки использовались на Алтае только в гунно-сарматское время, а с началом тюркского времени вышли из употребления.

В большинстве случаев алтайские щеточки находились в погребениях с женским инвентарем, за исключением изделия из могильника Верх-Уймон, где щеточка располагалась в мужском воинском погребении с лошадью. В сопредельных с Алтаем регионах щеточки найдены при женских костяках [Грач, 1960, рис. 37; Вадецкая, 1999, с. 272]. Туалетная щеточка на могильнике Степушка-2 находилась в погребении девочки 10 лет. Ее возраст уже довольно близок к подростковому возрасту (с 12 лет), когда девушки обычно выходили замуж в древних и традиционных общест-

вах. К тому же объект 2 выделяется от остальных детских могил расположением на краю могильника, в некотором отдалении от группы детских погребений. Противоположная (западная) ориентация погребенной девочки дополнительно подчеркивает ее отличие от остальных детских погребений.

По относительной многочисленности и «богатству» инвентаря выделяются объекты 2, 20 и 22. Как уже указывалось выше, в объекте 2 была похоронена девочка десяти лет. В этом случае особенности погребального инвентаря можно было объяснить ее возрастом, близким к периоду, когда девушки начинали выходить замуж. В объекте 22 ребенок шести лет был погребен с двумя серьгами и бусинками, а на насыпи этого кургана была найдена сломанная половина жернова. В объекте 20 ребенок двух лет был похоронен с ожерельем из шести бусин, с железными изделиями и панцирной пластиной. Наличие такого инвентаря может свидетельствовать о более высоком социальном статусе родителей. Хотя не исключаются и индивидуальные качества самого индивида: например, погребение именно этого ребенка по каким-то причинам должно было сопровождаться более ценными дарами – ожерельем, панцирной пластиной и др.

Заключение

Таким образом, на могильнике Степушка-2, относящемся к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени Алтая, было исследовано восемь детских погребений. Большинство из них находилось в центральной части могильника. Погребения совершались под небольшими каменными или каменно-земляными насыпями. Чаще всего детские погребения представлены одиночной ингумацией, только в одном случае зафиксировано парное погребение ребенка с женщиной. Все дети были уложены головами на восток, лишь одно погребение девочки предподросткового возраста ориентировано на запад.

Среди материалов детских погребений были встречены вещи, редкие для остальных могил. В первую очередь, стоит отметить находки панцирной пластины и обломки каменных жерновов ручной мельницы. Для памятников булан-кобинской культуры панцирные пластины довольно редкая находка, возможно, из-за высокой ценности доспеха. Самые ранние случаи обнаружения железных панцирных пластин на Алтае зафиксированы в женских погребениях могильника Яломан-II. Скорее всего, погребенные женщины доспехом не пользовались, а пластины были положены с какими-то охранительными целями [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 84]. В памятниках Алтая предтюркского времени также известны находки частей панцирей, которые находились в погребениях взрослых людей [Соенов, 1997; Горбунов, 2003; Бобров, Васютин, Васютин, 2003, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2012]. На Степушке-2 пластина находилась в погребении ребенка двух лет, поэтому нереально использование доспеха умершим при жизни. Находки панцирных пластин в женских и детских погребениях свидетельствуют, что эти вещи наделялись некими качествами, необходимыми в каких-то случаях для проведения погребального обряда женщин и детей.

Жернова встречены впервые среди материалов погребальных памятников булан-кобинской культуры. Как указывалось выше, они находились на насыпях курганов. Части ручных мельниц, как и другие вещи, связанные с земледелием, не укладывались в могильную яму. Фиксируя зернотерки и жернова на насыпях, многие исследователи считали такие находки более поздними подношениями, совершенными в этнографическое время. Однако в некоторых случаях жернова фиксировались в таких контекстах, что принадлежность их к одному времени с погребением не вызывает сомнений [Молодин, Бородовский, 1994]. Очевидно, что использование жерновов ручных мельниц, зернотерок, серпов в погребальном обряде было устойчивой традицией у населения Алтая и сопредельных регионов. В то же время несомненно, что такие вещи укладывались в каких-то особых случаях. Можно предположить, что в данном эпизоде необходимость использования жерновов в погребальном обряде могла быть вызвана высокой смертностью детей.

По нашему мнению, именно эти две категории вещей (панцирные пластины и

жернова) на могильнике Степушка-2 наиболее явно демонстрируют особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к смерти детей. С глубокой древности образ женщины и ребенка был связан с продолжением жизни. Для благополучного воспроизводства потомства необходимы были некие особые действия во время погребального обряда, что и способствовало расположению этих изделий в детских могилах некрополя. Это подтверждается и находками украшений, выполнявших охранительные функции.

Итак, рассмотренная серия детских погребений демонстрирует особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к детской смертности. Скорее всего, некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизводство нового потомства. Также обращает на себя внимание тот факт, что на могильнике отсутствовали младенческие погребения. Возможно, это объясняется особым погребальным обрядом, применявшимся при похоронах умерших младенцев.

Статья поступила 14.05.2015 г.

Библиографический список

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
2. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 440 с.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
4. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : АлтГУ, 2006. Ч. 2. 174 с.
6. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 79–85.
7. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.: АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.
8. Грач А.Д. Могильники Улуг-Оймак II, Куйлуг-Хем I и Алды-Бель I // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб. : Элексис, 2010. С. 31–38.
9. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С.71–106.
10. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Материалы VII региональной науч.-практ. конф., посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
11. Крадин Н.Н., Ивлев А.Л, Очир А., Васютин С.А., Данилин С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
12. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–94.
13. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул : АлтГУ, 1994. С. 43–58.
14. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 200–207.

15. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 211 с.
16. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: дис…канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
17. Митько О.А. К вопросу о таштыкских кожаных колчанах // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : НГУ, 2005. С. 70–79.
18. Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.
19. Самбу И.У. Могильники Ортаа-Хем I, II и Темир-Суг I // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: Элексис, 2010. С. 39–45.
20. Скопинцева Г.В. Проблема этнокультурного развития населения предгорного и Горного Алтая в раннем железном веке и раннем средневековье // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. С. 225–231.
21. Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.
22. Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // Российская археология. 1997. № 4. С.181–185.
23. Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : АлтГУ, 2003. С. 169–172.
24. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
25. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.
26. Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.
27. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. 228 с.
28. Соенов В.И., Константинов Н.А., Константинова Е.А. Туалетные щеточки в памятниках майминской и булан-кобинской культур Алтая (первая половина I тыс. н. э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : Материалы V Междунар. науч. конф. г. Кызыл. 15–19 сентября 2014 г. Кызыл : ТувГУ, 2014. Ч. I. С. 118–122.
29. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
30. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.
31. Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии sarcophagidae в погребении гуннно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014а. № 1 (9). С. 61–73.
32. Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н. э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. III Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Международный научный центр «Сфера общественных наук», 2014б. С. 99–101.
33. Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. 2–3 октября 2014 г. Москва : Институт стратегических исследований, 2014в. С. 95–97.

34. Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения : монография. Барнаул : АлтГУ, 2007. 232 с.
35. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. до н. э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии : материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул : АлтГУ, 2012. С. 55–59.
36. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.
37. Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. № 12. С. 92–95.
38. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 22 с.
39. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск : НГПИ, 1989. С. 59–68.
40. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология : учебник. 4-е изд. М.: МГУ; Наука, 2005. 400 с.
41. Худяков Ю.С. Женские украшения у населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 107–114.

Сведения об авторах

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 697-88-12, e-mail: soyonov@mail.ru.

Soenov Vasiliy Ivanovich, PhD, head of Research Centre for history and culture of the Turkic peoples of Gorno-Altaisk State University, senior lecturer. A. Lenkina str. 1, Gorno-Altaisk, Russia, 649000, tel.: +7 (913) 697-88-12, e-mail: soyonov@mail.ru.

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, заведующий Музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 990-34-94, e-mail: museum@gasu.ru, nikita.knstntnv@yandex.ru.

Konstantinov Nikita Aleksandrovich, PhD, Head of Museum complex of Gorno-Altaisk State University, A. Lenkina str. 1, Gorno-Altaisk, Russia, 649000. tel.: +7 (913) 990-34-94, e-mail: museum@gasu.ru, nikita.knstntnv@yandex.ru.

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, тел.: +7 (913) 998-57-97, trifanovasv@mail.ru.

Trifanova Synaru Veniaminovna, PhD, head of department of historical science of Research Centre for history and culture of the Turkic peoples of Gorno-Altaisk State University. A. Lenkina str. 1, Gorno-Altaisk, Russia, 649000, tel.: +7 (913) 998-57-97, e-mail: trifanovasv@mail.ru.

УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА* (ЧАСТЬ 1)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, Первая мировая война.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ (PART 1)

© A.V. Ganin

The sketch is about a biographic research of general Akulinin as a one of the most important persons of the White movement on Eastern Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Forces, General Staff, World War I.

История конницы – история ее начальников. Из всех соратников оренбургского атамана А.И. Дутова эти слова относятся к Генерального штаба генерал-майору Ивану Григорьевичу Акулинину в наибольшей степени. Акулинин, пожалуй, – вторая после Дутова по яркости звезда на оренбургском небосклоне периода Гражданской войны и один из наиболее близких Дутову людей практически с самого начала антибольшевистской борьбы. С конца 1917 г. и вплоть до февраля 1919 г. он был ближайшим помощником атамана. Деятельность этого незаурядного казачьего офицера разделилась как бы на три жизни: военная карьера, работа историка и собирателя исторических реликвий и литературное творчество. Если же взять последовательность событий биографии, то и здесь можно выделить три абсолютно разных жизненных отрезка: жизнь в старой России, участие в Гражданской войне и годы изгнания. В каждый из этих периодов Акулинин перенес столько, сколько иные люди не испытывали за целую жизнь[1].

I. В старой России

И.Г. Акулинин родился 12 января 1880 г. в уральской глубинке – в поселке Урлядинском станицы Карагайской Оренбургского казачьего войска неподалеку от уездного города Оренбургской губернии Верхнеуральска, в семье простого казака. Впоследствии, уже находясь в эмиграции, он так описывал свои родные края: «Поселок Урлядинский лежал на старой линии, которая тянулась от Оренбурга вверх по Уралу и затем шла вниз по реке Ую[2]. Через него пролегало два тракта: на Миасс и на Троицк. Движение в обе стороны было большое, подвод выходило много. В разговорах и просьбах по начальству урлядинцы постоянно жаловались на обременение подводной повинностью… Трактовая дорога

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

[1] Различным аспектам биографии И.Г. Акулинина автор этих строк посвятил ряд публикаций [16–26]. В 2006 г. биографический очерк об Акулинине, как и вся глава «Соратники Дутова», был изъят издательством «Центрполиграф» из моей монографии «Атаман А.И. Дутов» в целях сокращения объема.

[2] Поселок в Оренбургском войске соответствует хутору войска Донского. И.А. – *прим. И.Г. Акулинина*.

была хорошо наезжена. Тарантас двигался легко… По сторонам виднелись приземистые стога сена и высокие скирды хлеба. Местами стояли еще не убранные копны снопов. Картина сжатых полей и выкошенных лугов представлялась довольно унылой, хотя местность сама по себе, с разбросанными на ней холмами и пригорками, была довольно живописна. Вдали синели отроги Уральских гор, а за речкой, по склонам холмов, тянулись березняки. Это были общественные леса, которые казаки в течение лета вырубали нещадно, несмотря на запрещение. Лес в казачьем хозяйстве нужен был дозарезу: на плетни, на оглобли, на веники, на всякие домашние поделки… С горы открывался красивый вид: впереди чернел сосновый бор, виднелась высокая колокольня Карагайской церкви, зеленели березняки»[3] [5, с. 81, 85, 88]. Впрочем, довольно рано Акулинину пришлось покинуть родные места.

Будущий генерал окончил Верхнеуральское городское двухклассное училище и в 1900 г. поступил на военную службу вольноопределяющимся. После учебы в Оренбургском казачьем юнкерском училище хорунжий Акулинин был направлен во 2-й Оренбургский казачий полк, располагавшийся в Варшаве [75, с. 21]. Будущий генерал не оставил воспоминаний о первых годах службы, поэтому на помощь приходят его небольшие художественные очерки эмигрантского периода о быте казачества императорской России, в которых отчетливо виден автобиографический элемент. Например, следующее художественное описание: «Сотник, как истый военный, глубоко презирал штатских. Это он хорошо усвоил с юнкерских лет. Его первая служба – до льготы – прошла во 2-м Оренбургском полку, в Варшаве. Там он близко сошелся с кавалерийскими офицерами – среда, которая не переносила штатский элемент… Об академии Генерального штаба сотник думал давно и уже выписал учебники, но с подготовкой дело не ладилось: с зимы откладывалось на лето, с лета на зиму…» [5, с. 87–88].

По нашему предположению, автобиографические элементы прослеживаются и еще в одной художественной зарисовке Акулинина, отображающей ранние годы его службы: «Хорунжий Романов с первого раза производил хорошее впечатление… Военная школа наложила на него определенный отпечаток: в движениях, в манере держаться проглядывали подтянутость и четкость, за которыми скрывалась природная мягкость и склонность к лени. В детстве, как видно, его много баловали.

Ученье и служба давались Романову легко. Начальство его выдвигало, подчиненные любили. Он был хорошим товарищем и, не имея большой склонности к спиртным напиткам, с удовольствием принимал участие во всех полковых кутежах и приятельских пирушках... Однако предпочитал бывать в обществе, в кафе, в ресторанах, особенно с дамами.

Военным делом интересовался серьезно и военную службу считал главным стержнем своей жизни. Был начитан: кроме общей литературы с увлечением читал журналы и книги военного содержания. Посещал лекции и доклады, как на общие, так [и] на военные темы, в особенности, когда выступали офицеры Генерального штаба. С этой стороны служба в Варшаве, как [в] крупном военном центре, представляла большой интерес, и для молодого офицера была весьма полезна.

В Варшавском военном округе офицеры находились на особом счету и занимали привилегированное положение. Одевались все безукоризненно, особенно гвардия и кавалерия. Чтобы казачий мундир сидел хорошо, от портного требовалось большое искусство, и в этом отношении в Варшаве офицер мог быть спокоен: ему все шили красиво и по форме.

В Оренбурге по спине узнавали, откуда приехал незнакомый офицер, – из Варшавы или из Туркестана.

Хорунжий Романов, по рекомендации полкового адъютанта, одевался у одного из лучших портных на Краковском Предместье.

Темно-синий сюртук-чекмень сидел на нем как влитый: диагоналевые рейтузы с синими лампасами были заправлены в вы-

[3] В цитатах сохраняется орфография первоисточника.

сокие, кавалерийского образца сапоги…» [2, с. 14]. Даже если речь шла не о самом авторе рассказа, реалии казачьей службы в Варшаве были описаны весьма точно.

Когда началась Русско-японская война, Акулинин добровольцем отправился из Варшавы на Дальний Восток и около двух лет провел в Маньчжурии в 4-м Сибирском казачьем полку войскового старшины Д.С. Калачева. Полк прибыл в Ляоян 11–13 мая 1904 г. [69, Приложения, с. 18]. Как вспоминал служивший в полку сотник П.Н. Шатилов (будущий начальник штаба Русской армии генерала П.Н. Врангеля в 1920 г.), «наш полк был второочередным, т. е. не существовавшим в мирное время, и пополнен офицерами, по большей части служившими в мирное время по казачьей администрации. Калачев, например, был до войны помощником начальника отдела Сибирского войска, другие же исполняли обязанности казначеев отделов, заведывающих хозяйством и т. д. Я был первым офицером, прибывшим со стороны, а не из войска. Потом таких было большинство, и офицерский состав принял совершенно другую окраску, но при моем вступлении в полк я попал в глубоко провинциальную среду, отставшую от военного дела» [76, с. 10]. Таким же прибывшим в полк со стороны офицером-добровольцем был молодой Акулинин. Возможно, по этой причине они и подружились с Шатиловым. Впрочем, в отличие от Шатилова, Акулинин не являлся выходцем из правящей элиты страны и прежде не служил в гвардии.

В конце мая 1904 г. Сибирская казачья дивизия под командованием генерала Н.А. Симонова в районе станции Вафандян прикрывала главные силы I Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта барона Г.К. фон Штакельберга, выдвинутые для деблокирования крепости Порт-Артур. 31 мая 1904 г. Акулинин и Шатилов получили боевое крещение и тогда же отличились на разведке перед станцией Вафандян, обнаружив ни много, ни мало – наступление 2-й японской армии генерала Я. Оку (штаб Маньчжурской армии ранее ошибочно считал, что армия Оку выполняет пассивную задачу заслона для обеспечения осады Порт-Артура с севера) [69, с. 331].

Оба героя этой разведки оставили свои воспоминания. Подробности произошедшего были следующими. Как вспоминал Шатилов, «поздно вечером 29 мая[4] я был вызван в штаб полка, где командир полка дал мне прочесть приказание начальника дивизии о командировании трех сильных разъездов на юг. Эта разведка должна была следовать веером по обе стороны железной дороги. Средний разъезд был поручен мне. К моему удивлению, в мое распоряжение дана была целая полусотня с офицером. Этот офицер оказался хорунжий И.Г. Акулинин, прекрасный молодой офицер Оренбургского войска, переведенный в наш полк. Приказание было ясное – мы должны были следовать вперед до встречи е противником и давать о нем сведения.

Выступил я ночью и на рассвете был, примерно, верстах в пяти-шести от Вафандяна. Казаки стали кипятить воду, чтобы – по их выражению – «почаевать», а я поднялся на находившуюся впереди возвышенность, чтобы посмотреть в бинокль на местность, открывшуюся передо мной. Каково же было мое удивление, когда верстах в десяти от меня я увидел широкое облако пыли. Было ясно, что оно поднято проходящими частями, притом в значительном числе.

Я немедленно же скомандовал – «по коням». Казаки вылили воду из своих бакирок (котелков), и я с ними быстро двинулся вперед навстречу поднятой пыли. Пройдя версты две, я поднялся на один из отрогов высот и увидел в бинокль движение довольно значительных японских сил. Спешив казаков за этой высотой, я послал свое первое боевое донесение. Наступающие силы я определил в полторы-две дивизии. Часа через два я получил с казаком конверт с распиской начальника штаба дивизии, что означало, что донесение благополучно дошло по назначению» [76, с. 11].

По свидетельству Акулинина, казаки заметили японцев еще на рассвете, а затем под давлением противника стали отступать,

[4] Судя по воспоминаниям Акулинина, речь идет о вечере 30 мая.

при отступлении два разъезда, находившиеся к западу от железной дороги, задержались. Это были разъезды полусотни 3-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка сотника Шатилова и хорунжего Акулинина.

На одной из высот разъезды спешились, коноводов с лошадьми укрыли в лощине, а начальники разъездов со спешенными казаками повели наблюдение за противником. Как вспоминал Акулинин, «погода стояла чудная. Весеннее солнце светило ярко и к полудню начинало припекать. Воздух был напоен ароматом душистых трав и цветов. Местность кругом была пересеченная: невысокие, но крутые горы к востоку от железной дороги переходили в холмы, изредка покрытые небольшими рощами. Всюду зеленели прекрасно возделанные поля, среди которых виднелись деревушки, отдельные фанзы и кумирни.

Казаки с замиранием сердца следили за передвижением японских войск. До сих пор им приходилось иметь дело только с «обозначенным противником» на полковых ученьях и на маневрах. В боевую обстановку офицеры и казаки попали в первый раз.

С высоты хорошо было видно, как по ту сторону железнодорожного полотна двигались передовые японские части с навьюченными пулеметами и горными пушками. За ними, вдали, постепенно стали показываться головы походных колонн. Местами пылили артиллерия и обозы.

Время от времени с крутого холма кубарем скатывался одиночный казак с крепко зажатым пакетом в руках. Ловко прыгнув в седло и взмахнув нагайкой, он наметом скакал в тыл, чтобы доставить в штаб очередное донесение.

Из непрерывно поступавших донесений начальник передового отряда вскоре составил себе ясную картину, что от Пуландяна наступает вся японская армия» [6, с. 114]. Оставаться на холме становилось опасно, но азарт молодых необстрелянных офицеров толкал их на риск.

По воспоминаниям Акулинина, «вахмистр Комов, степенный сибиряк с окладистой бородой, прекрасно разбиравшийся в обстановке, подошел «к их благородиям» и в почтительной форме доложил, что пора бы и сниматься; тем более, что позади хороших наблюдательных пунктов еще много.

Но тут один из казаков крикнул:

– Ваше Благородие, японцы, и показал рукой направо.

Офицеры взялись за бинокли; но и простым глазом было видно, как из ближайшего леска выходит колонна, силою около батальона» [6, с. 114].

Шатилов считал, что Акулинин нервничал сильнее его и все время порывался открыть огонь [12, л. 118]. По свидетельству Шатилова, «на занятой высоте я решил остаться и около двух часов дня я обнаружил, что японская пехота движется и с западной стороны железной дороги. В голове шло около двух батальонов; что шло за ними, я не видел. Эти батальоны двигались в походной колонне прямо на нас. Я находился в весьма приподнятом настроении; эта разведка была моей первой боевой работой, и я сознавал, что наступило время на нашем фронте крупных операций и что случай привел меня сыграть значительную роль в выяснении сил противника. Я не расставался с биноклем, который оказался в этот день моим главным оружием; это был призматический «краус», который перед моим отъездом в Маньчжурию подарил мне отец.

Рядом со мною все время находился Акулинин. Время от времени казаки пытались подняться на вершину, но я возвращал их назад, чтобы они не выдали нашего расположения, а Акулинина я время от времени посылал объяснить казакам обстановку. Сами мы, притаившись у кустика, наблюдали за японцами: хотелось их подпустить как можно ближе, чтобы открыть огонь на дистанцию действительного ружейного выстрела, т. е. шагов на 700–800.

Когда колонна была, примерно, в 1500 шагах от нас, я приказал Акулинину поднять полусотню, «сботовав» предварительно лошадей. «Ботовать» лошадей – означало притянуть повода одной шеренги к другой, тогда лошади не могли вырваться, а только могли кружиться на месте. Для наблюдения за ними оставили по одному казаку на взвод. Остальные же казаки ползком, очень осторожно поднялись на гребень и стали заряжать винтовки. Видя спо-

койно двигавшихся японцев, они стали выражать нетерпение, желая скорее открыть огонь, но я знаками их успокаивал. Наступила мертвая тишина.

Когда японские дозоры подошли к нам совсем близко, я открыл огонь залпами, назначив прицел в тысячу шагов. Уже первый залп повалил много японцев. Сейчас же последовали второй, третий, четвертый и пятый залп. Японцы стали разбегаться в цепь. Ясно было видно, как они разбегались в беспорядке, но не назад. Казаки стреляли частым огнем, но вскоре японцы стали отвечать, однако их пули сначала летели через наши головы. Они, очевидно, еще не установили точно, где мы находимся.

Спустя минут десять японцы стали наступать перебежками, выделив из колонны две роты нам в обход с запада. Стрельба их стала для нас более действительной – появились раненые, по счастию легко, их я отправил с проводником верхом в тыл; но скоро один из моих урядников получил тяжелое ранение в грудь. На выстрелы подошла к нам по железной дороге дрезина, на которую я и погрузил раненного урядника. Фельдшера у меня не было, и мне самому пришлось делать раненым перевязки.

Между тем, японцы продвигались с небольшими остановками. Посланные нам в обход их роты уже стали нам угрожать справа. Ведя этот бой, я, однако, не должен был забывать своей главной задачи по разведке. Я все время следил за движением главных японских сил, наступавших к востоку от железной дороги, и время от времени при появлении новых колонн посылал начальнику дивизии подробные донесения. На одно из них я получил от него благодарность с указанием продолжать разведку.

Японцы подошли уже ко мне шагов на четыреста, а обходящие роты открыли по нам огонь с фланга. Чтобы продолжать наблюдение, я решил отойти на следующий кряж, что мне и удалось сделать, не обнаружив своего отхода. Расположившись на новой, более высокой, возвышенности, я продолжал свои наблюдения. Но эта возвышенность, несмотря на свою большую высоту, уже не давала мне того обзора, какой был раньше. Скоро японцы продвинулись до моей прежней позиции и стали наступать опять на нас.

В это время я получил от своего командира полка приказание присоединиться к полку. Более раннее распоряжение начальника дивизии поручало мне продолжать разведку, командир же полка требовал ее прекращения. Я был в затруднительном положении. Решив остаться на месте, я послал Калачеву донесение о том, что его распоряжение расходится с приказанием начальника дивизии и для того, чтобы я присоединился к полку, мне необходимо подтверждение, что моя задача окончена. К вечеру, когда японцы уже подходили к нашему расположению, и я собирался вновь вступить с ними в перестрелку, я получил повторное приказание командира полка немедленно вернуться. Отсалютовав японцам новыми пятью залпами, я снялся с позиции и пошел на рысях к Вафандяну. Было уже темно, когда я нашел свой полк. Так кончилась моя первая боевая разведка, мое боевое крещение» [76, с. 11–12].

Описание боя Акулининым несколько отличается. Как отмечал Акулинин, после трех удачных залпов японцы побежали, однако вскоре, выстроившись цепями, вновь стали атаковать казаков. Полусотня не могла сражаться с батальоном, и было решено как можно скорее отходить, чтобы не попасть в окружение, тем более, что главные силы японцев уже продвинулись по другую сторону железной дороги далеко вперед. Самый опасный момент – посадка на коней – прошел благополучно. Отходили лавой, пренебрегая опасностью. Как вспоминал Акулинин – «у начальников разъездов было слишком много молодого задора. Да и казаки, разгоряченные перестрелкой, совсем вошли во вкус боевой обстановки. Приятно было сознавать, что побывали под пулями и получили боевое крещение» [6, с. 115]. Несмотря на возможность скрытного отхода, полусотня отходила, рассыпавшись в лаву по открытому склону, обращенному к японцам. Сотнику Шатилову пуля поцарапала ногу, у Акулинина была легко ранена лошадь, ранения получили несколько казаков.

За успешную разведку в 1904 г. молодые офицеры были награждены аннинским

оружием. Шатилов, благодаря этой разведке, даже прославился в дивизии, а документы, связанные с обнаружением разъездами японского наступления вошли в официальную многотомную историю Русско-японской войны [70, с. 3].

Позднее Акулинин был отмечен орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. За разведку на реке Шахэ командующий армией в 1905 г. лично вручил ему орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В том же году Акулинин был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами [44, л. 232 об.]. Русско-японская война дала будущему казачьему генералу богатый опыт боевого применения конницы, пригодившийся ему впоследствии в годы Первой мировой и Гражданской войн.

В связи с революционными событиями Акулинин был отозван в Оренбургское казачье войско и назначен младшим офицером и полковым адъютантом в 14-й Оренбургский казачий полк войскового старшины М.Л. Юдина, занимавшийся наведением порядка непосредственно на территории войска. К сожалению, данных о том, чем именно занимался в этот период сам Акулинин, не сохранилось, можно предположить, что ему пришлось выполнять канцелярскую работу и срочные поручения командира полка. Однако о трудностях, которые выпали на полк в борьбе с революционерами, следует сказать особо.

Полк мобилизовался на борьбу с беспорядками не единовременно, а постепенно, сотня за сотней, решениями Наказного атамана Оренбургского войска, принимавшимися по мере ухудшения обстановки в войске. К середине декабря 1905 г. были мобилизованы уже три сотни полка, а 5 января 1906 г. завершилась мобилизация всех шести сотен, которые затем были собраны вместе [43, л. 2; 58, л. 13]. В 1906 г. полк нес службу, как в самом Оренбурге, так и в тех районах, которые были отрезаны из-за весеннего половодья от «большой земли», охранял помещичьи усадьбы.

Служба у полка выдалась нелегкой. Революционеры всячески пытались натравить население на казаков, обострить и без того сложную обстановку. Казаков в революционной прессе именовали не иначе, как головорезами и душегубами. Подлинными заложниками ситуации были сами казаки, которые не разбирались в тонкостях политической борьбы и лишь выполняли свой долг, за что подвергались всевозможным унижениям и оскорблениям. Доставалось и офицерам полка. Например, радикальная оренбургская газета «Степь» взяла интервью у выгнанного денщика командира полка с целью скомпрометировать его бывшего начальника [72, 3 июня]. Другие материалы революционной печати того времени отличались не меньшей нелепостью: «Все надежды казаков 6-й сотни 14 полка на удовлетворение их неоднократных жалоб начальству на жестокое обращение есаула [И.М.] Тарасова рухнули. Теперь казаки собираются от лица всей сотни служить молебен Николаю Угоднику, надеясь, что хоть через угодника избавятся[5] от ненавистного есаула» [72, 18 июля].

Кульминацией событий 1905–1908 гг. в Оренбурге стал «расстрел» у Беловской тюрьмы 22 мая 1906 г., связанный с действиями казаков полка, в котором служил Акулинин. Этот инцидент, являвшийся не чем иным, как провокацией левых экстремистов, был в полной мере использован ими в целях радикальной антиправительственной пропаганды. На примере «оренбургской Гапоновщины» любопытно рассмотреть и проанализировать не только механизм политической провокации, но и схему нагнетания экстремистами массовой истерии.

События 22 мая разворачивались следующим образом [28, л. 93–94]. В этот день в Оренбурге экстремисты организовали тайный митинг на одной из окраин города. Затем революционно настроенная толпа с пением соответствовавших моменту песен двинулась в город. Всего в процессии участвовало пятьдесят человек во главе со студентом Лесного института В. Бялоблоцким и супругой политзаключенного С. Ососкова. По пути толпа нарастала. Маршрут процессии пролегал к Беловской тюрьме, где находились под стражей некоторые полит-

[5] В тексте статьи «избавиться».

заключенные, которые с 17 мая объявили голодовку.

С пением «Марсельезы» толпа остановилась перед тюрьмой. В это время заключенные стали бить стекла и выбрасывать из окон красные флаги. Тогда из тюремных ворот вышел караул казаков 14-го Оренбургского казачьего полка и попросил митингующих разойтись. На это с криком «Бей казаков» из толпы было произведено два револьверных выстрела, одним из которых урядник Пастухов был ранен в большой палец левой ноги.

В ответ на эту провокацию караул произвел два залпа шестью выстрелами, после чего толпа рассеялась, оставив одного убитого и одного раненого, который позднее скончался. Через несколько минут толпа вновь стала собираться на площади. В это время туда прибыл взвод казаков, предложивший толпе мирно разойтись, а в ответ посыпался град камней. Тогда казаки с помощью шашек и нагаек разогнали толпу. В ходе столкновения два мещанина были легко ранены шашками, один человек пострадал в драке с неизвестным.

Кто же оказался в числе жертв «расстрела»? Ответ настолько парадоксален, что полностью подтверждает гипотезу о том, что караул стрелял поверх голов. Жертвы были совершенно случайные: приезжий слесарь М.Н. Золотухин (19 лет) и мещанин И.Т. Скаков (45 лет). Последний оказался прохожим, который в митинге не участвовал, а спокойно шел с женой по улице и нес самовар, в двух местах пробитый пулями. Для провокаторов, стремившихся на народной крови заработать себе политический капитал, случайность этих жертв не имела значения. Был повод для раздувания социальных противоречий, и он был использован.

Сразу началось намеренное искажение произошедших событий, нашедшее свое отражение в мемуарах более позднего времени. Согласно довольно нескладной революционной версии, демонстрация подошла к тюрьме и вдруг полицеймейстер Волженцев закричал: «Бей их, руби, стреляй!». Раздались два выстрела, затем казаки стали рубить демонстрантов шашками, шлепали пули [73, с. 53]. Непонятно, как при этом в толпе могло погибнуть только два человека. Газета «Оренбургский край» также привела сомнительную версию: «Два казака из числа окруживших тюрьму, позвякивая затворами ружей, стали стрелять в ошеломленную толпу, многие из которой в суматохе напоролись на колючую изгородь. Несмотря на крик одного офицера: «Что вы делаете? Зачем стреляете?» – казаки продолжали рубить (! – *А.Г.*) публику, снова слышались выстрелы…» [42, с. 110].

Депутату Государственной Думы от Оренбургской губернии Т.И. Седельникову была вскоре направлена телеграмма следующего содержания: «Сейчас в 8 часов вечера безоружная толпа, мирно шедшая к тюрьме просить политических заключенных прекратить голодовку, была расстреляна казаками. Двое убитых и несколько раненых. Подробности завтра. Протестуйте» [73, с. 54]. Можно предположить, что провокация у тюрьмы была специально организована в период работы первой Государственной Думы, чтобы событие получило возможно бóльшую огласку.

Объектом героизации революционерами был избран слесарь Золотухин, поскольку мещанин Скаков, не будучи пролетарием, на роль народного героя не годился и в акции 22 мая даже не участвовал. Анонимные авторы из газеты «Степь» намеренно раздували по сути своей незначительный эпизод [72, 26 мая]. В настоящую демонстрацию протеста переросли похороны Золотухина 26 мая, в которых участвовало около шести тысяч человек [41, с. 23]. Как водится, в этот день рабочие Оренбурга прекратили работу. Среди венков был и один с провокационным посвящением: «От группы сознательных убитых горем казаков. Жертве казачьей темноты» [38, с. 159].

«Степь» после похорон постоянно напоминала о произошедших событиях. В более поздних номерах о них появлялась самая разнообразная информация. Так, в № 19 подробно перечислялись все венки на могилу Золотухина, а затем газетчики обрушились с беспощадной травлей на тех казачьих офицеров и даже нижних чинов, которые были, с их точки зрения, повинны в произошедшем возле тюрьмы. В номере от 30 мая «Степь» бичевала вахмистра

14-го Оренбургского казачьего полка Константинова и командира того же полка М.Л. Юдина [72, 30 мая]. Доставалось и другим офицерам. Так, по мнению неизвестного автора: «во время похорон (Золотухина. – *А.Г.*) командир 6 сотни есаул [И.М.] Тарасов приготовил 6 верховых казаков с винтовками на тот случай, как бы покойный не встал из гроба и не крикнул казакам заслуженного оскорбления» [72, 30 мая]. На самом деле действия Тарасова были абсолютно правомерны, ведь похороны, превратившиеся в массовую политическую манифестацию, стали для провинциального Оренбурга центральным событием того дня. Что же касается газетного сообщения, то, несмотря на всю его абсурдность и не слишком утонченный юмор, оно, очевидно, одобрительно воспринималось в определенных, радикально настроенных кругах. Революционеры вели агитацию не только через печать, но и непосредственно в полку. Такие попытки, в частности, предпринимались в отношении казаков первой сотни 14-го полка, охранявших один из центров оренбургского пролетариата – главные железнодорожные мастерские [32, с. 59]. Например, сторож токарного цеха Королев говорил казакам, что у них скоро отнимут землю, что им плохо живется и т. д. [27, л. 27]. В некоторых случаях пропаганда достигала успеха. Так, за распространение прокламации «Товарищи солдаты и казаки», подготовленной оренбургской группой РСДРП, по приговору Казанского военно-окружного суда был лишен звания, заключен на два месяца в тюрьму и переведен в разряд штрафованных старший урядник 3-й сотни 14-го Оренбургского казачьего полка, казак станицы Ильинской 1-го военного отдела С.И. Тимофеев [29, л. 11, 13; 35, с. 97]. На 1907 г. он находился под надзором.

Новый Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-майор Ф.Ф. фон Таубе писал 24 мая 1906 г., что «чины 14 полка сначала отдельными сотнями, а потом и в составе всего полка, со времени сформирования несут весьма трудную службу по предупреждению и прекращению беспорядков в г. Оренбурге, будучи всегда готовы явиться по первому требованию гражданских властей; на полк же возложена и охрана мест заключения, железнодорожных сооружений (мастерских, мостов и др.), Казначейства, Государственного Банка, почтово-телеграфной конторы; кроме того, на полк же, по увольнении в запас нижних чинов 310 пехотного Стерлитамакского полка, возложено несение караульной службы с 23 января сего года по настоящее время…служба в месте постоянного командирования, гораздо труднее, нежели в уездах…» [58, л. 298 об.]. И действительно, казакам после выполнения своей задачи предстояло жить в этих краях вместе с семьями и даже, вероятно, встречаться с теми, кого они усмиряли. Почти наверняка казаки учитывали этот факт, участвуя в подавлениях. Все эти соображения в очередной раз подтверждают известную истину о крайней неэффективности применения воинских частей по местам их формирования.

Однако власти повели себя крайне неосторожно, задержав на восемь (!) месяцев выплату суточных казакам 14-го полка, столь важного для обеспечения безопасности войсковой столицы. В результате накопилась значительная сумма в 37 282 рубля 50 копеек, которую надо было выплачивать, чтобы успокоить растущее недовольство казаков [58, л. 355]. Кончилось тем, что 14-й Оренбургский казачий полк поставил начальству ультиматум – до 18 июня выдать суточные, иначе казаки разъедутся по домам. Когда были вызваны на усмирение солдаты, казаки с ними договорились не стрелять друг в друга. 16 июня казаки полка предъявили лично посетившему полк Наказному атаману целый ряд вопросов: [42, с. 160–161].

1. Для чего они собраны: для сохранения порядка или для охраны интересов помещиков и капиталистов?
2. Оправдывает ли служба затрачиваемый расход?
3. Определен ли срок службы?
4. Будут ли семьи казаков обеспечены всем необходимым от казны, а не от обществ?
5. Каковы гарантии семье в случае гибели казака и в чем заключается пособие?

6. Почему не улучшен казарменный быт и не выданы постельные принадлежности?
7. Будут ли казаки выведены из подчинения полиции, злоупотребляющей их использованием?
8. Будет ли установлен надзор за качеством пищи и фуража?
9. Почему несвоевременно выплачиваются банные деньги и делаются из них вычеты?
10. Облегчится ли служебное положение казаков в связи с ежедневной службой?
11. Когда будут выданы обмундировочные деньги, деньгами или формой (казакам было желательно деньгами. – *А.Г.*)?
12. Почему запасные казаки не заменяются на службе льготными казаками второй очереди?
13. Будет ли прекращена отдача под суд и аресты казаков за маловажные проступки?
14. Будут ли выданы деньги за лошадей, как было объявлено атаманом 1-го военного отдела при сформировании сотен?
15. Для чего пятая сотня полка командирована в село Спасское и когда будет возвращена?

Большинство вопросов касалось материального положения казаков. Не без внешнего влияния в список были включены и политические вопросы. Процесс политизации казачьей массы набирал обороты. Возможно, на казаков повлияли размещенные по соседству солдаты 242-го Белебеевского резервного батальона, прибывшего в Оренбург с Дальнего Востока в состоянии брожения, а экономическое недовольство казаков революционеры попытались направить в политическое русло. Гарант безопасности Оренбурга, 14-й Оренбургский казачий полк, защитивший город и губернию от экстремистов в самое неспокойное время, был расформирован 9 сентября 1906 г. [22] Нельзя исключать того, что революционная пропаганда, а также многочисленные провокации в отношении чинов полка оказали влияние на формирование мировоззрения молодого Акулинина и сказались через десятилетие на его решении принять активное участие в борьбе с большевиками. Тем более что после неприятной службы на подавлениях в 1906 г. Акулинин перевелся в гвардию, попал в Санкт-Петербург и даже был приближен к императорской семье.

Акулинин поступил на службу во вторую Оренбургскую сотню только что сформированного элитного Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Этот полк был одной из самых необычных воинских частей русской армии. Сформирован он был в соответствии с Высочайше утвержденным Положением от 27 мая 1906 г. в ознаменование вековых исторических заслуг Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, не имевших, за исключением Уральского войска, своих гвардейских частей. Основой формирования послужила Лейб-гвардии Уральская казачья Его Величества сотня, ставшая первой сотней полка и переименованная с 9 августа 1906 г. в 1-ю Уральскую Его Величества сотню.

Пропорционально численному составу, от остальных семи казачьих войск на формирование полка были назначены: от Оренбургского войска – сотня, получившая порядковый номер второй, от Сибирского войска – полусотня и по взводу от Астраханского и Семиреченского казачьих войск, составивших третью сводную сотню, полусотня от Забайкальского войска и по взводу от Амурского и Уссурийского войск, составивших четвертую сводную сотню, переименованную 2 апреля 1911 г. в четвертую Приамурскую сотню. По штату, утвержденному 27 мая 1906 г., в полку полагалось иметь в мирное время 668, а в военное – 674 человека. Командир полка должен был быть генерал-майором.

В постановлении Военного совета от 30 мая 1906 г. предписывалось «выбор офицеров для первоначального укомплектования вновь формируемого полка произвести по усмотрению наказных атаманов подлежащих казачьих войск… с тем, чтобы офицеры эти были избраны из отлично аттестованных (преимущественно из наиболее отличившихся в Русско-японскую войну) и принадлежащих к войсковому сословию своих войск…» [59, л. 4 об.]. Именно таким отличным боевым офицером и был И.Г. Акулинин, удостоенный чести быть переведенным в гвардию.

9 августа 1906 г. полку были дарованы права и преимущества Старой Гвардии. Шефом полка с 9 августа 1906 г. по 4 марта 1917 г. являлся сам император Николай II. Старшинство полка велось с 6 апреля 1830 г., когда Лейб-Уральской сотне были пожалованы права и преимущества Молодой Гвардии, и она была преобразована в Лейб-гвардии Уральскую сотню. Полковой праздник отмечался 6 апреля, в день Св. Евтихия.

Формирование полка завершилось к 28 октября 1906 г., причем организационно воинская часть была включена (до 23 марта 1916 г.) в состав 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (с началом Первой мировой войны бригада преобразована в Сводную казачью дивизию). С 23 марта 1916 г. полк находился в составе Гвардейской казачьей бригады Сводной гвардейской кавалерийской дивизии.

Первым командиром полка стал бывший командир Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотни генерал-майор Л.И. Жигалин (1859–1926). Его помощниками были полковник В.Г. Хорошхин (уралец) и П.И. Кременцов (оренбуржец). Адъютантом полка стал сотник 1-й Уральской сотни Н.А. Колпаков.

Полковой штандарт был пожалован новой части 9 августа 1906 г. и имел надписи «1798–1898» и на скобе «1906 Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка» и Андреевскую юбилейную ленту (пожалована Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотне 2 января 1899 г.). Парадная форма для чинов полка была установлена в соответствии с приборными цветами их войск. Уральцы и семиреченцы получили малиновые мундиры, оренбуржцы – голубые, сибиряки – алые, астраханцы, забайкальцы, амурцы и уссурийцы – желтые. Такого же сукна были тульи фуражек и вальтрапы при парадной седловке. Повседневная форма с 1910 г. была для всех чинов из темно-синего гвардейского сукна с белыми кантами по обшлагам рукавов. 4 октября 1912 г. был утвержден полковой знак в виде золотой императорской короны, опиравшейся на две залитые черной эмалью, скрещенные атаманские насеки, которые обвивал бант из Андреевской эмалевой ленты.

Как уже отмечалось, в полк набирались офицеры с опытом Русско-японской войны. В 1906–1914 гг. трое офицеров полка окончили академию Генерального штаба: подъесаулы Н.Н. Мартынов (уралец) и И.Г. Акулинин (оренбуржец), сотник Г.В. Рябов-Решетин (астраханец). Два офицера, сотник В.В. Мазуркевич (уссуриец) и хорунжий Н.А. Михайлов (сибиряк), поступили в академию. Из казаков в полк командировались, как правило, лучшие в своем войске, как в физическом, так и в нравственном отношениях люди. Все казаки были грамотны.

Конский состав сотен сильно различался по качеству, причем лучшие лошади были у уральцев и оренбуржцев. Масти лошадей различались по сотням: в 1-й и 3-й – гнедые, во 2-й – серые, в 4-й – наполовину гнедые, наполовину серые. Полк неоднократно получал первые призы на спортивных состязаниях войск гвардии, например, три года подряд в лыжной гонке на 15 километров с боевой стрельбой. Лучшими в стрельбе были казаки третьей и четвертой сводных сотен, тогда как казаки второй сотни лучше других владели холодным оружием. При полку действовало спортивное общество, организовывавшее соревнования [14, с. 175–186; 15; 33; 36, с. 146].

Оренбургской сотней тогда командовал будущий соратник Акулинина по борьбе в период Гражданской войны есаул (впоследствии – генерал-лейтенант) Л.П. Тимашев. Шефом полка числился сам император. Зиму 1906–1907 гг. полк провел в Авангардном лагере Красного Села под Петербургом в бараках, но уже к осени 1907 г. специально для полка были выстроены каменные казармы. Первая сотня полка дислоцировалась в Петербурге на Караванной улице, возле Михайловского манежа, вторая оренбургская сотня – в Гатчине, а к осени 1907 г. в Павловске были выстроены двухэтажные каменные казармы и конюшни для штаба, третьей, четвертой сотен и команд полка. В 1909 г. для полковых офицеров и чиновников в Павловске и Гатчине были выстроены квартиры с удобствами: для обер-офицеров – в 4 комнаты с кухней

и для штаб-офицеров и командиров сотен – в 6 комнат с кухней. Квартиры превышали по площади существовавшие к тому времени нормы для офицерских чинов. Помимо жалования, офицеры полка получали от своих войск ежемесячные пособия на представительские расходы в размере от 20 до 40 руб., в зависимости от чина и должности.

В период 1907–1909 гг. все сотни полка помесячно (по две сотни) несли охранную службу в дворцовых парках Царского Села, Павловска и Гатчины. В целях упреждения беспорядков, команды и сотни полка также поочередно несли дежурство в районе Охтинских пороховых заводов и посада Колпино. Так как царскосельский и павловский парки были общедоступны в любое время суток, конные патрули должны были ежедневно следить в них за порядком, а также сопровождать членов царской семьи при их прогулках по паркам. Офицеры дежурных сотен по всем воскресным и праздничным дням удостаивались приглашения на Высочайшие завтраки и принимали участие в торжественных мероприятиях в Высочайшем присутствии.

Акулинин первоначально служил младшим офицером полка, позднее стал помощником начальника учебной команды и и. д. полкового адъютанта [31, л. 135 об.]. Годы службы в гвардии позднее вспоминались Акулининым как один из лучших периодов его жизни. Акулинин писал, например, что «летом 1907 года наплыв дачников в Гатчину был почему-то особенно многочисленным. В парках, на улицах, в дачных садах и на виллах, – всюду царило большое оживление; слышался смех, веселые разговоры, по вечерам из раскрытых окон неслись звуки музыки и пения. Хорошая погода еще больше способствовала всеобщему веселью… Большое разнообразие в жизни Гатчины в то лето внес Л.-Гв. Сводно-Казачий полк. Повсюду в парках, на улицах мелькали малиновые, голубые, оранжевые фуражки офицеров и казаков.

Полк был вызван из Красносельского лагеря для несения караульной службы при Гатчинском Дворце. Такое доверие, такая высокая честь, выпавшая на долю полка, была оценена по достоинству, как офицерами, так и рядовыми казаками. Те и другие тянулись вовсю, чтобы не ударить в грязь лицом перед старыми гвардейскими полками и перед своими Войсками (имеются в виду казачьи войска, от которых были направлены в гвардию офицеры и казаки. – *А.Г.*), пославшими их служить в Царскую Гвардию…

Дворцовая служба была не трудная, но ответственная. Время было тревожное. Смута, разразившаяся в 1905 г., еще не улеглась. Всюду на Руси было неспокойно, во многих местах вспыхивали крестьянские волнения, в городах происходили забастовки, совершались террористические акты. Требовалась чрезвычайная бдительность. Сотни полка поочередно занимали дворцовые караулы, пешие и конные. Пешие выставлялись внутри и снаружи Дворца, конные – внутри Дворцового парка.

Помимо караульной службы в полку велись усиленные строевые занятия в конном и пешем строю. После русско-ниппонской (т. е. Русско-японской. – *А.Г.*) войны в Русской армии налегли особенно на стрелковое дело…, но главное внимание уделялось все-таки конному делу. Рубка, уколы пикою и шашкою, джигитовка были поставлены во всех сотнях блестяще» [11, с. 8–10].

Служба проходила не без различных курьезных ситуаций, которые позднее с любовью вспоминал Акулинин. Например, в его оренбургской сотне служил молодой хорунжий Суров – выпускник Николаевского кавалерийского училища. Суров отличался разного рода чудачествами и казакоманией, чем вызывал усмешку даже высочайших особ. Этот офицер носил пышный «кок» волос, что обычно позволяли себе только нижние чины. Из Оренбурга он привез настоящий казахский кош – войлочную кибитку, которую ко всеобщему удивлению поставил на сотенном дворе и разукрасил туркменскими коврами. Около коша Суров разводил костер и жарил беляши, а в казане варил татарский «бешбармак», которым угощал знакомых [11, с. 12–13].

В свободное время оренбургские офицеры, в том числе и Акулинин, посещали дом генеральши Мартыновой в Гатчине, где проходили шумные танцевальные вече-

ра и веселые кутежи. Как вспоминал Акулинин, «в ее гостеприимном доме собиралось самое разнообразное общество военное и штатское. Пожилые играли в карты, тянули густую наливку и вели умные разговоры; молодые танцевали, пели, играли на рояли, ухаживали и тоже с удовольствием прикладывались к наливке, которую мастерски изготовляла экономка фрейлен Мари. Центром внимания молодежи была дочь хозяйки, хорошенькая брюнетка Валерия Патрикеевна, только что покинувшая стены Смольного института» [11, с. 15].

Будущий генерал в этот период встречался с представителями правящей династии и даже беседовал с великой княгиней Ольгой Александровной и с самой императрицей Александрой Федоровной. Позитивные впечатления, вынесенные Акулининым из этого общения и нашедшие отражение в его написанных в эмиграции воспоминаниях [11, с. 9–15], не могли не сделать его убежденным монархистом. В 1910 г. Акулинин числился сотником полка. Не позднее 1909 г. он женился на уроженке Санкт-Петербургской губернии [67, л. 7 об.]. К сожалению, подробностей о первом браке Акулинина обнаружить не удалось.

По всей видимости, новый виток карьеры и попадание в гвардию усилили карьерные амбиции молодого офицера, приведя его к решению поступать в академию Генерального штаба. Скорее всего, поначалу Акулинин отнесся к вступительным экзаменам не слишком серьезно. Первую попытку поступить в академию хорунжий Акулинин предпринял еще в 1908 г., пройдя предварительные испытания при штабе Петербургского военного округа. Но затем потерпел неудачу, получив 8 баллов за топографическое черчение, 6 баллов по немецкому и 5 баллов по французскому языку, а по верховой езде оценку «удовлетворительно» [47, л. 311, 312, 326, 552].

Неудача не сломила будущего казачьего генерала, и на следующий год он вновь штурмовал стены академии, но срезался на этот раз еще на этапе предварительных испытаний при окружном штабе:

Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1909 г. в Петербургском военном округе [48, л. 24 об.–25].

Предмет	Балл
Тактика	10
Задачи по тактике	5
География	10
Политическая история	8
Русский язык	10
Средний балл	8,6

Очевидно, что неудача произошла из-за низкого балла за задачи по тактике, поэтому, засев за знаменитый учебник тактики К.Н. Дуропа [11, с. 13] и проявив завидную целеустремленность, молодой и честолюбивый гвардейский офицер И.Г. Акулинин предпринял третью попытку пробиться в Генеральный штаб. Стремление Акулинина в академию Генерального штаба поистине поразительно, но только третья попытка будущего генерала увенчалась успехом.

На предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе он получил следующие баллы:

Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе [48, л. 2].

Предмет	Балл
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	8
Русский язык	10
Средний балл	8,8

Этого балла оказалось достаточно для прохождения предварительных экзаменов. Разница в 0,2 балла между средними баллами И.Г. Акулинина в 1909 и 1910 гг. показывает, что положительный результат при поступлении в Академию зависел буквально от десятых долей балла. На вступительных экзаменах в академию Акулинин получил следующие баллы:

Результаты вступительных экзаменов сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в академию (1910 г.) [51, л. 7–108].

Предмет	**Балл**
Французский язык. 26 августа	10,5
Топографическое черчение. 27 августа	9
Верховая езда. 28 августа	хорошо
Математика: алгебра; геометрия; тригонометрия; средний. Генерал-лейтенант В.В. Витковский, полковник Д.Д. Сергиевский. 4 сентября	7; 4; 7; 6
Фортификация. Генерал-майор Н.А. Буйницкий, генерал-майор А.И. Ипатович-Горанский. 7 сентября	9,5
География (русская; общая; средний балл). 11 сентября	12; 12; 12
Русский язык. 15 сентября	12
Военная администрация. Свиты Его Величества генерал-майор А.А. Гулевич, генерал-майор Н.Н. Янушкевич. 18 сентября	11
Артиллерия. Полковник С.С. Дурново, полковник П.Д. Комаров. 21 сентября	10,5
Политическая история (общая; русская; средний балл). 24 сентября	9; 11; 10

Экзамен по русскому языку, который давал большой процент отсева [34, с. 121], Акулинин сдал на максимально возможный балл. Изучение документов, относящихся к различным периодам жизни этого офицера, не может не привести исследователя к выводу об абсолютной грамотности и большом литературном даровании И.Г. Акулинина. Интересно, что 9,5 балла он получил по фортификации у своего будущего подчиненного, известного военного инженера, впоследствии генерал-лейтенанта А.И. Ипатовича-Горанского – в 1918 г. Ипатович-Горанский возглавлял военно-инженерное управление Оренбургского военного округа, главным начальником которого являлся Акулинин. По итогам вступительных экзаменов Акулинин оказался двадцать пятым со средним баллом 9,55 [49, л. 45].

Надо сказать, что поначалу будущий генерал учился не очень хорошо. При окончании младшего класса он был лишь 76-м, набрав 9,5 балла [54, л. 19].

Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в младшем классе академии (1910/11 учебный год) [50; л. 11, 85–109; 52, л. 83–93]

Предмет	**Балл**
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	10; 8; 10; 9,3
Геодезия	7
Сведения по части артиллерийской	9
Политическая история	10
Летние тактические занятия в поле. 10–21 августа 1911 г.	9
Полевые поездки. Подполковник А.А. Балтийский. 6 сентября 1911 г.	10
Летние практические занятия по тактике артиллерии. Подполковник В.Г. Болдырев	10
Съемки (черчение; 1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка; общий средний балл)	9; 10; 11; 10,5; 11; 10,2

Такая же успеваемость в дальнейшем грозила Акулинину окончанием академии лишь по второму разряду, поэтому в старшем и дополнительном классах он взялся за учебу всерьез. В старшем классе академии он имел следующие баллы:

Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в старшем классе академии (1911/12 учебный год) [53, л. 13–57; 55, л. 2, 4]

Предмет	**Балл**
Военная администрация	9
Тактика. Полковник А.А. Незнамов	10
Военная история	11
Сведения по части инженерной	10
Военно-морское дело	12
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник В.Г. Болдырев	12; 9; 10

Баллы за съемки 2-го Псковского района (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). Генерал-майор А.К. Баиов	12; 12; 12

Как и следовало ожидать, будущий казачий историк имел лучшие баллы именно по историческим дисциплинам. По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса Акулинин получил 10,3 балла и, будучи 43-м по списку, был переведен на дополнительный курс [54, л. 8]. В том же списке на 52-м месте находился будущий генерал-лейтенант, а тогда еще уланский штабс-ротмистр В.О. Каппель, получивший 10,1 балла [54, л. 8 об.].

На дополнительном курсе слушатели должны были представить к защите несколько тем (по военной истории, военному искусству и стратегии). За первую тему по военной истории, доложенную 20 декабря 1912 г., сотник Акулинин получил 11,5 балла, оппонентами выступили генерал-майор Н.Н. Юнаков (впоследствии начальник штаба Румынского фронта) и полковник О.К. Энкель (один из руководителей русской разведки и будущий начальник финского Генерального штаба) [46, л. 293]. Акулинин уже в чине подъесаула 16 марта 1913 г. докладывал доставшуюся ему тему по военному искусству: «Резерв, его виды и применения. Примеры из русско-японской войны 1904-1905 гг.». Оппонентами на защите выступили будущий главнокомандующий армиями Северного фронта (с 9 сентября 1917 г.) полковник В.А. Черемисов и будущий вождь Белого движения на Юге России подполковник С.Л. Марков [56, л. 4]. За свой доклад Акулинин получил 11 баллов [45, л. 140]. 8 апреля 1913 г. – доклад третьей темы и тоже высокий результат.

Баллы сотника И.Г. Акулинина за стратегическую тему [56, л. 182, 188, 276]

Тактико-стратегический	Общая тактика. Полковник П.Ф. Рябиков	9,5
	Тактика пехоты. Полковник Б.В. Геруа	11
	Тактика кавалерии. Полковник В.З. Савельев	9,5
	Тактика артиллерии. Полковник В.Г. Болдырев	9
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел. Генерал-майор Г.Г. Христиани		11
Военно-административный отдел		11,5
Общий средний балл		10,8

Самый низкий балл за третью тему Акулинину поставил не кто иной, как будущий главнокомандующий войсками Уфимской Директории Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Остается только гадать, как это отразилось на взаимоотношениях двух генералов в период Гражданской войны, но в 1918 г. именно В.Г. Болдырев утвердил производство И.Г. Акулинина в генерал-майоры [68, л. 1].

Средний результат Акулинина за темы составил 11,1 балла. При окончании дополнительного курса он оказался девятым по списку, со средним баллом 10,7. Для сравнения, штабс-ротмистр В.О. Каппель был лишь пятидесятым, его средний балл составлял 10,1, так что Каппель едва не оказался под чертой, и при менее благоприятном для него стечении обстоятельств мог не попасть в Генштаб.

По окончании дополнительного курса подъесаулу (со старшинством с 8 августа 1912 г.) И.Г. Акулинину, а также четверым его сокурсникам, были присуждены премии за стратегические темы. Акулинин был отмечен премией имени генерал-лейтенанта А.А. Зейфарта «за лучшие съемки и кроки» [57, л. 5 об.], получил он и право на преподавание курса военной истории в военных училищах без предварительных испытаний, а также был награжден «за отличные успехи в науках» орденом Св. Анны 2-й степени [57, л. 11]. Между прочим, орденом Св. Анны 3-й степени был за окончание Академии награжден и В.О. Каппель. Лучшие офицеры выпуска могли выбрать, соответственно, и наилучшую вакансию, например, в Петербургском военном округе, однако подъесаул Акулинин предпочел Одесский военный округ, при штабе которого ему, после месячного отпуска домой, предстояло пройти девятимесячное испытание на предмет соответствия службе в Гене-

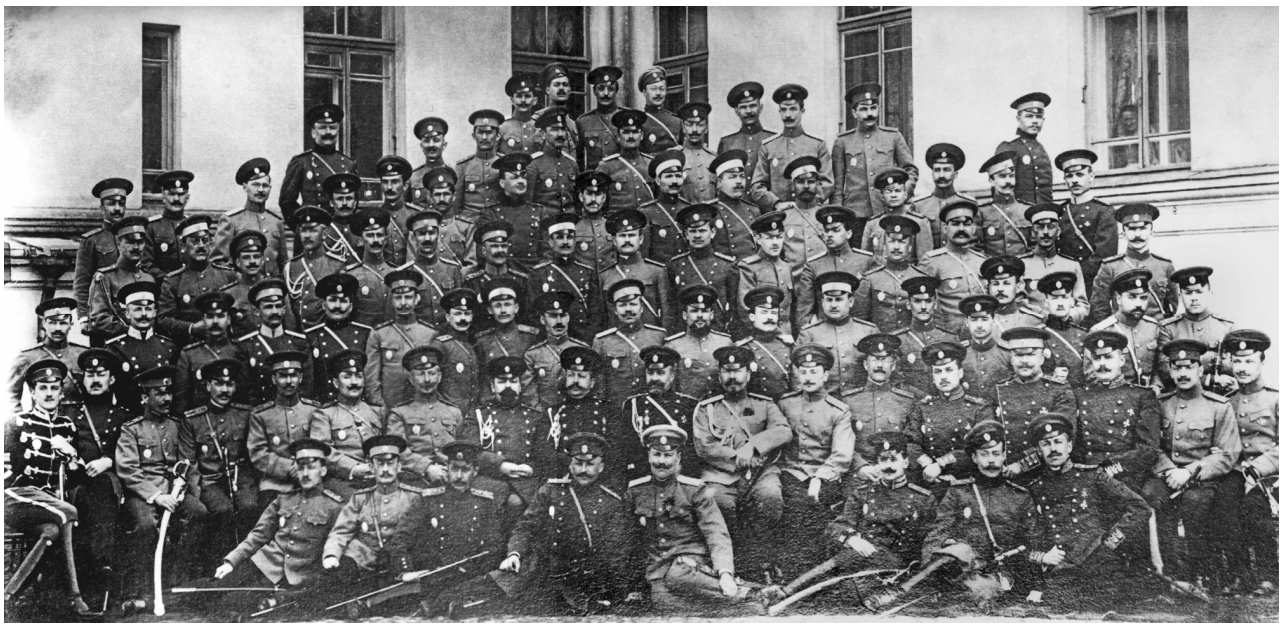

Рис. 1. И.Г. Акулинин (5-й слева в первом ряду) среди выпускников Императорской Николаевской военной академии. 1913 г.

ральном штабе (прикомандирован к штабам VII армейского корпуса, 13-й пехотной дивизии и затем VIII армейского корпуса [31, л. 136]).

3 мая 1913 г. состоялся прощальный товарищеский обед офицеров – выпускников академии. В тот же день от имени всех выпускников начальник академии генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич отправил приветственную телеграмму на имя Военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова: «Офицеры дополнительного курса вверенной мне академии выпуска 1913 года, собравшись на прощальный товарищеский обед, просят Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувства безграничной преданности и готовность применить приобретенные знания во славу обожаемого Державного Вождя и на пользу дорогой родине» [57, л. 85]. Император Николай II ответил: «Сердечно благодарю окончивших академию офицеров и желаю им успешной службы» [57, л. 88]. Завершив свои дела, выпускники разъехались по России, чтобы больше никогда не собраться вместе, – это был предпоследний выпуск академии перед Первой мировой войной.

В академические годы Акулинин проявил себя как целеустремленный, упорный и честолюбивый офицер. Три его попытки поступить в академию свидетельствуют о необычайно сильном стремлении попасть в это высшее военно-учебное заведение. В конечном итоге будущий генерал добился успеха. Будучи выходцем из уральской глубинки, Акулинин сумел получить блестящее образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по первому разряду, Императорскую Николаевскую военную академию по первому разряду и Офицерскую кавалерийскую школу. Позднее, когда в родной станице Акулинина, Урлядинской, осенью 1918 г. открылось Высшее начальное училище, он писал на свою малую родину: «Поздравляю дорогих станичников [с] открытием Высшего училища. Радуюсь новому рассаднику света и знания. В просвещении молодого поколения наше будущее» [30, л. 1233]. Тяга к знаниям отличала Акулинина на всех этапах его жизненного пути.

Карьера Акулинина до 1917 г. была вполне успешной. На всех этапах своей офицерской службы Акулинин показал себя с лучшей стороны: отличился в Русско-японскую, был одним из лучших в академии, в годы Первой мировой войны заслуженно награжден за выдающуюся храбрость и умелое планирование боевых операций. Таким образом, к началу Гражданской войны он обладал большим опытом руководства войсками и, несомненно, стал

одним из лучших офицеров Генерального штаба армии адмирала А.В. Колчака.

По окончании академии в 1913 г. Акулинин был причислен к Генеральному штабу [37, с. 30]. Тогда же созрело решение защищать диссертацию на звание профессора по военной истории на тему «История Оренбургского казачьего войска». Находясь в 1913–1914 гг. по делам службы в Петербурге и проходя обучение в Офицерской кавалерийской школе, Акулинин в полной мере использовал представившуюся ему возможность вести исследовательскую деятельность. С осени 1913 г. он приступил к сбору источников по истории Оренбургского войска. Для подготовки диссертации Акулинин много работал в государственных и частных книгохранилищах и архивах столицы, использовал документы оренбургского Войскового архива, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба. Из Войскового архива (Оренбург) Акулинин получил все материалы, собранные подъесаулом С.Н. Севастьяновым и исторической комиссией генерала Н.Г. Лобова (19 томов исторических актов Оренбургского казачьего войска в хронологическом порядке).

Начальник казачьего отдела Главного штаба генерал-майор П.О. Агапов (сам оренбургский казак) предоставил в распоряжение Акулинина архив бывшего Главного управления казачьих войск и казачьего отдела, где Акулинин нашел все донесения Наказных атаманов на Высочайшее имя, начиная с 1870-х гг. Генерал-майор А.А. Суров, занимавший в казачьем отделе должность делопроизводителя, снабдил Акулинина многими письменными материалами, поступавшими из войска в различные петербургские учреждения. Из библиотеки Главного штаба Акулинин брал книги Ф.М. Старикова: «Откуда взялись казаки» и «Историко-статистический очерк оренбургского казачьего войска», а в книжном магазине Главного штаба приобрел одиннадцатый том многотомного издания «Столетие военного министерства», посвященный казачьим войскам.

В свободное время Акулинин занимался в публичной библиотеке, где делал выписки из иностранных источников (в том числе и на латинском языке), содержавших сведения о казаках. В конце концов, у Акулинина оказался обширный материал. На основе собранных документов Акулинин планировал осуществить целый ряд проектов, так или иначе связанных с историей его войска:

1) написать для защиты диссертации общую историю Оренбургского войска, как опыт исторического исследования, основанный на собранных материалах;

2) составить, пользуясь трудами комиссии генерала Н.Г. Лобова и некоторыми другими источниками, две отдельных работы, чисто военного характера:

а) Участие оренбургских казаков в войнах России, т. е. вне территории войска;

б) Служба оренбургских казаков на линии, т. е. на территории войска;

3) составить, на основе ежегодных донесений Наказных атаманов на Высочайшее имя и сношений с Главным управлением казачьих войск, особый Военно-статистический очерк оренбургского войска;

4) привести в порядок и опубликовать записки войскового старшины Н.К. Бухарина, которые, из-за смерти автора, остались необработанными [9, с. 13].

Однако большей части этих планов не суждено было осуществиться, помешала война. Первая мировая война застала Акулинина в Петербурге в Офицерской кавалерийской школе.

В годы войны И.Г. Акулинин служил сначала на фронте, а затем в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) [7, с. 5]. Особенно яркие воспоминания у него остались от маневренного периода войны, когда ему довелось служить на должностях Генерального штаба в коннице. В то время Акулинин приобрел бесценный боевой опыт, пригодившийся ему в годы Гражданской войны.

На фронт он пошел старшим адъютантом по строевой части (с 6 августа 1914 г.) штаба 3-й Донской казачьей дивизии генерал-майора С.В. Евреинова. Дивизия Акулинина действовала на левом фланге Гренадерского корпуса в интервале между 4-й и 5-й армиями. В эмиграции Акулинин написал труд «3-я Донская казачья дивизия в

боях под Люблином», но по финансовым причинам издать его не смог [13]. Дивизия была второочередной, казаки еще не втянулись в боевую работу, офицеры прибыли частично со льготы, частично из первоочередных полков, как писал сам Акулинин, среди казаков было много так называемых «кормяков» (от слова кормить) – казаков, никогда не служивших в первоочередных полках. Пулеметов и телефонов не имелось. Уже в августе сотни были измотаны беспрерывными передвижениями, люди не получали достаточно горячей пищи [10, с. 5].

Акулинин отличился в первых же боях – 8 августа у поселка Горай, 19-го – у Седлиска велька, где исполнял обязанности начальника штаба при отряде генерала Н.Г. Володченко, а 20-го – у села Олесники. За эти отличия он был представлен к производству в есаулы [44, л. 232].

19 августа (1 сентября) казаки самоотверженно прикрывали железнодорожную станцию Травники и железнодорожный мост через реку Вепрж, разрушение которого грозило приостановкой железнодорожного сообщения между Люблином и Холмом и выходом противника во фланг и тыл Гренадерского корпуса. Обороной самого моста руководил будущий видный деятель антибольшевистского движения на Дону подъесаул И.Ф. Быкадоров.

Акулинин отличился 22 августа (4 сентября) 1914 г. в бою у деревни Горжков. Тогда у дивизии была возможность атаковать фланг и тыл отступающих австрийцев, однако ни начальник дивизии, ни командиры полков никак не могли решиться на это. Тогда Акулинин с ординарцами поскакал вперед, увлекая за собой сотню 32-го Донского казачьего полка и взвод оренбуржцев. Атака увенчалась успехом – был взят в плен батальон австрийской пехоты. Увидев впереди снимавшуюся с места австрийскую батарею, Акулинин с казаками бросился и на нее, однако это предприятие успехом не увенчалось – импровизированный отряд Акулинина понес потери [3, с. 5–6].

За разработку плана и личное участие в стремительной конной атаке на сидевшую в окопах пехоту противника у села Драганы близ Тарнавки 26 августа (8 сентября) 1914 г. в составе 18-го Донского и 17-го Оренбургского казачьих полков был награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 5 мая 1915 г.). Идея конной атаки силами целой бригады возникла у Акулинина самостоятельно, приказ был отдан им на свой страх и риск в отсутствие командира бригады, уехавшего на соседний хутор и не отдававшего подобного приказа [3, с. 8; 4, с. 12].

По описанию самого Акулинина произошло следующее: «Хотя бригада находилась в боевой готовности, но сотням разрешено было кормить лошадей и поочередно водить на водопой; казаки кипятили в ближайших дворах и халупах чай. К полудню ожидались походные кухни с горячим обедом. Погода стояла хорошая; был теплый солнечный день.

Около 12 часов раздались крики:

– Кавалерия, вперед! Кавалерия, вперед!

Крики неслись со стороны пехоты и передаваясь по рядам проходивших через деревню солдат и обозов, докатились до расположения казачьей бригады.

Из окрестных дворов и стодолов стали сбегаться – поодиночке и группами – казаки, направляясь к своим сотням. Офицеры скомандовали: «По коням!»

Приняв крики пехоты как сигнал к началу действий, полки подтянулись к дороге, ожидая приказаний.

К моему удивлению, несмотря на всеобщую суматоху, командира бригады на месте не было. Всего лишь четверть часа тому назад мы с ген. Кунаковым и бывшим при бригаде дивизионным врачом – статским советником Чеботаревым, сидели в одной халупе и пили чай

Разосланные мной по деревне ординарцы нигде командира бригады не нашли. Минуты бежали... Крики: «Кавалерия, вперед!» – усиливались…

Хотя было всего 12 часов дня, а ген. Веселовский рассчитывал овладеть неприятельской позицией около 16 часов, но противник мог начать отступление и раньше: в бою обстановка часто меняется – такие мысли мелькали у меня в голове под впечатлением криков пехоты.

Памятуя наказ ген. Веселовского – не пропустить момент для атаки – я, на свой

страх и риск, отдал командирам полков от имени командира бригады – приказание: немедленно развернуть боевой порядок: и атаковать противника, занимающего позицию впереди д. Драганы, между высотой и водным плесом реки Пор, с тем, чтобы, обскакав Тарнавскую высоту с юга, выйти здесь неприятелю в тыл.

Направление для атаки каждому полку я показал карандашом по карте и рукою на местности.

Командиры полков вывели свои полки из деревни и построили боевой порядок с поразительной быстротой и отчетливостью: Донцы – на правом фланге, оренбурцы – на левом.

18-й Донской казачий полк, имевший уже боевой опыт, пошел в атаку с соблюдением необходимых мер предосторожности, стараясь, насколько это было возможно, примениться к местности и боевой обстановке.

17-й Оренбургский казачий полк, только что прибывший на театр военных действий и вступавший в бой впервые, развернул полковую лаву, как на ученье, с соблюдением установленных дистанций и интервалов. Все перестроения полка были проделаны на виду у противника, по выходе из д. Драганы, на чистом месте. Перед началом атаки каждый оренбурец истово перекрестился и поплевал в правую ладонь – чтобы крепче держать клинок.

Местность к западу от д. Драганы была открытая, ровная, и казачьи лавы быстро доскакали до передовых окопов, занятых австрийской пехотой.

Атака казачьей бригады была так неожиданна и столь стремительна, что австрийцы растерялись и после беспорядочной стрельбы побросали окопы. Многие пехотинцы, спасаясь от казачьих пик и шашек, кинулись в воду.

Но германская пехота с высоты у д. Тарнавки, а также артиллерия из-за реки Пор, открыла по казакам частый огонь.

Казачьи лавы по инерции продолжали скакать вперед, хотя теперь всем было ясно, что противник не только не отступил, но продолжает занимать свои позиции, за исключением части австрийской пехоты, смятой конным ударом казачьей бригады.

Отдавая приказание об атаке, я исходил из предположения, что пехота ген. Веселовского перешла в наступление и сбила противника с его позиций западнее деревни Драганы, после чего и начались крики о поддержке конницей.

В начале атаки я скакал рядом с командиром 17-го Оренбургского казачьего полка. Когда казачьи лавы проскочили через первую линию австрийских окопов (окопы были полевого типа без проволочных заграждений), я начал сдерживать своего коня, чтобы посмотреть назад и убедиться: перешла ли в наступление наша пехота.

Описав несколько вольтов, я приостановился и стал всматриваться в сторону д. Драганы. На ближайшем, левом, фланге пехотной позиции было спокойно: лишь отдельные фигуры солдат, высунувшись из окопов, с любопытством следили за казачьими лавами» [4, с. 12–13].

Однако атака не была поддержана соседней пехотой, с интересом наблюдавшей за происходящим из своих окопов – когда возбужденный успешной атакой и захватом первой линии австрийских окопов Акулинин сначала послал к соседям ординарца, а затем и сам поскакал за поддержкой, ближайший ротный командир отослал его к батальонному, а тот заявил, что решение о переходе в наступление должен принять командир полка. Не оказала поддержки и вторая бригада своей же дивизии. Смелая инициатива молодого талантливого генштабиста была сведена на нет косностью, нерешительностью и апатией большинства других начальников, в результате атака захлебнулась. Тем не менее, казаками было взято около 300 пленных. Потери составили 2 офицера, до 15 казаков и до 50 лошадей убитыми и 5 офицеров, до 40 казаков и до 50 лошадей ранеными. За боевые отличия в боях августа 1914 г., в которых Акулинин успешно исполнял должность начальника штаба при отряде Генерального штаба генерал-майора Н.Г. Володченко, молодой офицер был представлен к чину есаула.

12 ноября 1914 г. для обеспечения левого фланга 3-й армии был сформирован Ново-Сандецкий отряд (30-й и 32-й Донские казачьи полки, 9-я Донская казачья

батарея, 4-й батальон 44-го пехотного Камчатского полка). И. д. начальника штаба отряда был назначен Генштаба подъесаул Акулинин. На новой должности Акулинин блестяще зарекомендовал себя с первых же дней как опытный офицер Генштаба. Подвергаясь опасности, он лично руководил действиями войск, вел разведку, разрабатывал оперативные планы. Акулинин понял важность удержания Нового Сандеца для выполнения боевой задачи. В результате силами отряда удалось сдержать австрийцев до подхода частей 8-й армии. В дальнейшем на этом участке в районе городов Лиманова и Лапанов русские войска были вынуждены отражать австрийское контрнаступление.

За бои 23 ноября под Старым и Новым Сандецами Акулинина удостоили ордена Св. Георгия 4-й степени. Однако вопрос о награждении вызвал в 1915 г. длительную переписку и споры относительно того, соответствовал ли подвиг награде.

В представлении говорилось, что Акулинин: «представляется к награждению орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4й ст. за то, что исполняя должность начальника штаба вверенного мне отряда, на основании лично произведенной им разведки под огнем неприятеля, составил план обороны г. Новый Сандец, вполне согласно с поставленной отряду задаче[й]. Участвовал в боях под г.г. Новый и Старый Сандец, подвергая свою жизнь явной опасности. Возложенная на отряд задача была выполнена (обеспечение левого фланга 3й армии). Признаю подъесаула Акулинина моим главным и весьма полезным сотрудником при выполнении трудной обязанности выпавшей на долю моего отряда. § 69 статута. № 219 9 декабря 1914 г. Начальник особого отряда в г. Новый Сандец генерал-майор Кунаков» [44, л. 232 об.].

Командир Конного корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант А.М. Драгомиров отметил: «Вполне удостаиваю. Действия отряда генерала Кунакова были выше всякой похвалы, вполне соответствовали обстановке и возложенной на отряд задаче и были проникнуты большим знанием дела, выдающейся предприимчивостью и мужественным исполнением. Ходатайствую о награждении его непоср[едственного] помощника наградой – орд[еном] Св. Георгия 4й ст, по ст. – 69 – статута. Ген[ерал]-л[ейтенант] Драгомиров» [44, л. 233].

В приложении к наградному листу начальник Ново-Сандецкого отряда генерал-майор Кунаков писал: «12 ноября 1914 г. конный корпус ген[ерала] Драгомирова 2-го выступил из Н. Сандеца на Тымбарк.

Я с отрядом – силою в 1 б[атальо]н 44 пех[отного] Камчатского п[ол]ка, 30 и 32 Донск[их] каз[ачьих] п.п.[6] и 9 Донск[ой] каз[ачьей] батареи – был оставлен в г. Н. Сандецы.

Задача отряду была поставлена: обеспечивать левый фланг III армии и тыл Конного корпуса; производить разведку в сторону Карпатских проходов.

Задача кончалась с подходом к Н. Сандецу частей 8 армии.

Выполнение указанной задачи сводилось прежде всего к удержанию в наших руках Н. Сандеца, как узла путей, как важнейшей переправы (прекрасный мост) через р. Дунаец и как крупного населенного пункта, где сосредоточилась масса беглецов со всех окрестных и дальних городов и местечек.

Разведку местности вокруг Н. Сандеца и выбор позиций – по моему указанию – произвел и. д. начальника штаба отряда Причисленный к Генеральному штабу Л[ейб]-гв[ардии] Сводно-Казачьего полка подъесаул Акулинин, который составил и общий план действий моего отряда под Н. Сандецем.

В своем плане подъесаул Акулинин считал необходимым – в случае наступления противника в превосходных силах – не ограничиваться пассивной обороной у самого города, но – при всякой попытке противника продвинуться к Н. Сандецу – развивать самые активные действия, встречая неприятеля встречным ударом или предупреждая его наступление. Занятие, выбранных подъесаулом Акулининым позиций – на западной, южной и юго-восточной окраинах города – (на путях вероятного наступления противника), – предполагалось лишь в крайнем случае.

[6] Т. е. полков.

План подъесаула Акулинина я вполне одобрил.

Кроме того подъесаул Акулинин указывал на большое значение Ст. Сандеца (в 7 вер. от Н. Сандеца), как пункта, где сходятся пути от Неймаркта (долиной р. Дунайца) и со стороны Венгрии (долиной р. Попрада). Прочное положение отряда в Н. Сандеце обусловливалось занятием Ст. Сандеца и д. Новоиовка, лежащей в 7 вер. от Н. Сандеца на направлении Н. Сандец – Бартфельд.

Указанные пункты были мною заняты.

План подъесаула Акулинина оказался вполне жизненным, что подтвердилось последующими событиями.

В ночь с 12 на 13 ноября противник, оттеснивший мою разведывательную сотню от Н. Веси (на направлении Н. Сандец – Бартфельд) к д. Новоиовка – на утро был отброшен обратно отрядом п[олковни]ка Косоротова.

Попытка австрийцев продвинуться от Рытро к Ст. Сандецу также была остановлена п[олковни]ком Золотницким,[7] высланным с отрядом из Н. Сандеца.

В боях обоих отрядов, деятельное участие принимал и подъесаул Акулинин, проявив выдающуюся храбрость, мужество и хладнокровие, исполняя мои поручения по управлению боем.

Разведка от Н. Сандеца в сторону Карпатских проходов была организована подъесаулом Акулининым прекрасно и я всегда имел сведения о всех движениях и действиях противника к югу и западу от Н. Сандеца. Освещались направления на Бартфельд, Эперьеш, Кнессен, Неймаркт, а под конец на Лиманова и Чхов.

В период 12–20 ноября противник делал неоднократные попытки со стороны Карпатских проходов продвинуться к Н. Сандецу, но все они были отражены, при этом во всех затруднительных случаях подъесаул Акулинин являлся моим ближайшим сотрудником, умея находить выход из самого затруднительного положения.

Положение отряда сделалось особенно тяжелым с 20 ноября, когда противник повел наступление на Нов. Сандец со стороны Тымбарка, Лацко (долиной р. Дунайца) и Рытро (долиной р. Попрада), тем более – к этому времени 32 п[олк] из моего отряда был отправлен в Конный корпус ген[ерала] Драгомирова.

План подъесаула Акулинина действовать по внутренним операционным линиям, опрокидывая противника встречным ударом оказался при сложившейся обстановке единственно выгодным.

Оставляя небольшие заслоны, я обыкновенно выступал с отрядом на направление наиболее угрожаемое. Так, было отражено и приостановлено наступление противника со стороны Канина (на шоссе Н. Сандец – Тымбарк), Лацко (по долине р. Дунайца) и Рытро (долиной р. Попрад).

С утра 21 ноября противник, силою около 2–3 батальонов с пулеметами и 2-мя орудиями, повел планомерное наступление со стороны Лацко и Рытро и после горячего боя с моими спешенными сотнями, угрожая обоим флангам, завладел Ст. Сандецем, после чего стал продвигаться и к Н. Сандецу. Встретить наступление противника всеми силами отряда не представлялось возможным: часть сил приходилось держать для обеспечения моста в западном направлении, т. к. и здесь противник – особенно конница – угрожал наступлением. Положение отряда становилось критическим: для противника вполне определилась слабость наших сил, и к вечеру он занял высоты у предместья города – сл. Домбровки. Ясно было – если не ночью, то завтра днем противник овладеет Н. Сандецом.

Разбирая всесторонне обстановку, подъесаул Акулинин предложил, оставив небольшой заслон в сторону Канина, со всеми остальными частями перейти в энергичное наступление против частей противника, подступивших к Н. Сандецу с юга.

А чтобы скрыть слабость наших сил и вместе с тем создать иллюзию у противника, что к нам подошли подкрепления – подъесаул Акулинин настаивал произвести на противника ночную атаку, при этом разработал и сам план атаки, сводившейся к охвату правого фланга пр[отивни]ка.

Утвердив план подъесаула Акулинина, я приказал отряду к 12 ч[асам] н[очи] пе-

[7] Командир 30-го Донского казачьего полка.

рейти в решительное наступление, которое закончилось полным успехом: противник не только был отбит от Н. Сандеца, но и Ст. Сандец, после горячей перестрелки и боя на улицах, перешел в наши руки, при этом было захвачено в плен 1 офицер и 86 ниж[них] чинов; 1 офицер (ротный командир) и около 100 ниж[них] чин[ов] было брошено убитыми. Наши потери: 2 офицера ранено, 10 ниж[них] чин[ов] убито и 51 ранено.

Но вскоре после взятия нами Ст. Сандеца к противнику долиной Дунайца подошли подкрепления – 2–3 батальона которых при поддержке артиллерии повели энергичное наступление, стараясь охватить наши фланги и выйти долиной р. Дунайца нам в тыл. Мой отряд в Ст. Сандеце и на левом берегу р. Попрада держался до последней крайности и отошел лишь тогда, когда со стороны Рытро обозначилось наступление колонны в тыл.

Отряд отошел на позицию у д. Домброва, чтобы здесь оказать или упорное сопротивление или с наступлением темноты снова произвести контратаку, но в это время к Н. Сандецу подошли части 14 пех[отной] д[ивиз]ии, которым и было сдано направление на Ст. Сандец. Я сосредоточил свой отряд впереди моста, чтобы действовать в направлении на Канина. К вечеру и здесь мой отряд сменил авангард 15 пех[отной] дивизии.

В боях под Ст. и Н. Сандецом, подъесаул Акулинин принимал самое деятельное участие, подвергая свою жизнь явной опасности, – под сильным шрапнельным и ружейным огнем он спокойно исполнял свои обязанности по должности начальника штаба; когда нужно – доходил до стрелковых цепей, чтобы следить за всеми перипетиями боя.

С передачей г. Н. Сандец частям 8 корпуса задача моего отряда закончилась. При этом задача – обеспечивать левый фланг III армии до по[д]хода частей VIII армии – была выполнена. Мне оставалось двигаться с отрядом на присоединение к Конному корпусу, но, по просьбе к-ра 8 к-са ген[ерала] Орлова, я на следующий день со своими частями принял участие в бою в отряде графа Келлера, который вел наступление от сл. Домбровки на Ст. Сандец.

Ст. Сандец был взят штурмом к вечеру. И в этом деле подъесаул Акулинин продолжал исполнять при мне обязанности начальника штаба.

Затем мой отряд действовал в районе д. Воякова с 25 по 28 ноября, а с 29 ноября по 3 декабря в Конном корпусе ген[ерала] Рубец, когда сдерживая напор противника, пришлось выдержать ряд тяжелых арьергардных боев в районе Якобковице, Чхова и Закличина. Все эти дни подъесаул Акулинин, состоял при мне и был моим ближайшим помощником.

В заключение считаю долгом отметить вообще громадное влияние на успешные действия моего отряда подъесаула Акулинина, который в период 12 ноября – 3 декабря доказал, что он прекрасный офицер Генерального штаба с большим боевым опытом, приобретенным еще в русско-японской войне, лично храбрый, смелый и решительный, быстро разбирается в обстановке, искусно намечает план действий, умело и настойчиво проводит его в жизнь.

О мужестве, храбрости и как об отличном офицере Генерального штаба – подъесауле Акулинине – могут засвидетельствовать н[ачальни]к 10-й кавалерийской дивизии граф Келлер и бывший командир Конного корпуса ген[ерал] Рубец. “12” декабря 1914 г. г. Тарнов» [44, л. 235–237 Об.].

По свидетельству командира 30-го Донского казачьего полка полковника П.Н. Золотницкого, «со времени сформирования особого Сандецкого отряда с 12 ноября 1914 года, исполнявший обязанности начальника штаба отряда подъесаул, ныне Капитан Генерального Штаба, Акулинин, принимал самое деятельное участие в обороне его. В виду условий местности, возможности появления противника в 4^{х} направлениях, незначительности сил отряда и необходимости строгой экономии их и особой тщательности разведки, капитан Акулинин производил их с первого дня обороны в направлении на Lacko, Alt-Sandez, Baruce, Rubien, выдвигаясь вместе с разведывательными частями, что известно мне не только из докладов начальников разведывательных сотен, но чему я неоднократно

сам был свидетелем вместе с подъесаулом Ситниковым, ныне находящимся при штабе III армии; при чем при столкновении с противником капитан Акулинин руководствовал боем подвергаясь личной опасности и выказывая полное презрение к ней. Личные разведки, кроме тщательного знания местности, дали капитану Акулинину в связи с войсковой разведкой достаточные данные для суждения о расположении частей противника. При занятии нашими охраняющими частями различных пунктов, в виду обширности района и невозможности начальнику отряда побывать во всех местах, по поручению его капитан Акулинин бывал на большинстве пунктов, лично ознакамливая частных начальников с задачей, местностью, планом обороны.

При увеличении сил противника, капитан Акулинин был инициатором идеи активной обороны Н. Сандеца, разработал план наступления, принятый начальником отряда, следствием чего явилось в ночь с 18 на 19 ноября наступление большой части нашего отряда в главном направлении на фронт Baruce – Nowasowa, принимая личное участие в ночной атаке, при одной из пехотных колонн, последствием которой было отступление охраняющих частей противника, сбитых нами с потерей ими 18 чел. пленными.

При общем переходе австрийцев в наступление, когда совершенно была потеряна связь с дивизией и наш отряд был пред[о]ставлен самому себе, капитан Акулинин, как мне известно, на основании задачи поставленной отряду – удержать Н. Сандец до подхода частей 8 армии, продолжая энергично разведки, составил дальнейший план обороны его, разграничив на участки.

При нашем переходе в наступление, капитан Акулинин разработал план его, сам принимал участие в обороне Н. Сандец на западном участке и по миновении там опасности прибыл к юго-восточному участку к д. Bugonice и, по сдаче мной этого участка начальнику отряда, по прибытии его сюда, принял самое деятельное участие в дальнейшей его активной обороне.

Из вышеизложенного видно, что капитан Акулинин исполнял обязанности начальника штаба при начальнике Н.-Сандецкого отряда с 12 по 27 ноября 1914 г. на основании личных разведок, сопряженных для него с большой опасностью, составив план операций соответствующий основным намерениям высшего начальника, при выполнении самой операции принимал деятельное участие в бою и по удостоверению также начальника отряда генерала Кунакова, одержавшего над неприятелем победу, безусловно являлся главным сотрудником начальника отряда в успешном достижении поставленной отряду ответственной задачи – охранять левый фланг III армии и удерживать противника впредь до подхода к Н.-Сандецу частей 8 армии» [44, л. 239–240 об.].

Как отмечал полковой адъютант 30-го Донского казачьего полка подъесаул Ситников, «приказом по конному корпусу генерала Драгомирова от ноября 1914 года за №[8] капитан Акулинин был назначен начальником штаба отряда генерал-майора Кунакова – состоящего из 30го и 32 Донских казачьих полков, 9^{й} Донской казачьей батареи и 4го бат-на 44 пехотного Камчатского полка. На отряд была возложена задача – обеспечить левый фланг III армии, при наступлении ее в общем направлении к Кракову, обеспечить тыл и пути сообщения Конного корпуса генерала Драгомирова, при его выдвижении в направлении на г. Тымбарк.

При составлении плана операции Капитаном Акулининым было придано особенно важное значение г. Н. Сандец, как пункту, лежащему на путях сообщения Конного корпуса, а также как узлу дорог: от Тымбарка, с юго-запада от Неймарктской котловины, с юга – со стороны Карпатских проходов, – вследствие чего капитаном Акулининым было предложено удерживать г. Н. Сандец во что бы то ни стало. При оценке путей ведущих от противника капитаном Акулининым было обращено особенное внимание на пути ведущие от Карпатских проходов: 1) Бела – Кнесен – Пивнична – Ритро – Н. Сандец. 2) Эпервеш – Зебен – Муссина – Пивнична – Н. Сандец. 3) Бартфельд – Тумич – Н. Весь – Н. Сан-

[8] В документе пропущено место для номера приказа.

дец. 4) Бартфельд – Идбы (? – *А.Г.*) – Избы – Грибов[.] 5) Бартфельд – Зборо – Здыня – Горлице – вследствие этого в течение всей операции у г. Н. Сандец указанные пути непрерывно разведывались сотнями и разъездами от 30 и 32 Донских каз. полков. Лично капитаном Акулининым были произведены[9] и 14 ноября 1914 года разведки расположения противника у прохода Ритро. Во время разведок капитан Акулинин, под сильным ружейным огнем противника с явной опасностью для жизни проникал на высоты 465, 487 и совершенно точно определял группировку австрийских частей у названного прохода. 21 ноября 1914 года по получении сведений о наступлении значительных сил австрийцев с юга, долиною р. Попрад, и горным массивом, что между долинами р.р. Попрад и Каменица – лично, с явною опасностью для жизни произвел разведку противника в район дер. Zeleznikowa WK., причем совершенно точно выяснил наступление колонны австрийцев силою около батальона в направлении на дер. Dabrowka Pls. и стремление пр[отивни]ка отрезать наши сотни (2^ве^ сотни 30 Донск. каз. полка и Одна сотня 32 полка) занимающие г. Ст. Сандец, и тем открыть свободный доступ к г. Н. Сандец долинами р. Дунаец и Попрад. На основании этой личной разведки Капитан Акулинин следующий план операции – сковав противника на фронте при д ушировании о с гор (13 и 14-р тами 44 пех. полка) энергичной ночной атакой с глубоким обходом правого фланга противника 15^й^ ротой и д умя сотнями 30 Донского каз. полка от дер. Nawojowa – нанести противнику сильный встречный удар, чем приостановить е о наступление к г. Н. Сандец. План операции был одобрен н[ачальни]ком отряда генерал-майором Кунаковым. При развитии ночно о боя, в то время, когда австрийская пехота, выйдя долиною р. Дунаец к Ст. Сандец, заняла е о, капитаном Акулининым было пре ложено энергичной атакой 3^х^ спешенных сотен 30 Донского каз. полка овладеть г. Ст. Сандец. Во время атаки г. Ст. Сандец капитан Акулинин лично принял в ней участие, проявив под сильнейшим огнем противника полное пре ренне к опасности.

Прове енный в жизнь план действий капитана Акулинина имел следующие блестящие ре ультаты: противник был остановлен на всем фронте е о наступления; Пехотная колонна противника, стремившаяся д ушировать с горно о массива м жду реками Попрад и Каменица, была уничтожена – частью сдалась в плен, частью погибла. Сотни 30 Донского каз. полка после кровопролитного рукопашного боя овладели Ст. Сандецом.

К утру 22 ноября расстроенные части пр[отивни]ка группировались лишь только на горном массиве к югу от г. Ст. Сандец (между р.р. Дунаец и Попрад), горный же массив между р.р. Попрад и Каменица был от австрийцев сове шенно очищен. Благодаря этому при повторной атаке австрийцев (около 7 час. утра 22 ноября), не имевших возможности развить фронта наступления, явилась полная возможность, заняв частями отряда выс. 357, задержать противника до подхода головных частей 8го армейского корпуса» [44, л. 241–242].

Другие участники событий также отметили выдающуюся роль Акулинина. Однако представление к ордену Св. Георгия 4-й ст. командующий 3-й армией направил на доследование, что потребовало новых свидетельств [44, л. 277 об.]. Лишь 28 августа 1916 г. был издан Высочайший приказ о награждении офицера.

В 1915 г. весь академический выпуск 1913 г., включая само о Акулинина, был переведен в Генеральный штаб [63, л. 56–58]. Акулинин был переведен в Генеральный штаб 2 февраля 1915 г. и переименован в капитаны. Более то о, уже весной 1915 г. в Ставку поступило представление е о к чину подполковника. Как говорилось в документе, он был представлен «за производство успешных рЧ опционовок под ружейным и артиллерийским огнем» [64, л. 132–132 об.]. К этому моменту он уже был награжден шестью орденами (из которых пять считались боевыми), а также представлен к Георгиевскому оружию и мечам к ордену Св. Анны 2-й ст. (награжден 11 мая 1915 г.). Конечно Акулинин был офицером большой личной храбрости,

[9] Оставлено место, чтобы дописать дату.

Рис. 2. Капитан И.Г. Акулинин. 1916 г. Новое время (Петроград). 1916. 04.06.

но потоку наград и представлений, скорее всего, способствовали неплохие личные отношения с начальством, на которое Акулинин умел произвести впечатление. Эти обстоятельства ничуть не умаляют его заслуг на фронтах.

Подобные необоснованные представления регулярно отклонялись, тем более, что в случае своего производства Акулинин обогнал бы по службе сразу 212 капитанов Генерального штаба. Между тем, в годы Первой мировой войны вопросы старшинства отслеживались как армейским руководством, так и самими офицерами очень ревностно. Трудно предположить, какой бы последовал поток представлений о производстве и гневных писем в случае подобного прецедента. Для производства в младший штаб-офицерский чин подполковника требовалось прослужить не менее трех лет в обер-офицерских чинах по Генеральному штабу, в случае же Акулинина отсчет велся с 1 января 1916 г. По закону в штаб-офицеры по линии Генштаба он мог быть произведен не ранее 6 декабря 1918 г. (у белых к этому времени он уже стал генерал-майором). Но во время войны допускались отступления от правил, в связи с чем на следующий год Акулинин сумел стать подполковником и полковником.

Произошло это не в одночасье и не без осложнений. Так, 30 января 1916 г. производство Акулинина в подполковники было повторно отклонено, но в феврале 1916 г. командование попыталось добиться его производства на основании георгиевского статута [65, л. 37, 52]. Судя по всему, попытка увенчалась успехом. Подполковником он значился с 26 марта 1916 г.

Острая нехватка офицеров Генерального штаба в армии нередко приводила к настоящей борьбе за каждого квалифицированного специалиста. Так, в феврале 1916 г. в Ставку поступило ходатайство о назначении Акулинина старшим адъютантом штаба Кавказской кавалерийской дивизии [62, л. 1а]. Однако тогда же поступило ходатайство об отчислении Акулинина по болезни в распоряжение начальника Генерального штаба [62, л. 3]. Вскоре Акулинин был эвакуирован на Кавказ.

В начале августа 1916 г. в штаб Походного атамана всех казачьих войск была направлена телеграмма: «Сообщаю Вашему Превосходительству, что подполковник Акулинин предположен к назначению на штатную должность в Главном управлении Генерального штаба в соответствии с выраженным им желанием. [№] 29824. Беляев» [66, л. 57]. Затем Акулинин был вызван в Петербург и 17 августа назначен на должность помощника делопроизводителя в ГУГШ, где и проработал вплоть до осени 1917 г. (с января 1917 г. – делопроизводитель). Назначение произошло из распоряжения начальника Генерального штаба и состоялось без согласия Ставки [61, л. 54]. По данным на 4 сентября 1916 г. Акулинин служил в 6-м (балканском) делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ [60, л. 1–1об.][10].

Казалось бы, появилась возможность возобновить исторические исследования, но работа на новой должности отнимала все свободное время. Приходилось участвовать в различных комиссиях, ездить в Государственную Думу, снабжать сведениями военные миссии союзных держав, работать с представителями прессы. Кроме того, с конца 1915 г. Акулинин преподавал тактику во Владимирском военном училище и в Пажеском корпусе и состоял членом Георгиевской Думы. Как участник междусоюзнической конференции стран Антанты Акулинин был награжден французским ор-

[10] Сведения любезно предоставлены канд. ист. наук В.Б. Кашириным (Москва).

деном Почетного Легиона. По всей видимости, речь идет о конференции в Петрограде в феврале 1917 г., в ходе которой было достигнуто соглашение о переходе русской армии в наступление во второй половине апреля того же года [71, с. 178].

К 1917 г. относится начало активной публицистической деятельности Акулинина. Он выступает с рядом статей о казачестве на страницах только что учрежденной газеты «Оренбургский казачий вестник» [1; 8]. Несмотря на загруженность работой, Акулинин сумел в 1916–1917 г. завершить литературную обработку записок войскового старшины Н.К. Бухарина, изображавших суровый быт оренбуржцев на линии. Итогом работы стали около сотни рассказов и очерков, незначительная часть которых была в 1917–1918 гг. опубликована в «Оренбургском казачьем вестнике» под общим названием «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков» ...» [39, 21 июля, 23 июля; 40, 26 января]. Как вспоминал сам Акулинин, «получился ряд бесхитростных рассказов, в которых весьма ярко и красочно отражалась жизнь казаков на линии, полная тревог и опасностей...» [9, с. 13]. Несмотря на то, что эти произведения уже публиковались в «Материалах к историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», Акулинин считал необходимой их перепечатку для ознакомления как можно большего числа казаков со своим прошлым.

Революционный 1917-й год полковник (произведен в 1916 г. со старшинством с 8 августа 1916 г.) Акулинин встретил уже сложившимся офицером Генерального штаба с обширным опытом двух войн, высокими боевыми наградами и стремлением к дальнейшей успешной карьере. Выходец из уральской глубинки, он сумел выбиться на руководящие посты в ГУГШ, участвовал в работе с представителями союзников по Антанте, был удостоен высокого иностранного ордена. В условиях развала страны Акулинин решил вернуться к своим казачьим корням, о которых никогда не забывал, даже будучи генштабистом. Это решение предопределило его последующий идейный выбор и судьбу.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

1. *Акулинин И.[Г.]*. Войсковой клад // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 13. 28. 07. С. 3–4.

2. *Акулинин И.Г.* В поезде. Картины прошлого (Продолжение) // Луч Азии (Харбин). 1939. № 60–8. С. 14.

3. *Акулинин И.Г.* Из боевого опыта // Часовой. 1937. № 184. 05.02. С. 5–6.

4. *Акулинин И.Г.* Конная атака у д. Драганы 8 сентября (26 августа) 1914 года. По личным воспоминаниям // Оренбургский казак. Сб. Харбин. 1938. С. 12.

5. *Акулинин И.Г.* На казачьих подводах // Казачий сборник. Издание казачьего союза. Париж. 1930. С. 81, 85, 88.

6. *Акулинин И.Г.* На разведке под Вафандяном. 31 мая (13 июня) 1904 года // Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. С. 114.

7. *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 5.

8. *Акулинин И.[Г.]* Расквартирование оренбургских полков // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 11. 23.07. С. 4.

9. *Акулинин И.Г.* Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии (Харбин). 1937. № 34/6. С. 13.

10. *Акулинин И.Г.* 3-я Донская казачья дивизия в боях под Суходолами и у ст. Травники 1–3 сентября (19–21 августа). Воспоминания участника // Часовой (Париж). 1938. № 219. 15.09. С. 5.

11. *Акулинин И.[Г.]* Что вспомнилось // Оренбургский казак. Сб. Харбин. 1937. С. 8–10.

12. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Vrangel Family Papers. Box 6. Folder 3. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 118.

13. HIA. S.V. Denisov collection. Box 3. Folder 11.

14. *Белов А.И.* Л.-гв. Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нем // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска 1582–1932 / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. Вып. 1. С. 175–186.
15. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне. М., 1994.
16. *Ганин А.В.* Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196.
17. *Ганин А.В.* II Оренбургский казачий корпус (февраль – апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002. М., 2003. С. 80–85.
18. *Ганин А.В.* Генерал-майор И.Г. Акулинин // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 8. С. 85–91.
19. *Ганин А.В.* Жизнь и судьба И.Г. Акулинина // Станица. 2000. № 1 (31). С. 23–24.
20. *Ганин А.В.* Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала. Материалы Третьей Межрегиональной науч.-практ. конф. 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36.
21. *Ганин А.В.* Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2004. № 2 (11). С. 174–182.
22. *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.). М., 2008.
23. *Ганин А.В.* Оренбургские казаки в Восточном Прикаспии осенью 1919 – весной 1920 г. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал (Санкт-Петербург). 2002. № 13–14. С. 373–380.
24. *Ганин А.В.* Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горынычъ. Краеведческий сборник. Уральск, 2007. Ч. 2. С. 34–110.
25. *Ганин А.В.* Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной науч. конф. 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154.
26. *Ганин А.В.* Российский историк генерал-майор И.Г. Акулинин // Труды науч. конф. «Ломоносов-2000». История / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2000. С. 34–36.
27. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1.
28. ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 3.
29. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 155.
30. ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 3.
31. Гос. архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 47.
32. *Гришин М.* В стане казаков // 1905 год в Оренбургской губернии (к 20-летнему юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 59.
33. *Дерябин А.И.* Первая мировая война 1914–1918.
34. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1.
35. История казачества азиатской России. Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 97.
36. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М., 2000; Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. Изд. 2-е. Под ред. В.К. Шенк. По 1-е мая 1910 г. СПб., 1910.
37. Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 30.
38. *Назаров Н.* Казаки идут в революцию // Урал. 1980. № 11. С. 159.
39. Оренбургский казачий вестник. 1917.
40. Оренбургский казачий вестник. 1918.
41. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. 23.
42. Революционное движение в Оренбуржье. 1905–1907: Сб. док. и мат. Челябинск, 1982. С. 110.
43. Российский гос. военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 49. Д. 805.
44. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27061.
45. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343.
46. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360.
47. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384.
48. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.
49. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400.
50. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401.

51. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416.
52. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420.
53. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431.
54. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432.
55. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1452.
56. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453.
57. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467.
58. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59.
59. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 62.
60. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3134.
61. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251.
62. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1271.
63. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1276.
64. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1318.
65. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1319.
66. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87.
67. РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 15.
68. Российский гос. военный архив. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4.
69. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.
70. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 2. Бой под Вафангоу и военные действия до боя у Ташичао. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.
71. *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 178.
72. Газета «Степь». 1906.
73. *Туркестанский.* Оренбургская гапоновщина. Расстрел у Беловской тюрьмы (22 мая 1906 г.) // 1905 год в Оренбургской губернии (к 20-летнему юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 53.
74. «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным...» Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина / Вступительная статья, публикация и примечания А.В. Ганина // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 2002. № 1. С. 89–95.
75. Часовой. 1948. № 278. Октябрь. С. 21.
76. *Шатилов П.Н.* Воспоминания о Русско-японской войне (1904–1905 гг.) // Военно-исторический вестник (Париж). 1966. № 28. Ноябрь. С. 10.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor of Historical Science, Senior Fellow of the Institute of Slavistics Researches, Russian Academy of Sciences, Chief-redactor of the journal “Rodina”, Moscow, 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

УДК 94 (47)

МУКДЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ДНЕВНИКЕ В.П. КРАВКОВА

© М.А. Российский

Статья предваряет готовящуюся в 2016 г. публикацию записок военного врача В.П. Кравкова (1859–1920), автора известного дневника периода Первой мировой войны, о своем участии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В нее включен значительный фрагмент этого исторического памятника, посвященный Мукденскому сражению и последующему отступлению русских армий на Сыпингайские позиции, который охватывает временной период с 17 февраля (2 марта) по 5 (18) марта 1905 г.

Ключевые слова: Русско-японская война, Мукденское сражение (1905), 35-я пехотная дивизия, военная медицина, В.П. Кравков, А.А. Бильдерлинг.

THE BATTLE OF MUKDEN IN VASILY KRAVKOV'S DIARY

© M.A. Rossiyskiy

The article anticipates the forthcoming in 2016 publication of diaries of a military doctor Vasily Kravkov (1859–1920), author of well-known memoirs of the First World War period, describing his participation in the Russo-Japanese War of 1904–1905. It contains a large fragment of this historical monument devoted to the Battle of Mukden and the following retreat of the Russian armies to Siping positions, which covers a period from 17 February (2 March) to 5 (18) March 1905.

Key words: Russo-Japanese War, Battle of Mukden (1905), 35th Infantry Division, military medicine, Vasily Kravkov, Alexander von Bilderling.

Имя военного врача Русской императорской армии Василия Павловича Кравкова (1859–1920) уже достаточно хорошо известно отечественным военным историкам. Публикация его дневников за 1914–1917 гг. стала одним из источниковедческих открытий 100-летнего юбилея Первой мировой войны, отмечавшегося в прошлом году[1]. В 2016 г. в московском издательстве «Вече» готовится к выходу в свет первое издание его записок, относящихся к периоду Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые также будут интересны для исследователей этого исторического периода.

В.П. Кравков – представитель одной из ярчайших научных династий Рязанского края, давшей нашей стране основоположника отечественной школы фармакологов академика Н.П. Кравкова (1865–1924), почвоведа-агрохимика С.П. Кравкова (1873–1938), выдающегося психофизиолога С.В. Кравкова (1893–1951), а также писателя и исследователя Сибири М.А. Кравкова (1887–1937)[2]. Василий Павлович родился в Рязани 20 февраля (3 марта) 1859 г. Происходя из семьи скромного достатка (его отец был унтер-офицером николаевского времени и служил старшим писарем в Управлении Рязанского губернского воинского начальника), он все же сумел получить достойное образование. В 1878 г. В.П. Кравков окончил с серебряной медалью 1-ю Рязанскую мужскую гимназию, в 1878–1883 гг. учился в Императорской военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

Вся последующая жизнь В.П. Кравкова была посвящена военной медицине. В ноябре 1883 г. он начал службу по военному ведомству с должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка, откуда до конца года был переведен в 159-й пе-

[1]Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с. (Военные мемуары).

[2]О них см: Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014. 352 с.

хотный Гурийский полк. В 1884–1885 гг. В.П. Кравков был прикомандирован к Оренбургскому военному госпиталю, а с 1886 г. – к Оренбургскому местному батальону, в котором со следующего года исполнял обязанности старшего врача. С февраля 1888 г. он нес службу в Казанском военном госпитале, где стал врачом-ординатором. В феврале 1888 г. В.П. Кравков был произведен в титулярные советники[3] (со старшинством с 1883 г.), в мае за выслугу лет – в коллежские асессоры (со старшинством с 1886 г.). В 1888 г. он успешно сдал экзамен на степень доктора медицины при Императорском Казанском университете.

В 1889 г. В.П. Кравков был откомандирован в Императорскую военно-медицинскую академию «для усовершенствования в науках». 31 января (11 февраля) 1891 г. постановлением конференции Императорской военно-медицинской академии коллежский асессор Кравков, старший врач 11-го Гренадерского Фанагорийского полка, был удостоен степени доктора медицины. В марте 1891 г. Василий Павлович был произведен в чин надворного советника.

С 1892 г. В.П. Кравков был женат на Елене Алексеевне Лукиной (1871-ок. 1922), потомственной дворянке Рязанской губернии. В семье было двое детей – сын Сергей, ставший в будущем известным советским ученым, членом-корреспондентом АН и АМН СССР (1946), заслуженным деятелем науки РСФСР (1947), и дочь Елизавета (1895–1978).

В последующие годы В.П. Кравков занимал должности старшего врача 137-го пехотного Нежинского полка (1892–1895), Брянского местного арсенала (1895–1896), 138-го пехотного Болховского полка (1896–1899). В 1899–1900 гг. он служил старшим врачом сводного лазарета 1-й бригады 35-й пехотной дивизии, штаб которой располагался в его родной Рязани.

В 1900 г. Василий Павлович занял должность дивизионного врача 35-й пехотной дивизии, а в следующем году был произведен в статские советники – чин V класса по «Табели о рангах», соответствовавший в армии полковнику. В этом качестве ему довелось принять участие в Русско-японской войне – первом крупном конфликте, в котором участвовала императорская Россия в XX веке.

С июня 1904 г. статский советник Кравков, дивизионный врач 35-й пехотной дивизии, находился в рядах действующей армии в Маньчжурии. В течение первого года войны он стал свидетелем и участником Ляоянского сражения и обороны Шахэйских позиций. Все это время Василий Павлович вел «военно-походный дневник», в который записывал ежедневные впечатления, наблюдения и переживания. Он задумал его как своеобразное загробное напутствие детям в случае своей гибели на войне. Забегая вперед, необходимо сказать, что с войны В.П. Кравков вернулся целым и невредимым, став за ее годы автором исторического источника, ценность которого становится понятной только сейчас, по прошествии более ста лет.

С октября 1904 г. дивизионный лазарет 35-й пехотной дивизии располагался у станции Суцзятунь (в передаче В.П. Кравкова – *Суятунь*) Южно-Маньчжурской железной дороги, в нескольких десятках верст к югу от Мукдена. Из пристанционного поселка русские военные врачи с тревогой наблюдали за начавшимся 6 (19) февраля 1905 г. Мукденским сражением, ставшим крупнейшей наступательной операцией японских войск за все время Русско-японской войны.

Публикуемый фрагмент дневника В.П. Кравкова начинается описанием реакции тылов 3-й Маньчжурской армии на обходной маневр 3-й японской армии генерала М. Ноги, преследовавший цель охвата русских армий и их последующего окружения в районе Мукдена, а также на начавшиеся 16 февраля (1 марта) 1905 г. атаки 2-й японской армии генерала Я. Оку на позиции 2-й Маньчжурской армии к юго-западу от Мукдена. Начатое 22 февраля (7 марта) отступление русских армий с целью сокращения фронта сопровождалось эвакуацией тылов, коснувшейся и медицинских учреждений, которыми руководил

[3]Медики Русской императорской армии считались одной из категорий военных чиновников, поэтому им присваивались гражданские чины Табеля о рангах.

В.П. Кравков. При отходе от Мукдена 25 февраля (10 марта), осуществлявшемся довольно беспорядочно и неорганизованно, обозы русских армий были обстреляны японской артиллерией, что еще более усугубило атмосферу всеобщей паники. Этот момент дневника В.П. Кравкова перекликается с автобиографической повестью В.В. Вересаева «На японской войне» (1907) – писатель, служивший в то время врачом одного из полевых госпиталей, приданных 72-й пехотной дивизии, отступал вместе с обозами VI Сибирского армейского корпуса по тем же дорогам, поэтому описал в своем произведении те же события, что и В.П. Кравков.

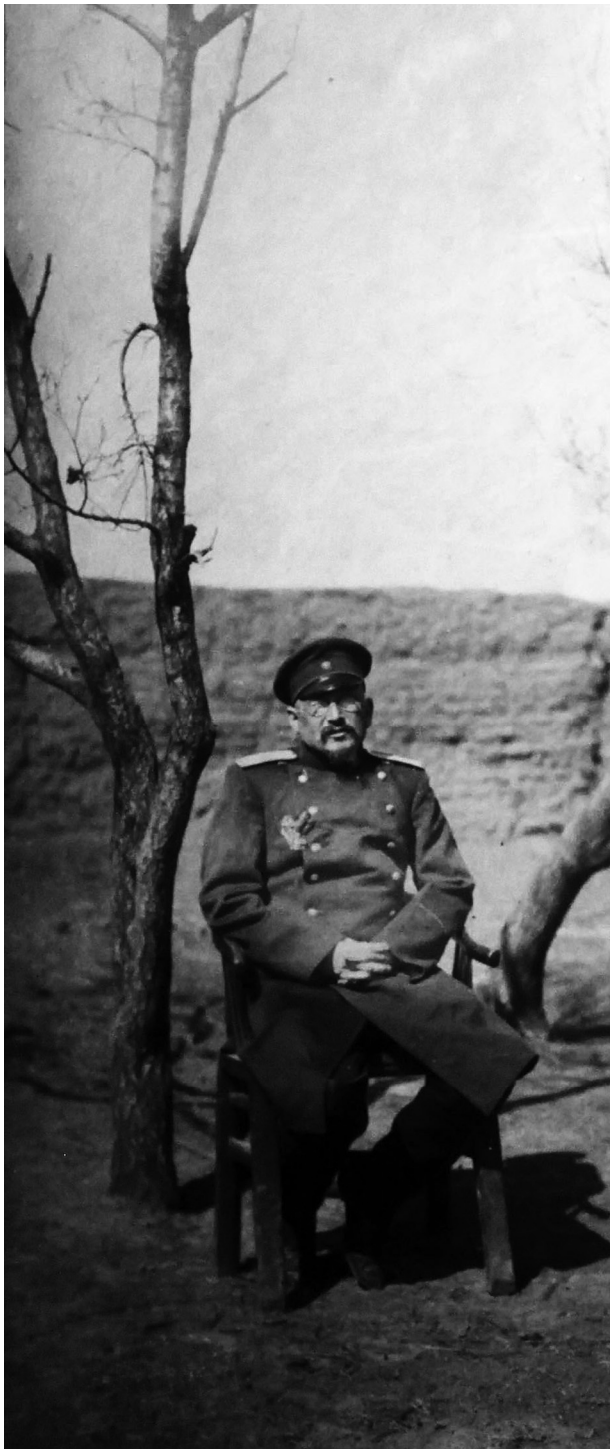

Рис. 1. В.П. Кравков в Маньчжурии. 1905 г.

Несмотря на то, что предпринятая японским командованием попытка окружения русских армий не увенчалась успехом, оставление Мукдена и беспорядочное отступление к Телину а затем и к Сыпингайским позициям, сопровождавшееся катастрофической дезорганизацией органов армейского управления, серьезно подорвало дух войск и деморализовало все русское общество, способствуя углублению революционного кризиса в стране, и вместе с гибелью 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском сражении оказало решающее влияние на общий исход войны.

Лично для В.П. Кравкова Русско-японская война закончилась довольно успешно. За умелое руководство дивизионным лазаретом и приданными дивизии полевыми госпиталями в боевых условиях В.П. Кравков был награжден тремя орденами «с мечами» – Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней. В 1906 г. он был произведен в действительный статские советники – гражданский чин IV класса, соответствовавший армейскому генерал-майору. Однако горький опыт неудачной кампании в Маньчжурии навсегда подорвал его веру в боевые возможности Русской императорской армии. Участвуя в Первой мировой войне сначала в должности корпусного врача 25-го армейского корпуса, в октябре 1914 – декабре 1915 гг. – в качестве помощника санитарного отдела штаба 10-й армии, а в 1916–1917 гг. – корпусного врача VII Сибирского корпуса, В.П. Кравков комментировал в своих дневниках действия русских войск с едким скепсисом, постоянно ожидая тяжелых военных поражений. Но начавшееся после Февральской революции 1917 г. разложение армии превзошло по своему размаху и последствиям все его самые мрачные прогнозы...

Жизнь В.П. Кравкова трагически оборвалась в Москве 13 июля 1920 г. Умереть ему пришлось не своей смертью, а по при-

Рис. 2. Штаб 35-й пехотной дивизии. Сидят (слева направо): С.А. Сухомлин, К.А. Добржинский, В.П. Кравков). Август 1904 г.

говору Президиума ВЧК… Вечным памятником ему навсегда останутся его интереснейшие записки о двух последних войнах Российской империи – Русско-японской и Первой мировой.

Текст дневника В.П. Кравкова воспроизводится по рукописному оригиналу (РГБ, НИОР, ф. 140, к. 2, ед. 12, лл. 19–22; ед. 13, лл. 1–17; ед. 14, лл. 1–6; ед. 15, лл. 1–25 об; ед. 16, лл. 1–8 об; ед. 17, лл. 1–3) с небольшими сокращениями и публикуется впервые.

Автор публикации признателен 2-му секретарю Первого департамента Азии МИД России Д.Н. Шакуре за помощь в идентификации упомянутых в тексте населенных пунктов юго-восточного Китая.

ИЗ ДНЕВНИКА В.П. КРАВКОВА
1905 год

17 февраля.[…] С 4-х часов вечера неожиданно для всех заслышалась вдруг жестокая орудийная пальба в необычном месте – сзади нас и с западной стороны от *Мукдена*[4]. Повытянулись у всех от удивления лица… Все сразу поняли, в чем теперь дело. У всех на языке было одно полное панического ужаса выражение: «Нас обходят японцы!» Ну и артистическую же штуку проделали над нами желторожие: отвлекши демонстративными действиями наши силы к восточному флангу и к центру, они быстро и незаметно прошли по нейтральной полосе почти до *Синминтина* и теперь ударили нам в тыл! Поспешно стали складываться отряды Красного Креста, чтобы скорее отойти к *Мукдену*. В большом переполохе старик Виноградов, временно исполняющий должность дивизионного врача 3-й пехотной дивизии; от страха он был в полувменяемом состоянии, без толку бегал то туда, то сюда, и, пугаясь встававшей в его воображении перспективы быть эту ночь окруженным японским кавалерийским разъездом, по-товарищески спрашивал меня, как ему поступить. Я же, как ни стран-

[4] Мукден – главный город Маньчжурии, крупнейший населенный пункт северо-восточного Китая. Ныне – Шэньян, город субпровинциального значения, административный центр провинции Ляонин (КНР).

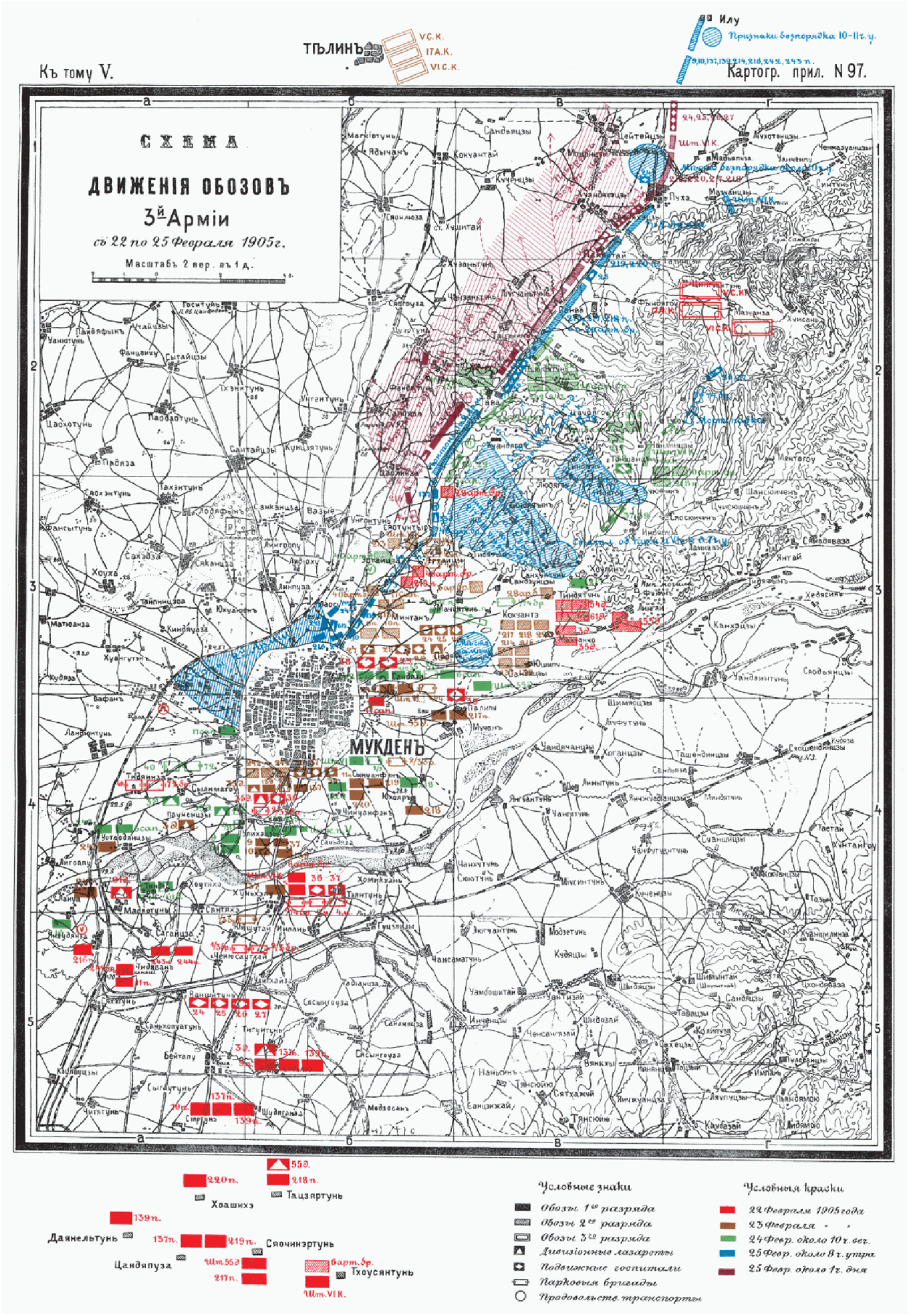

Рис. 3. Схема движения обозов 3-й Маньчжурской армии при отступлении от Мукдена. Февраль 1905 г.

но, несмотря на то, […] что перед нами действительно развертывалась весьма трагическая картина легко могущего случиться нашего или пленения, или избиения, все же настолько сумел затаить свою личную тревогу глубоко на сердце, что казался для окружающих мало того, что покойным, но и даже в ударе – в чрезвычайно приподнятом настроении духа, все время улыбался, смеялся, шутил и видел, что своим поведением я сильно подбадривал других. Своему бедному коллеге в случае нападения кавалеристов я посоветовал никоим образом не стрелять, надеть на себя и весь санитарный персонал нарукавные повязки с красным крестом. Доказывал затем ему еще, что не беда будет, если попадемся и в плен, – только бы живыми остаться; рисовал ему также – и, вероятно, в очень сочных красках – как мы будем проводить время в Японии с прекрасными гейшами в чайных домиках и проч., что мой коллега просиял и успокоился. На расставании он убедительно меня просил только об одном – чтобы я непременно не забыл его уведомить о моменте, когда и я с своим учреждением начну поспешное *allegro udirato*. Я дал слово. Молодые мои коллеги совсем повесили носы на квинту, сделавшись не в меру задумчивыми и серьезными. А я все продолжал *faire bonne mine*[5] при сознании всей серьезности нашего положения, что мы оказались как бы попавшими в мышеловку.

Прибывший с правого фланга подполковник сообщил, что *Даваньганьпу*[6] нами оставлен, равно и *Матурань*[7], которую при отступлении мы зажгли. На западном горизонте действительно пылало огромное зарево. Проходя по станции, встретил группы офицеров; лица у всех озабоченные и встревоженные; делятся друг с другом по поводу происшедшего для нас сюрприза разными соображениями и сведениями самого мрачного характера, наводя самую жестокую критику на действия начальства. «Я б этих генералов наших (здесь следует крепкое словечко!) всех бы послал сидеть в окопах», – говорит один. «Да, – соглашается другой, – ведь в них-то и вся причина наших систематических неудач». «А то, – говорит третий, – только и знают (т. е. генералы), что любуются в бинокль, усаживаясь, как в театральной ложе, на вышке (опять – крепкое слово)». Пригласил меня к себе в вагон командующий армией Бильдерлинг[8]; застал его в состоянии нервной взвинченности и чувствующим себя весьма не по себе. Прописал ему, что надо, все более и более убеждаясь, что мои посещения его всегда приободряют. От него узнал, что сейчас посылаются в подкрепление нашим силам, действующим против обходной японской колонны, из нашей дивизии – Болховский[9] и Зарайский[10] полки, а из 3-й дивизии – Великолуцкий полк[11]. Билдерлинг уверяет, что Каульбарс[12] взял у японцев 17 орудий и еще какие-то трофеи. На мой вопрос, что и как в общем дела у нас, отвечал с напускным оптимизмом, что-де, собственно говоря, ничего, только вот японцы лишь здорово нас обошли, что уж больно мы растянули свой фронт, и что на днях должны произойти решительные битвы. Нынешняя ночь, ожидает он, будет беспокойна.

Когда я пришел домой к ужину, сослуживцы мои, зная, где я сейчас был, обсту-

[5]делать хорошую мину (фр.)

[6]Даванганьпу (правильнее Ванганпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[7]Матурань (правильнее Матоулан) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[8]Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912) – барон, генерал от кавалерии (1901), командир 17-го армейского корпуса в 1899–1905 гг. В 1905 г. временно командовал 3-й Маньчжурской армией. Член Военного совета в 1905–1912 гг. Был хорошим художником-акварелистом, по его эскизам был установлен ряд памятников, в частности – Нахимову и Тотлебену в Севастополе, Пржевальскому – в Санкт-Петербурге, коменданту Келину в Полтаве и др. Организатор Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге (1883).

[9]138-й пехотный Болховский полк.

[10]140-й пехотный Зарайский полк.

[11]12-й пехотный Великолуцкий полк

[12]Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929) – барон, генерал от кавалерии (1901), командующий 3-й Маньчжурской армией с октября 1904 по март 1905 г., командующий 2-й Маньчжурской армией с марта по август 1905 г. Впоследствии – член Военного совета в 1909–1915 гг., участник Первой мировой войны и Белого движения в составе ВСЮР, с 1920 г. в эмиграции во Франции.

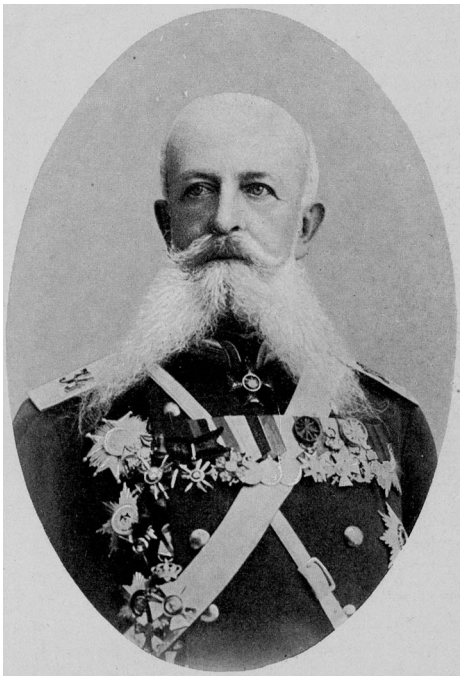

Рис. 4. А.А. Бильдерлинг

Рис. 5. Н.А. Орлов

пили меня и стали засыпать вопросами. Я, чтобы поднять дух всех, прикинулся насчет текущих дел вполне осведомившимся через командующего армией и стал уверять, что мои именины (28 февраля) мы-де будем непременно встречать если не в *Хайчене*[13], то, по крайней мере, в *Ляояне*[14], и что скоро мы пропишем японцам такую трепку, уму помрачение и прочее в этом роде.

Предчувствие готовящейся для нас большой катастрофы как-то не ложилось тяжелым гнетом у меня на душе, будучи компенсируемо пытливым ожиданием чего-то чрезвычайно интересного совершится и желанием изведать, испытать все, кроме смерти […]

Генерал Орлов[15], начальник 3-й дивизии, чинит методическую травлю на врачей. Кроме того, в приказах по дивизии диктует им для обязательного применения свои рецепты лечения сибирской язвы! Невероятный, но факт!

По приказанию главнокомандующего сегодня уезжают из *Суятуня*[16] последние остатки сестер милосердия.

11 часов ночи. Канонада затихла. Японцы страшно нас наблюдают прожекторами (как говорят – нашими же, взятыми из *Порт-Артура*[17]). То и дело ночами по небу ползают их широкие, шарящие из стороны в сторону лучи, при попадании в поле которых так всегда себя чувствуешь жутко!

Прочитал, что у японцев офицеры и генералы пользуются гораздо меньшим комфортом, чем наши. Жалованья получают значительно меньше, чем у нас, и на войне одинаково, что и в мирное время, только лишь на войне полагается им, как и солдатам, казенное белье, мундир и прочая амуниция. Ояма[18] будто бы получает 6000 руб-

[13]Хайчен (правильнее Хайчэн) – город в Маньчжурии (Китай), ныне городской уезд в провинции Ляонин (КНР).

[14]Ляоян – город в северо-восточном Китае, ныне городской округ в провинции Ляонин (КНР). Был оставлен русскими войсками после Ляоянского сражения в августе 1904 г.

[15]Орлов Николай Александрович (1855–1917) – генерал-майор (1899), начальник 54-й пехотной дивизии с июня по сентябрь 1904 г. В ноябре 1904 г. – и.д. дежурного генерала штаба 1-й Маньчжурской армии. Генерал-лейтенант (1905), начальник 3-й пехотной дивизии в 1905–1910 гг. Впоследствии – участник Первой мировой войны, генерал от инфантерии (1914).

[16]Суятунь (правильнее Суцзятунь) – станция Южно-Маньчжурской железной дороги при одноименной деревне к югу от Мукдена, ныне район города Шэньяна.

[17]Порт-Артур – портовый город и военно-морская база на Ляодунском полуострове. В 1898–1904 гг. находился в аренде у России, после продолжительной обороны капитулировал перед японскими войсками 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.). Ныне Люйшунь, район городского подчинения города субпровинциального значения Далянь (КНР).

[18]Ояма Ивао (1842–1916) – маркиз (1895), маршал (1898), в 1899–1904 гг. – начальник японского Генерального штаба, автор плана войны с Россией и подготовки японской армии к кампании. В 1904–

Рис. 6. Ивао Ояма

лей в год! А наши-то чернильные генералы? И много получают, и ничего, кроме вреда делу, не приносят!

18 февраля. 12° [19] мороза, тихо, ведрено. Днем на солнышке, надо ожидать, будет тепло. Ночь прошла тихо; спал покойно, и кишечник мой ведет себя исправно. Около 7 часов утра засел за чай и газету. Часов с 8 началась неистовая беспрерывная канонада – на правом нашем фланге и в тылу к северо-западу от *Мукдена*, куда зашли хитроумные японцы, чтобы отрезать нам отступление. По сведениям – между *Мукденом* и *Синминтином* японцев скопилось до двух дивизий (количественный же состав их дивизий больше наших чуть ли не вдвое) с артиллерией и кавалерией. Прошли они в отместку нам по той же нейтральной полосе, по которой несколько раз совершал свой рейд Мищенко[20]. Как это глубоко прискорбно, что мы до сих пор никак не могли перейти в действительное наступление, а вынуждены были все время лишь отбиваться да отбрыкиваться, так как ловкие японцы всегда успевали нас предупреждать, отвечая на наши нерешительные попытки к наступлению энергичным контрнаступлением с своей стороны.

Побывал на полковых перевязочных пунктах. У военных предержащих властей обнаруживается прямо-таки какое-то сладострастное садическое желание ставить врачей в невозможные условия для их деятельности – в обстреливаемое положение, сажая их в вырытые эти по названию только «блиндажи», которые для себя лично умеют устраивать более надежными и основательными. Просидеть в бутафорских блиндажах целые сутки врачу под дикий, отчаянный орудийный и ружейный грохот в ожидании своих пациентов, норовящих всячески и не заглядывать в эти блиндажи, а поскорее бы эвакуироваться подальше, вглубь – куда как труднее, чем офицеру под горячую руку идти прямо на неприятеля.

Заглянул к томящемуся ожиданием получения утвержденного свидетельства о болезни бригадному генералу Гласко[21]; все часочки пересчитывает, когда-то он поедет к себе домой по обеспечении, конечно, себя от казны всем положенным и неположенным разного вида «довольствием»; казенную денежку уж учтет для себя до последней копеечки, стараясь соблюсти лишь чистоту бумажной формы… Да он ли один? Целые тысячи наших воинов довольно просто, безо всякого лукавого мудрствования смотрят на процедуру выдаивания из казны под всякими предлогами возможно большего количества денариев. То, что нам, рефлектикам, кажется цинизмом, для них представляется самой невинной вещью; вот пример: сын этого генерала Борис[22], очень

1905 гг. – главнокомандующий японскими войсками в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Впоследствии – князь, хранитель императорской печати и гэнро.

[19] По Реомюру, – 15 °С

[20]Мищенко Павел Иванович (1853–1918) – генерал-лейтенант (1904), генерал-адъютант (1904), начальник отдельной Забайкальской казачьей бригады в 1903–1905 гг. Впоследствии – генерал от артиллерии (1911), участник Первой мировой войны. Покончил с собой во время Гражданской войны.

[21]Гласко Александр Степанович (1844–1920) – генерал-майор (1899), в 1899–1905 гг. командир 2-й бригады 35-й пехотной дивизии. Впоследствии – генерал-лейтенант (1907), в 1917 г. занимал пост начальника гарнизона г. Рязани.

[22]Гласко Борис Александрович (1881–1919) – в 1904 г. подпоручик 35-й артиллерийской бригады, в 1909 г. – штабс-капитан. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. – подполковник. В 1919 г. был арестован в Рязани как «участник белогвардейской ор-

приличный и порядочный офицер, получил какую-то царапину, о которой уже и совершенно забыл; так вот, предусмотрительный папаша настоятельно советует ему взять у врача перевязочное свидетельство «на всякий случай», приводя в доказательство логичности и разумности своих доводов такой факт, когда один офицер, бывши в турецкую кампанию слегка контужен в голову, через много лет после того хотя ослеп от пьянства, но получил-де денежное воспособление, как ослепший от последствий контузии; и все это так хорошо вышло благодаря-де взятому вовремя от врача перевязочному свидетельству!..

Как ни поговаривали уже несколько дней о возможности обходного движения со стороны японцев, но случившееся событие этого обхода произвело, тем не менее, на всех ошеломляющее впечатление. Начальник дивизии[23] и штаб высказывают порицание ротозейству и халатности наших сторожевых и разведочных частей, смеются над Мищенко, Стаховичем[24], Грековым[25], проморгавшими такой обход японцев. Мой принципал уверяет, что он с одними своими охотниками больше бы сделал, чем перечисленные генералы со своей многочисленной кавалерией… Общий голос в штабе, что мы разменялись на мелочи, играем-де на мелкую ставку, и что преимущество стратегической игры японцев – несомненное: они играют на трех мастях, а мы лишь на одной в смысле коммуникационных сообщений с своей базой. Настроение штабных желчное, по отношению к традиционным нашим распорядкам и руководителям теперешних военных операций – бичующее, а в отношении нашей судьбы – безнадежное!

По слухам, набежавший отряд японцев мы стараемся окружить; действуют против него – части 10-го и 4-го корпуса с кавалерией Любавина[26]. Наши Болховский и Зарайский полки пока наготове и перешли в деревню *Суятунь* для общего резерва. К *Мукдену* потянулась большая масса войск с правого фланга. Подозревают, что японцы под *Мукденом* устроили лишь вроде заслона, так как, рискнувши такой крупной единицей броситься чуть ли не прямо головой в горячую печь, они не готовят ли нам более крупный сюрприз еще севернее?..

События развертываются весьма интересные, захватывающие. Получил по сему случаю сегодня письмо от «Лухманихи»[27], которая усердно меня просит взять ее временно из госпиталей к себе на главный перевязочный пункт, чтобы предоставить ей, как корреспондентке, быть теперь в самой благодарной для ее целей обстановке. Принужден был вежливо отклонить ее просьбу, ссылаясь на приказ главнокомандующего, по которому вчера были удалены из *Суятуня* последние из остававшихся сестер. Теперь у нас и «женского духу» нет.

Нынешнюю ночь 6-й корпус отбил несколько отчаянных атак японцев, которые лезли на него в состоянии опьянения каким-то дурманящим снадобьем с неимоверной храбростью. Если бы им удалось прорвать наш фронт, то они, очевидно, выполнили бы свой адски задуманный план – обойти нас с левого фланга и соединиться с зашедшим к нам теперь в тыл своим отрядом под *Мукденом*; вся наша 3-я армия вместе со 2-й была бы окружена со всех сторон неприятелем. Теперь у нас много

ганизации офицеров» и расстрелян в Москве в числе заложников в ответ на взрыв бомбы в здании МК РКП (б).

[23]Добржинский Ксаверий Антонович (1847 – после 1908) – генерал-лейтенант (1904), начальник 35-й пехотной дивизии с апреля 1904 г.

[24]Стахович Павел Александрович (1865 – ?) – полковник (1899), в годы Русско-японской войны командовал 52-м Нежинским драгунским полком. Впоследствии – генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны.

[25]Греков Митрофан Ильич (1842–1915) – генерал-майор (1888), командовал 2-й бригадой Забайкальской казачьей дивизии в 1904–1905 гг. С 1908 г. в отставке. В 1913 г. был произведен в генералы от кавалерии с оставлением в отставке.

[26]Любавин Гавриил Павлович (1850 – после 1918) – генерал-майор (1904), командовал 2-й бригадой Забайкальской казачьей дивизии в 1904 г., с февраля 1905 г. – 1-й бригадой Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. С 1908 г. в отставке.

[27]Лухманова Надежда Александровна (1841–1907) – русская писательница и публицистка, в 1904 г. добровольно отправилась сестрой милосердия в действующую армию. На рубеже 1904/1905 гг. некоторое время работала в полевом лазарете 35-й пехотной дивизии. В.П. Кравков относился к ней неодобрительно из-за ее склонности к интриганству и преувеличению собственных заслуг.

Рис. 7. Н.А. Лухманова

сил оттянуто к северо-западу, и линия фронта стала очень жидка, почти без резервов, а потому успокаиваться нам, что японцы по своей общей осведомленности не воспользуются этим слабым местом, – нельзя. А они пускают в ход теперь все средства для достижения цели, чрезвычайно умело и умно применяя для этого все последние изобретения технической науки и культуры. Передают, что минувшей ночью японец, переодетый в форму русского офицера, приехал к командиру полка, как бы ординарец от начальника дивизии, со словесным приказанием не то отступать, не то прекратить стрельбу; но ускакал опрометью, когда увидел, что командир в недоумении подошел к телефону, чтоб спросить штаб по поводу этого приказания. В артистической своей тороватости применяться к местности, они воспользовались выпавшим снегом и догадались даже одеть ночью свою разведочную команду в белое одеяние.

Осадные наши орудия с позиций поспешно увозят. Вчера в *Ваньшаньтуне*[28], где расположены наши госпиталя, была большая горячка – велено было складываться и отправляться прямо на *Телин*[29]. Судьба *Мукдена* была в большой опасности. Как перед эпидемией чумы предтечами ее часто служат такие симптомы, как появление во множестве крыс, так и теперь симптомом непрочности нашего положения в *Мукдене* являются необычайно частые случаи весьма дерзкого обращения с нами там китайцев; рикши с русских седоков требуют теперь деньги уже вперед. *Мукден* многими нашими учреждениями оставляется, пустеет.

После обеда поднялся страшный северный ветер с густыми облаками пыли. Пальба несколько стихла, и к вечеру ее совсем не было слышно.

С *Суятуня* спешно грузятся в вагоны пушки, снаряды и масса прочих вещей для увоза их на север. «Это так, чтобы здесь, у станции, более или менее поприбрать и почистить», – с плохо скрываемым беспокойством старался объяснить мне лихорадочную суету зазвавший меня к себе вечером в вагон Бильдерлинг, чтобы посоветоваться со мной о своих недугах. 1-й и 3-й армиям приказано во что бы то ни стало держаться на месте, 2-й же армии дана задача опрокинуть противника. Позабыл спросить добрейшего нашего командующего, но слухи есть, что штаб 2-й армии убрался к северу, куда с правого фланга тянется масса обозов. Оказывается, что нами взяты у японцев не 17 орудий, как мне говорил Александр Александрович, а лишь 4 пулемета; «и это на первых порах все-таки хорошо», – заключил он. Общее положение дел, говорит Бильдерлинг, сравнительно лучше вчерашнего. «Скоро переезжаем в *Угольную*[30] станцию для удобства наблюдения», – наивно, стараясь как будто не напугать и подготовить меня к своему быстрому исчезновению из прекрасных здешних мест, говорил Александр Александрович. Так растерявшийся и смущенный врач у постели неожиданно оказавшегося безнадежным больного, обращаясь к окружающим, говорит: «Это ничего, ничего…» Но Бильдерлинг должен был тотчас же разубедиться в моем малодушии, когда я ему порассказал о принятой мною политике в противовес циркулирующим слухам самого пессимистического характера пускать в обращение оптимистические сплетни, вроде того, что-де мы скоро возьмем в плен тысяч тридцать японцев, и уже весьма удачно их окружаем и проч., прикрывая, конечно, все эти вы-

[28]Ваньшаньтунь – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне деревня Ванши в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[29]Телин – город в Маньчжурии (Китай), ныне городской округ в провинции Ляонин (КНР).

[30]Угольный – железнодорожный разъезд к югу от Мукдена (Маньчжурия), ныне в черте города Шэньяна.

мыслы тем *bonne mine*[31] отличного актера, в каковом амплуа с успехом подвизался я еще и на арене жизни мирного времени.

Пришла бумага об отправлении излишних вещей в вагонах на *Телин*, а излишних вещей у меня теперь не находится, пока лазарет функционирует здесь, на месте, так как все они необходимы для повседневного употребления.

В это горячее время злобно настраиваешься, получая тысячи требований о доставлении сведений то о тех, то о других пустяках… Писанина и писанина ради писанины не оставляет нас и в моменты последнего издыхания. Вот пример бумажного блудодейства: каждую неделю надо аккуратно посылать рапорт начальнику дивизии, что за минувшие 7 дней «павших быков не было». Не проще ли позволить для сокращения переписки доносить о павших быках только в утвердительном смысле, когда случится самый факт падежа, и не доносить, раз последнего не случилось? […]

19 февраля. Погода ведренная при сильном северном ветре. С раннего утра началась интенсивная орудийная канонада с нашего крайнего правого фланга и с запада. *Сандиоза*[32] нами оставлена. На правом фланге все отступают и отступают. С часу на час ожидаем момента, когда и нам необходимо будет убираться из *Суятуня*. За утренним чаепитием раздался страшный взрыв упавшего неподалеку несомненно осадного снаряда; от сильного сотрясения засыпалась земля с крыши моей землянки. Вот скандал-то будет, если японцы начнут теперь палить по квадратам и дойдут до нашего бивуака! «Да будет воля Твоя!» […]

Жестокая канонада с северо-запада не прекращалась почти целый день. Настроение медицинского персонала дивизионного лазарета 3-й дивизии и моего весьма непокойное под влиянием циркулирующих слухов о безнадежном положении нашей армии. Корпусной врач[33], находящийся от нас почти за три версты к северу – в *Каолуодзах*[34] – в 5 часов утра был разбужен комендантом вследствие предписания из штаба поскорее совершить укладку вещей и приготовиться к немедленному отступлению. Начал складываться по своей инициативе лазарет 3-й дивизии. Я же о времени свертывания моего лазарета все ожидаю приказания от ближайшего начальства – из штаба дивизии. Сослуживцы мои были так нервно взбудоражены и нетерпеливы, что убедили меня съездить в штаб и спросить, не пора ли и нам складываться. Мигом слетал к начальнику дивизии, который лишь посоветовал мне, что очень бы-де не мешало моему лазарету заблаговременно уложиться. Между тем, раненые, преимущественно из 5-го корпуса, все прибывали и прибывали. Один шатер распорядился сложить, равно и все юрты с некоторыми теплыми вещами. Часть собранного инвентаря погрузил в вагоны.

Вечером опять поехал в штаб; застал всех налицо. За чашкой чаю разговорились о событиях дня. По мнению офицеров Генерального штаба, полковника Пукалова[35] и капитана Незнамова[36], японцы сыграли *va banc* и перенахальничали, а, по мнению начальника дивизии, – осуществили гениально задуманный план, обойдя нас большими силами с запада. Офицеры Генерального штаба соглашались с принципалом лишь при условии, если японцы обеспечили себе прочную базу в *Синминтине*. Пукалов и Незнамов находят сложившиеся стратегические условия японцев преинтересными, если бы существовал у нас Наполеон, который-де их несомненно разнес бы в клочья;

[31]хорошая мина (фр.)

[32]Сандиоза – деревня в Маньчжурии (Китай), вероятно, современная деревня Шисаньцзязцы в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[33]Форбрихер Николай Андреевич (1848–1917) – действительный статский советник, в годы Русско-японской войны занимал должность корпусного врача 17-го армейского корпуса. В 1917 г. упоминается как тайный советник в отставке.

[34]Каолуодзы (правильнее Гаолоу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Суцзятунь города Шэньяна.

[35]Пукалов Дмитрий Платонович (1865–1915) – полковник (1904), и. д. начальника штаба 35-й пехотной дивизии с декабря 1904 по май 1905 г.

[36]Незнамов Александр Александрович (1872–1928) – капитан (1902), старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии в 1904–1905 гг. Подполковник (1905). Впоследствии – участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915). С 1918 г. в РККА, с 1919 г. – профессор Военной академии РККА, советский военный теоретик.

Рис. 8. А.В. Каульбарс

Добржинский считает план японцев наполеоновским, но исполнение его немецким. Вообще говоря, через 3–4 дня должен совершиться кризис, который решит окончательно дело в пользу ли нашу, в пользу ли японцев. Каульбарс должен был отойти от прежних позиций и встать с силами около 80 тысяч заслоном с СВ на ЮЗ против обошедшей нас армии Ноги[37]. Положение наше здесь колеблющееся и весьма серьезное. Штабные желают лишь одного: чтобы Каульбарс был предоставлен самому себе, и поменьше бы вмешивался в его функции Куропаткин[38]. На левом нашем фланге события разыгрываются пока в более утешительном виде: Линевич[39], говорят, прошел вперед верст на 35 и потрепал будто бы армию Оку[40], чуть ли даже ее не обходит. Возвращался из штаба около 10 часов вечера, уже стемнело; небо было звездное; на западе во многих местах виднелись горящие деревни и зажженные наши интендантские склады.

Только что приехал на бивуак, как пришло предписание – сейчас же складываться и поскорее отступать на *Байтапу*[41], верст за 7 к северу, так как теперешнее наше место завтра ранним утром отойдет уже под позиции отступающих наших строевых частей, и будет обстреливаться не только орудийным, но и ружейным огнем.

Около 2-х часов ночи тронулись на *Байтапу* по восточной дороге от железнодорожного полотна. Не успели мы еще сняться с бивуака, как наше место стали занимать отступившие части 3-й дивизии. Прости-прощай, наш уютный уголок – *Суятунь*, где мы довольно благополучно простояли около полугода! Прощайте, наши милые земляночки; с вами у меня навеки будут связаны самые чистые воспоминания о посещавших нас, хотя и изредка, светлых радостях бытия!

Пока собирались и укладывались в дорогу, высшие артиллерийские власти то и дело вопрошали по телефону командиров частей, достаточно ли у них запаса пироксилиновых шашек для взрыва имеющих быть оставленными у японцев многих осадных орудий.

До места назначения почти всю дорогу ехали шагом. С нами следовал и прикрепленный к дивизионному лазарету летучий

[37]Ноги Марэсукэ (1849–1912) – генерал-лейтенант (1895), барон (1896), в 1904–1905 гг. командовал японской 3-й армией, осаждавшей Порт-Артур. Граф (1906).

[38]Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр в 1898–1904 гг., главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне в 1904–1905 гг., командующий 1-й Маньчжурской армией в 1905–1906 гг. Член Государственного совета в 1906–1915 гг. В 1915–1916 гг. командовал Гренадерским корпусом, затем 5-й армией Северного фронта, с февраля по июль 1916 г. занимал пост главнокомандующего армиями Северного фронта. Туркестанский генерал-губернатор в 1916–1917 гг. После Октябрьской революции 1917 г. проживал в своем бывшем имении в Псковской губернии, работал учителем в сельской школе.

[39]Линевич Николай Петрович (1838–1908) – генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905), командующий 1-й Маньчжурской армией в 1904–1905 гг., главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, в 1905–1906 гг.

[40]Оку Ясуката (1847–1930) – барон (1895), генерал армии (1903), в годы Русско-японской войны командовал 2-й японской армией. Впоследствии – граф (1906), в 1911 г. вышел в отставку в звании маршала.

[41]Байтапу – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

Рис. 9. А.Н. Куропаткин

дезинфекционный отряд. Темнота страшная. Хотя я и был тепло одет, но промерз здорово. От холода не мог даже и вздремнуть в экипаже.

20 февраля. Еще было темно, когда мы около 5–5½ часов утра прибыли в большой китайский город – *Старый Мукден*, называющийся теперь *Байтапу*. Здесь стоит высочайшая башня почти 2-тысячелетней давности, корейских времен. Остановились в одной из заброшенных фанз – без окон, без дверей, с разобранной почти совсем крышей. Продрогшие от холода, в изнеможении, как мертвые мы повалились на каны[42]. При попытке потопить последние, чтобы хотя сколько-нибудь нагреть помещение, вся фанза наполнилась густыми облаками дыма. Наше ночное прибытие в опустевший *Байтапу*, блуждание по нему, чтобы отыскать себе пристанище, наш жалкий, иззябший вид – все это очень напоминало картину из «Жизни за царя», когда прибывают в русскую деревеньку заблудившиеся

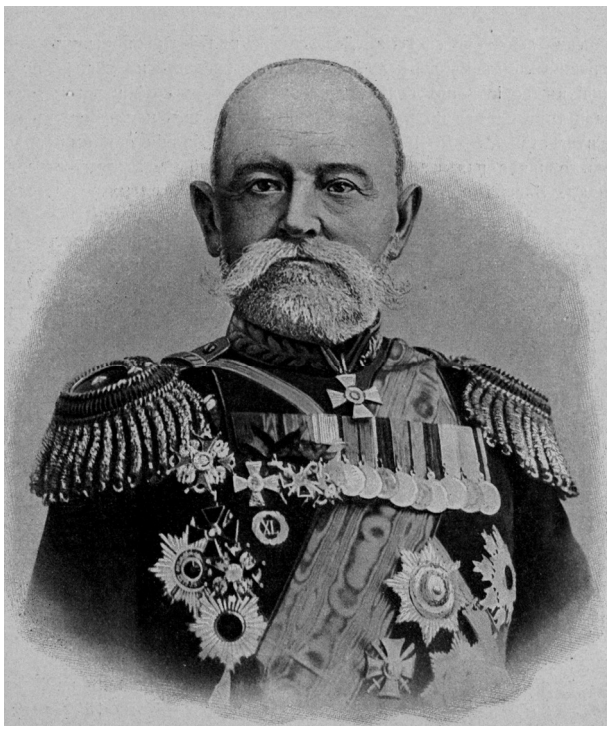

Рис. 10. Н.П. Линевич

поляки… Не доставало лишь Сусанина в лице какого-нибудь китаёза!

Прикорнувши с часик, я, когда все остальные еще спали, встал, кое-как умылся и отправился по городу, чтоб найти какие-нибудь получше фанзы под наше жилье и под перевязочный главный пункт. Облюбовал сравнительно удовлетворительное помещение возле башни, где и приказал устраиваться.

С раннего утра началась на западе страшная орудийная канонада, продолжавшаяся весь день с обычным у японцев перерывом для обеда и некоторого отдыха после него. Молодцы, своей методичностью японцы: и в огне не забывают о гигиене!

Стали прибывать раненые, преимущественно моршанцы, которых до обеда понабралось до 100 человек. Много моршанцев было ранено зарайцами, принявшими их за японцев.[…]

Полковые перевязочные пункты нежинцев и моршанцев передвинуты назад к северу – в деревню *Сыяртунь*[43] в 1½ – 2 верстах от *Даянельтуня*[44].

[42]Кан – глиняная лежанка с подогревом, часть традиционной системы отопления крестьянских домов Северного Китая.

[43]Сыяртунь (правильнее Сиоянъань) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2010-х гг., когда была

После обеда количество раненых стало все увеличиваться и увеличиваться. Перевозочных средств полковых и дивизионного лазаретов для эвакуации раненых становилось недостаточно. Послал экстренно в *Ваньшаньтунь*, чтобы немедленно прибыл транспорт. Получился ответ начальника военно-санитарной части, что такового дать не может. А раненые все прибывают и прибывают, и все такие жалкие – изнуренные и искалеченные… На руках у нас их скопилось масса, от которой надо скорее освободиться ввиду возможности с часу на час дальнейшего нашего отступления.

Передовые окопы под *Каулитуном*[45] мы очистили и сдали японцам; сам же *Каулитун* пока у нас в руках. *Ханченпу*[46] же ночью моршанцами оставлен.

Японцы сильно обстреливают нас из осадных 11-дюймовых орудий, наводящих на солдат страшный ужас.

Станция *Суятунь* – пылает!

Держаться же на позициях нашему корпусу повелено всемерно, чтобы помочь осуществлению задачи Каульбарса, долженствующего опрокинуть японскую армию Ноги.

В отступлении моршанцев из-под *Ханченпу* винят генерала Орлова, который будто бы совершил преступление, отступивши с своих позиций и предоставивши японцам овладеть *Ингоа*[47], *Цофантаем*[48] и даже *Уэнченпу*[49]. Командующий корпусом Селиванов[50] ругал его за это при всех самыми бесцеремонными словами и приказал ему во что бы то ни стало взять обратно оставленные позиции. Да! Было бы очень хорошо, если бы обратно брать позиции Орлову пришлось своими боками, а не ценою опять тысячей жизней все тех же «серых» безропотных мучеников, коими наши военачальники безответственно швыряют, как марионетками! А то нынешнюю ночь этого генерала не посмели даже будить по весьма важным распоряжениям, так как его вестовые категорически докладывали, что «его превосходительство приказали их не будить»!!

Среди дня прибыл в *Байтапу* штаб дивизии; начальник же дивизии с капитаном Незнамовым остались в *Даянельтуне*. Вместе со штабом приехал и начальник его, неистовый ненавистник врачей полковник Пукалов, направившийся к нам прямо на перевязочный пункт. Воин этот, попавший, по-видимому, не туда, где ему надлежало бы быть в данный момент, дрожа всем телом, был очень растерян и представлял весьма жалкий вид кающегося грешника. Кроток он был, как агнец, и в отношении к моему врачебному персоналу – «ко всем этим боткиным» – изо всех сил старался проявить возможно больше предупредительности и внимания. Платя за зло добром, мы его обласкали, напоили, накормили и отдохнуть положили. Не умягчится ли «косматое» сердце нашего «внутреннего врага» к нам хотя бы после такого оказательства ему врачами всесердечной евангельской любви?!

Немало удивил нас всех сегодня наш лазаретный повар: было уже часа два пополудни; мы были еще очень заняты работой с ранеными, когда он начал с особенной какой-то назойливостью то и дело подходить ко мне со стереотипными докладами: «В-ство, обед готов», на что я ему всякий раз так же стереотипно отвечал фразой: «Ладно, сейчас придем». Но мы слишком,

расселена и снесена в связи со строительством вокзала высокоскоростной железной дороги.

[44]Даянельтунь (правильнее Даянъань) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[45]Каулитун (правильнее Гаолитунь) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2006 г., когда была расселена и снесена из-за провалов грунта вследствие добычи угля.

[46]Ханченпу (правильнее Ханьчэнпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[47]Ингоа (правильнее Инво) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[48]Цофантай (правильнее Сыфантай) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[49]Уэнченпу (правильнее Вэньчен) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[50]Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917) – генерал-лейтенант (1901), начальник 37-й пехотной дивизии в 1904–1905 гг., временно командовал 17-м армейским корпусом с января по апрель 1905 г. Впоследствии – генерал от инфантерии (1907), участник Первой мировой войны.

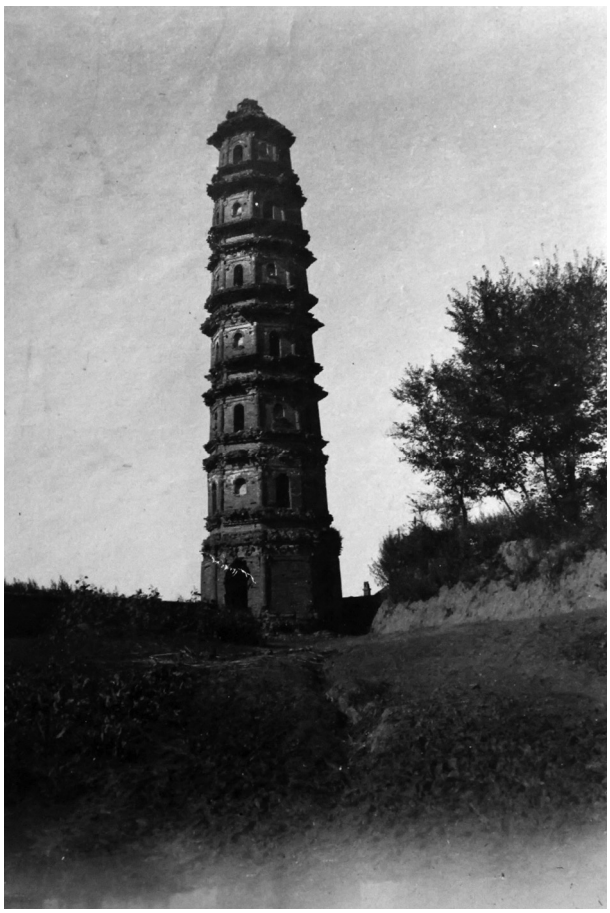

Рис. 11. Байтапу. Башня

очевидно, замешкались, что он под конец уже с нескрываемым нетерпением, с большой тревогой в лице и отчаянием в голосе, выражавшими как бы боязнь потерять что-то очень дорогое, обратился ко мне с такими словами: «В-ство, пожалуйте обедать, а то блины уйдут». Оказывается что же? А то, что этот чудак, несмотря на поспешные сборы вчера и внезапное свертывание лазарета, каким-то неведомым образом ухитрился и не забыл захватить с собой также и заквашенное тесто, предназначавшееся при покойной стоянке под блины на нынешний день. Благодаря такой старательности и догадливости повара нам удалось встретить российскую масленицу превкусными блинами при столь оригинальной обстановке, как бы сидя в жерле вулкана. Блинов у нас хватило настолько, что мы и сами хорошо наелись, и накормили ими почти всех раненых офицеров, частью же даже и некоторых солдатиков…

Поступающие раненые полны панического ужаса, передают самые страшные вести о японцах, об отвратительности нашего положения и о неизбежности того, что японцы вперед нас займут *Телин* и отрежут нам пути наступления к нему. Вообще ближайшее будущее наше рисуется всеми в весьма сгущенно-мрачных красках. Многие из прибывших раненых представляют тяжелую картину изувечения и страдания.

Идут приготовления к возможному скоро оставлению *Байтапу* и к сожжению хранящихся в нем больших складов. Вот проехала спешно назад, на *Мукден*, к северу неразгруженная почта, везущая, может быть, каждому из нас весточки от наших дорогих с отчизны.

Совсем не ко времени заболел мой смотритель, которому теперь бы командовать да командовать.

Раненые все прут и прут. Старшие врачи Моршанского[51] и Нежинского[52] полков вопиют о доставлении им перевозочных средств, а также о невозможности младшим врачам находиться в блиндажах под адским огнем. Возвращаются из блиндажей врачи очертеневшими и близкими к сумасшествию.

8 часов вечера. Канонада стихла. Спустилась на землю претемная ночь. Что-то она нам обещает? Боже упаси, если придет приказание теперь же собираться и отступать!

Спать в занимаемой фанзе все мы расположились вместе на канах, вповалку. Я лег, не раздеваясь.

21 февраля. Слава Богу, ночь прошла покойно и мы все выспались. Встал раньше всех. Кругом – тишина. Напившись чаю, прошелся к знаменитой по своей высоте и древности башне. Благоговейно около нее простоял, уносясь воображением далеко вглубь столетий. Целые века бросали с вершин ее свои исторические взоры. Она вся была как бы живая, будучи снизу доверху сплошь покрыта огромными стаями многочисленных семейств птичьего царства, начиная с воробьев, голубей, ворон, сорок, и кончая чуть ли не «царями-орлами». От беспрерывного движения всей этой многочисленной крылатой массы, весьма

[51] 139-й пехотный Моршанский полк.
[52] 137-й пехотный Нежинский полк.

удобно и прочно свившей себе гнезда в выемах и расщелинах старого каменного колосса, и от разноголосых ее криков, сливавшихся в один какой-то таинственный гул, мне казалось, как будто сама башня, полная призраков прошлого, тревожно шевелится и что-то грозно вещает… Заглянул в кумирню, стоящую так живописно и совершенно одиноко на пригорке у замерзшей реки. Внутренность этой святыни оказалась совершенно разрушенной, расхищенной и оскверненной. Сохранившиеся у входа в кумирню и вокруг висящего гонга сосенки как будто неутешно оплакивали скорбную судьбу, постигшую место святое. Зашел в одну из полуразрушенных опустелых фанз, где меня, словно какой-то призрак, встретил согбенный, иссохший, как мощи, старик-китаец, ковырявший шилом кусок кожи. Вид старика был необычайно жалок; он был совершенно одинок. Объяснения наши совершались жестами да восклицаниями. Протянутой костлявой рукой он предлагал мне сесть. Я старался быть с ним как можно ласковей и всячески выразить ему мое к нему уважение и сочувствие. Сердце защемило тоской, слезы подкатывали к горлу, и я ушел от старика, чувствуя великий конфуз… Не прошел и нескольких шагов, как увидал еще несчастного китайца, и опять такого же мумиеобразного старика, нагнувшегося над пучком гаоляна, к которому он старательно привязывал издохшую, такую же худую, как он, собаку. Проследовавшие солдатики при виде этого старика, улыбаясь, его спрашивали: «Куш-куш?» – на что он им утвердительно отвечал киванием головы. На душе становилось нестерпимо грустно. Нескоро могла развеять моего тяжелого настроения даже оживающая природа с весенним солнышком и привлекательной панорамой маньчжурской равнины…

Часов с 10 утра началась усиленная пальба с запада.

Раненые все эвакуированы. За истекшие сутки всех перевязанных на нашем пункте было более 300 человек; преимущественно поступали моршанцы, а затем уже нежинцы. Эти два полка поставлены теперь в весьма тяжелое положение вследствие опрометчивого распоряжения генерала Орлова, поторопившегося приказанием об очищении *Ингоа*, *Цофантая* и *Уэнченпу*. Нежинцам и особенно моршанцам приходится теперь выдерживать страшный фланкированный огонь неприятеля. Моршанцы залегли за восточную сторону железнодорожной насыпи. Японцы отчаянно осыпают их из ружей. Пули, попадая в рельсы, производят своеобразную музыку *a la dance macabre*[53]! Масса раненых в руки. Господь один ведает, какой % из этого рода ранений можно отнести на умышленное членовредительство!

Сегодня с вечера должна начаться атака отданных нами японцам *Уэнченпу*, *Цофантая* и *Ингоа*, а также и попытка обратного занятия первых линий передних позиций нежинцами под *Каулитунем* и моршанцами под *Ханченпу*. Этого будто бы требуют сложившиеся стратегические условия.

Теперь у нас главная база военных действий – на западе, против армии Ноги, и фронт наш представляется изломанным в виде римского S. Сведения с западного и особенно восточного фронта приходят утешительные. На западном фронте Каульбарс при искусном действии может отрезать японцев и устроить им ловушку. На днях ожидается разрешение совершающихся событий. О, когда-то мы спустимся, наконец, с планеты Марса на нашу мирную Землю?! Раненые солдатики из армии Каульбарса передают, что японцев валятся целые массы – «как груши», «как муравли»; лезут они в атаку как бешеные; достоверно известно, что японцы действуют под влиянием какого-то опьяняющего напитка, пускаются они на всякие хитрости: кричат по-русски «свои», удачно называют наши пароли, часто ставят трупы наших солдат, и из-за них уже выкрикивают, чтобы лучше ввести нас в обман. А чтобы в открытом поле поскорее чем-нибудь защититься, они с этой целью из трупов убитых кладут брустверы, воздвигают даже целые редуты! У пленных японцев найдены какие-то бобы вроде коки или колы. Отмечаю курьезный случай, когда наш раненый солдатик, чуть не обливаясь слезами, искренне сожалел,

[53] пляски смерти (фр.)

что, оставляя поспешно окопы, он позабыл там свой сахар!

Мой смотритель лазарета заболел какой-то серьезной мозговой формой болезни. Надо будет его завтра отправить в госпиталь; придется с ним расстаться уже совсем. Беда мне теперь с хозяйственными делами, которые он так умело и аккуратно вел. Достойного ему заместителя мне не найти!

22 февраля. Всю ночь шла канонада на оставленных 3-й дивизией позициях, с 4-х часов утра принявшая особенно напряженный характер и продолжающаяся до сего времени. Уже 8 часов утра. Ночью я спал в общем недурно, лишь изредка просыпался, когда уж очень начинали дрожать стены фанзы от залповой стрельбы. Вот уже девятый день, как идет страшная бойня по всей линии; больше еще двух дней она прямо-таки по чисто физиологическим условиям продолжаться не может, и должна обязательно последовать реакция. В перспективе опять многонедельное наше стояние и собирание сил – все тот же *perpetuum mobile*[54]!

А, впрочем, все это кровопролитие может завершиться и чем-нибудь более решительным и эффектным: или вдребезги ухлопаем японцев, или сами будем ими с трезвоном ухлопаны… Стоим все в том же *Байтапу*. Положение наше стало, повидимому, не столь критическим, как позавчера, когда существовало опасение, что японцы встретят нас в *Мукдене* и перережут дорогу на *Телин*.

Погода держится – чудная, днем хорошо греет солнышко, ночью же – морозно.

Распространились слухи, но не первостепенной достоверности, что будто бы под *Телином* мы окружили колонну японцев человек в 6 тысяч, которой готовим катастрофу, и что уже четвертый день идет у нас морской бой. Хорошие вести приятно и слушать! Но не являются ли они отдаленным отголоском пущенных мною же несколько дней назад в обращение для приободрения окружающих специально оптимистических сплетен, которые теперь, может быть, обратно доходят до меня, их автора, но в несколько видоизмененной редакции? Все может быть. […]

Сели за обед в хорошем настроении духа, но оно было скоро же испорчено пришедшим предписанием немедленно сняться и двинуться верст за шесть на север к *Хуньхепу*[55], откуда приготовиться к движению к южной мукденской башне.

Положение, по сообщению начальника дивизии, сделалось весьма серьезным. Еле-еле державшийся моршанцами *Ханченпу* ими оставлен и перешел к японцам. Нежинцы же в *Каулитуне* пока еще отстреливаются. Огонь японцев принял ужасную напряженность. На позициях – неописуемый ад. 11-дюймовые снаряды, выпускаемые нашим противником, производят среди солдат настоящую панику. Некоторые роты не следуют за приказаниями своих командиров и в неистовом страхе бегут. В переживаемую горячую минуту солдатики наши не слышат подбадривающих слов ближайшего полкового начальства и не видят ни его личного участия, ни руководства. Всех на позициях обуял ужас. Начальник штаба нашей дивизии Пукалов, оставивши своего принципала, уже третий день болтается около нас; он теперь – «тише воды, ниже травы». Куда улетел его кураж?!

Раненые солдатики уверяют, что в штыки с ними отчаянно лезли совсем-де не японцы, а «еще какие-то басурманы, уж оченно высоченного роста»! Что же это за люди? Уж не корейцы ли, или иной народ, жители каких-нибудь отдаленных островов? Для самозащиты на открытом гаоляновом поле и наши начали делать брустверы из груды трупов. Один из раненых офицеров Моршанского полка, совершенно добродушный человек, мне сегодня пресерьезно высказал жалобу, что в самой линии огня ему первичную перевязку наложить не нашлось ни одного врача, а перевязал его лишь фельдшер! Я ему, конечно, объяснил, что еще слава Богу, что перевязку сделал фельдшер, а то ее был бы вполне правомочен сделать и простой носильщик, и это было бы вполне правильно, так как место для деятельности полкового врача во

[54]вечный двигатель (лат.)

[55]Хуньхепу (правильнее Хуньхэпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяна.

время боя не в боевой линии, не в зоне огня, где оказать медицинскую помощь лучше, чем обыкновенный санитар, он и не может.

23 февраля. Да не 24-е ли сегодня число? Все дни у меня уже давно спутались и потеряли свои названия, известными же мне оставались лишь одни числа; а в переживаемую безалаберщину, как ушли из *Суятуня*, и последние стали перемешиваться. В минувшую полночь, только что мы разместились в довольно сносной фанзе, получил предписание немедленно двигаться к южным воротам *Мукдена*, так как нежинцы, отступая от *Каулитуня* и *Даянельтуня*, скоро придут на наше место и займут все расположенные под *Хуньхепу* окопы и редуты. Настойчиво взывают ко мне о скорейшем доставлении перевозочных средств уже не одни части моей дивизии, а еще и из 6-го корпуса, где скопилось теперь порядочное количество раненых Нежинского полка. Но что я в настоящий момент могу сделать? Все бывшие в моем распоряжении транспортные средства уже исчерпаны до крайней возможности. Из обозов 2-го разряда, совершающих спешно отступательное движение вместе с нами, не удалось достать ни единой свободной повозки. Еще вчера отправил гонцов в штаб корпуса с донесением об испытываемой мною острой нужде в перевозочных средствах для раненых, но ни ответа оттуда, ни привета до сего времени пока не имею. Вся наша многочисленная начальствующая по санитарной части плеяда ничем нам не заявляет о своем существовании в настоящее время, немо реагируя на наши вопли о помощи. За счастье бы мы почли теперь видеть у себя кого-либо хотя из «чиновников для особых поручений» при санитарном управлении, который бы пособил нам выйти из трудного положения, облегчивши эвакуацию раненых. Бессильным оказался помочь нам перевозочными средствами, как и при прежних боях, также Красный Крест, всегда готовый обильно нас снабдить перевязочным материалом, которого у нас и без него имеется неиссякаемый запас, и всем прочим, в чем мы и не нуждаемся. Много, даже тяжело раненых, брело пешком, много их валялось по дороге. Двух из них я посадил к себе в тарантасик. Все хозяйственные повозки лазарета были перегружены иска-

Рис. 12. Мукден. Главная улица

леченными.

Выступлением из *Байтапу* спешили и перевязочные пункты Нежинского и Моршанского полков. С целью, чтобы не дать прицельной точки японцам, туда уже приехал один сапер с 30 пудами пироксилина для взрыва священной многовековой башни, которой я так любовался и восхищался!..

Прибыли мы к южным воротам *Мукдена* около 2½ часов ночи. Зги еще не было видно. Остановились возле башни «Бога войны», весьма древней, полуразрушенной. При ней помещались китайские монахи – совершенно стриженые, без кос. В темноте стали отыскивать себе логовища; кто занял оставленные уже отступившими частями землянки, кто поместился в грязных каморках брошенных фанз, я же ради чистоты воздуха предпочел заночевать в экипаже, стараясь потеплее укрыться. Но ночь провел плохо, так как все время ощущал сильный холод. Ночью кругом на горизонте виднелись пылавшие зарева пожарищ, и по временам слышались отдаленные тревожные звуки китайского гонга, напоминавшие мне набатные звуки церковного колокола у меня на родной стороне. А впрочем, слышанные удары гонга были, может быть, просто галлюцинацией моего слуха.

Дрожа от мороза, встал очень рано, чтобы поскорее посогреться чаем. Утром при свете дня обстоятельно осмотрел окружающую нас обстановку. Весьма умилительный вид представляла ветхая-преветхая, обвеянная дыханием нескольких столетий башня «Бога войны», возле которой на полуразвалившемся каменном четырехугольной формы широком и высоком фундаменте стоял своего рода «Царь-колокол» величиною в большую нашу бочку. Очевидно, он когда-то висел, но теперь, упавши, лежал. Но мистический ужас мною овладел, и я замер в каком-то благоговейном столбняке, когда я увидел в саду уже совсем разрушенной кумирни многовековое огромное дерево, разросшееся по игре природы своими ветвями так, что представляло вид лежащего колоссального дракона с открытой пастью, крыльями, когтистыми лапами. На шею этого дракона – чуда природы – был привешен небольшой

Рис. 13. В.А. Ярчуков

гонг. Долго я не мог оторваться от этой полной таинственного значения какой-то сказки действительности.

Начальник штаба Пукалов продолжает свое отдельное существование от начальника дивизии, нас теперь не обижает, но все время как-то автоматически-импульсивно суетится и громко, как бы в бреду, ругается со своей писарской командой.

Узнал, что в эту ночь наповал был убит мой первый смотритель лазарета Ярчуков[56]. Я это предчувствовал, и немало болею теперь душой по поводу случившегося.

Усиленная канонада слышится с СЗ фронта, с южного же – довольно вялая. Японцы не преследовали нежинцев и моршанцев; сами, очевидно, были порядочно потрепаны и уставши. Прибыл к южным воротам *Мукдена* перевязочный пункт Нежинского полка и расположился вместе с моим лазаретом в китайском монастыре.

Около 12 часов дня пообедали. Затем я протянулся в своем экипаже поотдохнуть немного, повернувши его так, чтобы солнышко мне пекло прямо в лицо. В воздухе так сильно чувствовалось пробуждение бурной, кипящей избытком жизни весны. Галки, сороки, воробьи оживленно кружились над нами.

[56]Ярчуков Владимир Андреевич (? – 1905) – штабс-капитан 137-го пехотного Нежинского полка. Капитан (1904). С конца 1904 г. командовал 1-й шефской ротой полка. Погиб под Мукденом 22 февраля (7 марта) 1905 г.

Посылаю в неподалеку горящую деревню для захвата, если удастся, всякого добра из интендантских складов – консервов, сахару и проч. Выбрал для такой миссии и солдатика половчее да порасторопнее, который сумеет вытащить каштаны из огня. Приготовился к могущему потребоваться с часу на час его сожжению и начальник склада, расположенного возле нас. Просто же раздать все имущество в движущиеся теперь войсковые части и врачебные учреждения сей муж не решается. «Пусть уж все забирают, когда загорится!» – говорит он. […]

К вечеру канонада затихла. Но с наступлением темноты и с восходом молодого месяца на южном нашем фронте началась довольно яростная пальба из орудий, продолжавшаяся часа с два. Неприятельские шимозы и шрапнели рвутся от нас не ближе 1–1½ верст.

Башня в *Байтапу* взорвана с большим треском. Под самой деревней, вчера нами оставленной, показались уже японские кавалерийские разъезды и пехота. Фушунская железнодорожная ветка – в руках японцев. *Чансумутуньи Гудзядзы*[57] пылают.

Ввиду редкой сторожевой цепи и малого количества наших войск на южном фронте при отсутствии всякого резерва сильно опасаемся, как бы ночью японцы не учинили нам большой неприятности. Решили быть начеку, и в случае внезапного прорыва нашей цепи неприятелем немедленно же продолжать отступление. Распорядился, чтобы быть готовыми тронуться по первому приказанию; для чего велел обозу выехать на дорогу и лошадей совсем не распрягать. Решил переночевать в фанзе, чтобы, разоблачившись, немного порасправить свои члены. Своему Александру[58] строго наказал, чтобы при тревоге он успел собрать все мои постельные принадлежности в 10 минут.

А прескверная это вещь – отступление, да еще постоянно практикуемое и внезапное, которое с каждым разом все легче и легче способно порождать массовую панику. Помощник смотрителя лазарета Мигулин в период отступательных движений начинает по обыкновению усиленно потреблять за обедом и ужином водку, совсем прекращая ее при покойных стоянках, и имея намерение при проблематическом нашем наступлении заменить ее более благородными спиртными напитками.

В полном неведении, как у нас идут дела вообще, так как дальше носа своего теперь мы ничего не видим. У Каульбарса дня через два должны разрешиться события, которые будут иметь критическое значение в исходе кампании.

Пишу в углу тесной фанзы, где собралась масса врачебной публики спорящей, галдящей, гогочущей и свистящей… Обстановка, не благоприятствующая правильному течению моих мыслей.

9 часов вечера. Укладываемся на сон грядущий. Никогда в жизни, кажется, мы с такой искренностью не желали никому «покойной ночи», как именно теперь друг другу, будучи слишком утомлены работой последних дней и несколькими бессонными ночами…

Монахи-китайцы, собравши все свои святыни и пожитки, куда-то молча удаляются. Чувствую себя от этого в каком-то сконфуженном положении.

Среди ночи слышались орудийные выстрелы, сотрясавшие стены фанзы, в которых так раздражающе всякий раз дребезжали оконные рамы.

24 февраля. Рано утром пробудился от страшного орудийного удара, от которого задрожала вся фанза. За этим ударом последовала канонада, не прекращавшаяся почти весь день.

Напившись чаю, прошелся по бивуаку, где лежали огромные запасы фуража и провианта; около них стояли караульные, приготовившиеся по первому сигналу о нашем отступлении их немедленно поджечь. Большими группами бродили китайцы с своими оригинальными граблями, чтобы захватить из наших обреченных на сожжение складов гаоляна, чумизы и проч., но солдаты их отгоняли. Представлявшаяся картина настраивала на грустные размышления. Взобрался с некоторыми из коллег

[57]Гудзядзы (правильнее Гуцзяцзы) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяна.

[58]Денщик В.П. Кравкова рядовой Александр Зарембо.

на бруствер перед башней, чтобы понасладиться дикой поэзией красоты от рвавшихся на южном фронте шрапнелей и шимоз, но принципал, заметивши нас, прогнал нас отсюда с большим скандалом (да и не без серьезного, вероятно, основания!), говоря (вернее – крича), что жертвами нашего любопытства могут быть тысячи солдатских жизней.

Часов с 10 утра начался страшный тайфун. Поднялась такая адская пыль, что совершенно померк солнечный свет и наступили самые непроглядные сумерки. На расстоянии каких-нибудь двух шагов ничего нельзя было видеть. Трудно становилось дышать. О возможности таких пыльных буранов я никогда и не воображал. Ураган все крепчал; тьма сгущалась; слышалась губительная канонада и с юга, и с востока, и с запада. Чувствовалось, что мы находимся в слепом мешке, в котором вот-вот все мы будем перебитыми, передавленными или заживо погребенными… Зашел в соседнюю фанзу, в которой разместился штаб. Там невообразимый хаос: у всех идет голова кругом, все сбились с ног, бегают, приказывают, зовут… Звонят в четыре телефона; выбиваются из сил слушать и переговариваться. По телефону, между прочим, сообщают, что японцы большими колоннами наступают из *Байтапу* в *Импань*[59]. Начальник дивизии – мрачнее тучи; я к нему боялся даже и подойти, но он поймал меня, и, будучи поглощен, очевидно, более серьезными задачами, мне как-то лишь на лету успел дать приказание «ввиду возможности всяких случайностей озаботиться запасом продовольствия на 7–8 дней». Начальник штаба Пукалов ходит как сомнамбула, бормочет несвязанные слова; видна полная его растерянность. В эту сумятицу им скоро еще была получена телеграмма, извещавшая о смерти его супруги в Лозанне; мой полковник после этого уже совсем сжался и сократился, обратившись в мокрую курицу. Я так и ожидал: он подал, конечно, рапорт о разрешении ему отпуска по болезни в Россию; последовало, конечно, и предписание об освидетельствовании сего воина. Странным мне представляется, что мой принципал вот уже второго начальника штаба своей дивизии провожает от себя не только без печали, но как будто даже и с радостью – с чувством какого-то облегчения.

Коллеги мои и я с ними стараемся подбадриваться. Все они, как загнанные охотником зверьки в норе, скучившись, сидят в фанзе и, затая у себя глубоко на сердце печаль и отчаяние, чтобы как-нибудь скоротать и очень уж остро не ощущать отвратительно жуткие минуты переживаемого момента, почти механически ведут между собой беседы на разные темы, стараясь приправлять их разными шутками. Разговоры о физиологическом действии тех или других доз какого-либо из фармакологических препаратов сменялись вентиляцией вопросов внутренней политики России, вопросов церковно-богословского характера и т. д.; но мысли наши все же не могли оторваться от окружающей действительности и невольно приходилось обращаться к обсуждению более близко и непосредственно нас касающихся вопросов о нашем теперешнем положении. А известия получаются все тревожнее и тревожнее. У нас, оказывается, мало снарядов, и цепь на южном фронте настолько жидка, что район, на котором должен был бы растянуться целый батальон, принуждена занимать лишь одна рота. Становится не подлежащим сомнению и факт, что японцы энергично стремятся заключить нас в огненно-железное кольцо. Для каждого из нас самой страшной перспективой представляется как бы не попасть в одиночку в плен китайцам, которые уже не поцеремонятся проделать над нами самые вычурные казни и пытки.

Получено уведомление, что через час в штабе корпуса будут жечь, как лишний балласт, всю пришедшую к нам из России корреспонденцию, а потому предлагалось поторопиться присылкой нарочных, чтобы скорее ее разобрать. Слава Богу, мне успели доставить два письма с родины и несколько №№ «Нового времени» и «Нашей жизни». Ни писем, ни телеграмм отсюда теперь не принимают. На неопределенное время мы отрезаны от всего окружающего мира.

[59]Импань (правильнее Инпань) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяна.

Пришло предписание, что, если в *Мукдене* на станции не будут приниматься больные и раненые, то их эвакуировать к СВ от *Мукдена* к какому-то трамваю; но последний оказался по тщательной проверке уже разрушенным. Положение по части эвакуации обстоит пока, таким образом, довольно путанное.

Вот прибыл командир Нежинского полка Бут-Хусаинов в припадке сильной истерики. Дали ему санитарный билет для отправления в госпиталь.

Около 3-х часов пополудни поднялась внезапная паника: прибежавшие солдаты кричали, что около нас показались японские разъезды. Все выскочили из фанз… Начальник дивизии скомандовал нижним чинам взяться за ружья. Был момент прескверного самочувствия, когда ожидаешь себя приговоренным к смерти…

Стемнело. На юге горит деревня *Хуньхепу*, а на ЮВ продолжают гореть *Чансумутунь* и *Гудзяздзы*.

Все более и более убеждаемся, что попали в «наигрязнейшую» историю, из которой приведет ли еще Господь благополучно нам выскочить.

Лошади держатся в запряжке, чтобы в случае необходимости моментально можно было выехать.

Поужинали больше по обязанности, чем с аппетитом. Нервы у всех взбудоражены. Спать не придется.

Таких тяжелых минут еще никогда нами не переживалось. До конца дней моих не забуду я 24 февраля! Завтра ожидается катастрофа.

Всяким слухам нет конца. Я всех рассказчиков, заменяющих нам свежие газеты, называю нувеллистами, существовавшими, помнится, когда-то во Франции, когда пресса там была еще мало распространена.

Свирепствовавший тайфун для нас сыграл роль кары Божией. Среди китайцев распространилось убеждение, что тайфун этот послан небом в наказание за потревоженные души их предков на могилах, у которых теперь идет канонада. Стихийно и систематически нам не везет. Вспомнились мне слова какого-то не то римского, не то греческого классика: «Ветры и волны благоприятствуют всегда лишь искуснейшим мореходам…»

25 февраля. Чуть лишь вздремнул, как около 12 часов ночи над ухом моим раздался тревожный окрик начальника штаба: «В.П., вставайте и собирайтесь скорей к выступлению!» Отведя же меня в сторону, волнующимся голосом тихо сказал: «Дела скверны, идите сейчас к начальнику дивизии». Принципал мой, совершенно уничтоженный, не открывая мне карт истинного положения наших дел (из благого намерения, вероятно, не смущать печальными сведениями публику!), в разговоре со мной ограничился лишь краткой фразой: «Следуйте теперь же к СВ части *Мукдена*, а оттуда безостановочно двигайтесь на *Телин*».

Лошади в обозе были уже запряжены, и мы быстро собрались, так что около часу ночи тронулись в путь-дорогу по указанному нам маршруту. Настроение духа у всех нас было прескверное, мы ожидали для себя всего недоброго. Я засел в экипаж. Ночь была претемная; вздымавшиеся лишь в разных местах, оставленных нашими войсками, кругом красные зарева пожарищ своими огненными языками освещали нам мало-мальски дорогу.

Вслед за нами загорелись интендантские склады у южных ворот. Мои смельчаки, что можно было повытаскать из огня, захватили с собой, как-то: разные консервы, спирт, и даже мирно покоившиеся всю зиму там теплые рукавицы и валенки!

Сзади и справа от нас слышалась беспрерывная ружейная трескотня, что говорило за близость неприятеля. Потихоньку, стараясь быть незамеченными, начали отходить с своих позиций нежинцы и моршанцы.

Восточная стена города *Мукдена*, возле которой мы снаружи следовали, казалась мне бесконечной. Движение наше, особенно выше восточных ворот, все более и более задерживалось и замедлялось, так как на ту же дорогу, по которой мы шли, стали все более и более вливаться с востока отступавшие обозы 6-го корпуса – полковые, артиллерийские парки, госпитальные и арбяные транспорты. Все эти разнородные обозы с находящимися при каждом из них войсковыми командирами то и дело друг с

Рис. 14. Обоз русской армии. 1904 г.

другом сталкивались, стремясь непременно продвинуться вперед остальных. Все мы чувствовали, что за нами, на наших плечах следуют японцы, которые вот-вот нас окружат и отрежут нам путь отступления.

Мне с своим лазаретом нужно непременно сегодня же дойти по Мандаринской дороге до деревни *Пухе*[60], находящейся к востоку от железной дороги на одной высоте со станцией ее *Хушитай*[61], верстах в 25–30 севернее *Мукдена*.

Около восточных ворот в середине моего лазаретного обоза, впереди которого я ехал, случилась поломка у одной из повозок, вследствие чего задняя половине его принуждена была приостановиться. В это время втиснулись в нашу линию соседние обозы, отрезавшие, таким образом, переднюю часть моего обоза от задней, при которой оставался мой помощник врач Шешминцев.

Стало рассветать. Мы вышли уже на Мандаринскую дорогу. Нас постепенно стали обгонять массы китайцев-рикшей из *Мукдена*, выказывая этим как бы свое нежелание расставаться с русскими, что в испытываемую минуту жизни трудную не могло нас не радовать.

Вдоль Мандаринской дороги и параллельно ей множеством рядов протянулась далеко к северу непрерывная лента обозов всевозможных частей войск. Широкими волнами разлилось людское море. Надсадливо кричали солдатики; скрипели обозы; лязгали артиллерийские повозки с зарядными ящиками. Гудела и дымилась пыльная дорога. Я продолжал ехать в головной части лазаретного обоза, потерявши уже в самом начале движения всякую связь с оторванной и отставшей его частью, затертой где-то там, сзади, среди других обозов. Движение короткое время совершалось еще довольно гладко, даже рысью; некоторые шутники даже весело посмеивались, говоря, что вот-де устроилось для нас и катанье на масленице; а один из коллег так с пафосом декламировал классические слова:

[60]Пухе (правильнее Пухэ) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

[61]Хушитай– станция Южно-Маньчжурской железной дороги (Китай), ныне станция Цзинхайской (Пекин-Харбинской) железной дороги (КНР).

«Dulce et decorum est pro patria mori!»[62] Но чем дальше, тем наше движение становилось беспорядочней и затруднительней. Вследствие образования впереди пробок приходилось все чаще и чаще останавливаться и следовать уже шагом. Каждый из обозов одного ряда, чтобы уйти скорей, стремился продвинуться вперед других – своего или соседнего ряда. Пересекая друг другу дорогу, то и дело повозки одного обоза врезывались в другой. Обозы, таким образом, разрывались, дробились на части и между собой перемешивались. О том, чтобы собрать разорванные и разбросанные части своего обоза в это время нечего было и думать. Мой дивизионный обоз все более и более растворялся и поглощался в общей движущейся массе прочих обозов. Лазаретные мои носильщики, будучи затерты тесными рядами обозов и разбиты на мелкие группы, принуждены были не столько заботиться о сохранении связи с своей частью, сколько о том, чтобы лишь поскорее целехонько пробраться каждому возможно дальше вперед.

Крик, гиканье, ругань людей и беспокойное ржание лошадей адски-диким концертом оглашали воздух, производя жуткое действие на душу. Нервы были все время страшно напряжены от ежесекундного ожидания, что вот-вот тебя опрокинут и сомнут. Нигде не было видно специально назначенных офицеров, которые бы руководили и распоряжались порядком общего движения; те же офицеры, которые сопровождали отдельные обозы, не будучи объединены единством общего командования, вполне естественно старались только как бы скорее свои обозы вывезти из создавшегося хаоса, нисколько не заботясь об участи других.

День был солнечный. Двигались мы все время в каком-то дефиле орудийного огня: палили и справа, палили и слева. Около полудня орудийная стрельба с востока ожесточилась, будучи направляема японцами по пути следования наших обозов – по Мандаринской дороге. Шагах в 400–500 от нее стали рваться шрапнели и шимозы. Это обстоятельство сразу внесло еще большее расстройство в ряды обозов, сильнее взвинтило нервы отступавших и побудило их еще стремительнее торопиться вперед. Большая часть обозов ринулась с Мандаринской дороги влево. Препятствия для движения стали преодолеваться быстрее и грубее. Множество повозок со всем своим содержимым опрокидывалось, ломались их дышла, оглобли, колеса; калечились люди и лошади. Общей сумятице и погрому много способствовало стремительное и беспорядочное движение артиллерийских парков. Я боялся не шимоз и не шрапнелей, а этой ужасной стихии – паники людских масс со всеми страшными ее последствиями. *Vae, victis!*[63] Путь движения нашего превратился в «долину смерти». Но, вероятно, и в аду кромешном у человека не всегда теряется способность восторга красотой: несмотря на наше гибельное положение, я никак не мог оторваться любовными взорами от восхитительных видов феерически живописных местностей, в которых по пути нашего сокрушительного следования ютились великолепные китайские дворцы и кумирни.

Было уже около 3-х часов дня. Добрались кое-как, слава Богу, до деревни, кажется, *Тава*[64], где решил, по примеру других обозов, немного запривалить. Я за весь день ничего не ел и не пил; также – и лошади, которые сильно приумаялись. Я остался с несколькими лишь повозками своего лазаретного обоза. Моя повозка с вещами, а с ней и мой Александр, от меня совсем отбились и не известна теперь их судьба. Исчезли также мой вновь назначенный смотритель, его помощник и все врачи лазарета. Из своих со мной остались лишь врач Громбах, с которым я ехал вместе в экипаже, да священник Нежинского полка отец Сергий.

Только что я с своей небольшой компанией успел немного хлебнуть чаю да съесть несколько черных сухарей, лошадям же задать ячменю с водичкой, как японцы перенесли обстрел с Мандаринской дороги

[62]Отрадно и почетно умереть за отечество! (лат.)

[63]Горе побежденным! (лат.)

[64]Тава (правильнее Дава) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2010-х гг., когда была расселена и снесена в связи со строительством автомобильного завода.

на нашу деревню, в которой уже стали падать и рваться снаряды. Все обозы поторопились сейчас же сняться, спешно потянувшись далее и держась от Мандаринской дороги еще более к западу.

Пыль всю дорогу стояла невообразимая. Стрельба с левой стороны становилась ближе и ближе. Прибыли к какой-то речке, протекавшей по глубокому оврагу. На ужасно крутом спуске к ней и при переправе через нее вброд вследствие образовавшегося затора в движении скопившейся массы обозов произошло особенно много крушений повозок и калечений людей с лошадьми. Переехавши через речку каким-то чудом благополучно на другую сторону оврага, я с миниатюрными остатками своего лазаретного обоза случайно успел втиснуться в обоз штаба нашего корпуса, где шла и почта с телеграфом, и совершенно было успокоился, благословляя судьбу, что очутился все-таки среди своих.

Солнышко уже стало садиться. Вечер почти догорал последними лучами. Орудийная канонада прекратилась, и движение обозов сделалось более упорядоченным. Но вдруг со стороны железной дороги раздался жидкий ружейный залп, за ним послышался второй и третий. Моментально понеслись отчаянные крики обезумевших солдат: «Японский кавалерийский разъезд!» Началось неподдающееся описанию и никакому изображению по своим ужасным размерам смятение потерявших совершенно голову людских масс! Все обозы круто вдруг повернулись в противоположную сторону от выстрелов и стали мчаться вскачь без дороги, поперек полевых борозд, целиной – через ямы, рвы, канавы, только бы подальше уйти от неприятеля… Стрельба на железной дороге через каких-нибудь 10–15 минут прекратилась, но обозы по инерции во взятом направлении к востоку продолжали нестись. Снова ломались и переворачивались повозки, вываливались из них ящики и прочее имущество, рубились постромки ездовыми и обозными, выпрягались поспешно лошади. Люди, сбивая и давя друг друга, кто – бежал, кто, садясь на освобожденных из-под повозок лошадей, опрометью скакал куда попало. Я до хрипоты кричал всем успокоиться, не бежать и остановиться, но в таком аду мой голос был [гласом] вопиющего в пустыне. Возле меня верхом на коне очутился ротный командир Болховского полка Кутузов[65]; я убедительно просил его взять на себя команду по водворению порядка в движении, но он на мое наивное к нему обращение только и мог ответить, разведя руками: «А попробуйте-ка покомандовать всеми!» При всем сознании нелепости и безрассудности общего бегства, при сложившихся условиях никак нельзя было проявить своей личной воли, чтоб [не] идти против массового течения и я принужден был так глупо мчаться вместе с другими, куда влекла меня общая волна, так как вздумай хоть на минуту остановиться – и я был бы моментально смят грозным людским шквалом. Я был в положении маленькой щепочки, которая пассивно неслась по капризному произволу расходившихся волн бушующего океана. Предоставивши «свой челн на волю волн», я в переживаемые критические минуты страстно цеплялся за скакавшими рядом со мной моими друзьями-сослуживцами – батюшкой отцом Сергием и капитаном Кутузовым, желая только одного: что, если суждено мне так глупо погибать, то приятно было бы, чтобы это совершилось среди своих, близких мне по сердцу людей. Мчась на крупных рысях во всеобщей сумятице, мы старались предопределить и план своих действий, если бы пришлось нам попасть в засаду к японцам. Кутузов растерянно говорил, что ничего-де теперь не поделаешь с перспективою быть перерезанными; я настойчиво убеждал во всяком случае не стрелять, а безоружными сдаться в плен…

Страшно и подумать, чем бы кончилось дело для нас, если бы, благодаря Бога, вскоре не наступила полная темнота и не прекратилась стрельба, вследствие чего мало-помалу утишилось и взбаламученное море бессмыслия людских масс. Все, кто вышел на Мандаринскую дорогу, ведущую на север, поплелись по ней; я же с тремя сохранившимися у меня повозками дивизионного обоза в компании с врачом Громба-

[65]Кутузов Константин Николаевич (? – ?) – капитан, в 1904 г. командовал 5-й ротой 138-го пехотного Болховского полка, в 1909 г. – подполковник.

хом, капитаном Кутузовым и отцом Сергием были выброшены людской волной на какую-то проселочную дорогу, имевшую направление тоже к северу. Мы все были ужасно измучены и решили хотя часика 2–3 переночевать в ближайшей неизвестной нам деревне, освещаемой издали горевшими перед ней кострами, не вполне первое время уверенные, что эти костры наши, а не японские… Выглянула на нас, несчастных, молодая луна, помогшая нам хоть немного ориентироваться, где мы. Как из земли выросла перед нами какая-то артиллерийская батарея, следовавшая так же, как и мы, в беспорядке, и сопровождавшаяся случайно составленной сборной, а вернее – сбродной командой в количестве около 100 человек из солдатиков разных частей, которые бежали и отбились от своих рот. К указанной группе солдатиков примкнули и мы, чувствуя себя с ними как-то попокойнее в смысле безопасности; но чувство это было лишь наш самообман, так как воочию было видно, с кем мы имеем дело – с воинами совершенно деморализованными, павшими духом и способными от малейшего выстрела прийти в панический ужас.

Среди лазаретных повозок, к несчастью, не оказалось двуколки с денежным ящиком. Какая ее судьба – неизвестно.

Дошли до костров и остановились на окраине какой-то китайской деревни (*Пухе*?), где уже расположилась какая-то большая войсковая наша часть. Кое-как разогрели себе чайку, пожевали черного хлеба и повалились на землю отдохнуть. Условились на следующий день чуть свет двигаться вместе. Ночь холодная. Продрог…

26 февраля. Спалось тревожно, так как были основания для опасения, что ночью могут произойти всякие неожиданности. Кругом нас, казалось, рыскали неприятельские кавалерийские разъезды. Нервы же у всех были так расстроены, что при малейшем поводе к подозрению, что «прут японцы», солдатики наши могли открыть беспорядочную стрельбу по своим же. Так они объяты паникой, что обратились в какую-то вооруженную орду. Вчера, говорят, сам Куропаткин водворял в цепь солдат, откуда они малодушно разбегались.

Рис. 15. П.Н. Путилов

Встал я около 3-х часов утра, чтобы побудить нашу смешанную команду к дальнейшему следованию. Но она как-то растаяла; артиллерийская же батарея, с которой мы пришли на бивуак, уже взята на позицию. Оказалось, что мы ночевали возле каких-то резервов, а с нами вместе на одном же бивуаке с частью, составившейся из разного сброда, стоял и генерал Путилов[66]. Было уже 7 часов утра. Всем было известно, что он распьяно-пьян, и что его «боятся будить»… Проехал на север крупной рысью с своим конвоем мимо нашего бивуака Бильдерлинг, весьма удрученный, без обычно выраженной в лице приветливости, сухо со мной поздоровавшийся и совсем растерянно бросивший мне на лету несколько бессмысленных вопросов, на которые, если б я и мог, то уж, во всяком случае, не успел бы ответить, так как мигом его и след простыл. В животном страхе за свою участь, потерявши всякую связь с моим развеянным по ветру лазаретом, я был близок к решению тотчас же сесть на коня и ускакать в составе конвоя командующего, но, слава Богу, что я все-таки не простер до такой степени свою центробежность. Было бы очень неловко и стыдно…

Спешно тронулись вместе с каким-то сборным обозом на *Телин*. Сегодня непре-

[66]Путилов Павел Николаевич (1854–1919) – генерал-майор (1904), в 1904–1905 гг. командовал 1-й бригадой 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с февраля 1905 г. – 2-й бригадой 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. В 1911 г. вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Участник Белого движения в Сибири. Расстрелян партизанами в 1919 г.

менно надо быть там, так как японцы сильно наседают. В руках ни у кого из нас нет ни карт, ни планов. Приходится двигаться днем – по солнышку, а ночью – по Полярной звезде. На перепутьях между разными дорогами вынуждены то и дело быть в положении былинного героя перед вопросом: «Пойдешь направо – коня потеряешь, пойдешь налево – самого тебя убьют…»

Стараясь выехать на Мандаринскую дорогу, мы беспрестанно сбивались с пути по проселкам. Радовались, когда дорога шла к северу, и печалились, когда она принимала направление в сторону.

Беспрестанно происходили заминки в движении обозов и заторы, которые у въездов в деревни и оврагов были особенно губительны и для людей, и для лошадей, и для повозок. Все как-то озверели, и каждому хотелось на узких дорогах, чтобы не стоять, проскочить поскорее другого вперед. Происходили страшные свалки. Полное отсутствие общего надзора за отступавшими массами обозов меня поражало. Куда девались офицеры Генерального штаба, которым, может быть, здесь-то теперь и необходимо было бы быть? На каждом шагу видны наши, российские, дезорганизованность и халатность. Кто повинен в неблагополучном отступлении всех наших обозов, которые следовало бы двигать и убирать раньше, а не тогда, когда японцы начали полный обход *Мукдена*?!

Выбрались, наконец, мы на «Мандаринку». С самого начала по ней мы стали двигаться в обозе понтонном 25-й дивизии.

Около 9 час. утра пришли в деревню *Илу*[67]. Весьма красивая местность с живописно расположенными кумирнями.

Идем голодные, напившись лишь одного чая, и то из вонючей воды. Осведомившись, что я очень хочу есть, мой конюх предложил мне вынутый из-за пазухи кусочек ветчины (очевидно, откуда-то уворованный); как он ни был отвратителен на вид, но я съел его с удовольствием. Сделали несколько перевалов через горы, неожиданно представшие опять моему взору и навеки, кажется, оставившие в моей душе какой-то трепетный ужас перед ними со времени наших доляоянских скитаний.

Только лишь утром перед деревней *Илу* раздался один пушечный выстрел; но затем на весь день воцарилась таинственная тишина.

Прибыли около 6 часов вечера в *Телин*. Пыль страшная. Столпление и перемешанность частей войск невообразимые. Взаимная связь между частями совершенно нарушена. Настоящий первозданный хаос!! Солдаты все понурые, измученные, еле волочат ноги. Странное поведение японцев, что они энергично нас не преследуют; ведь, казалось бы, теперь достаточно им было бы пустить в дело хотя два батальона или того меньше, чтобы добить окончательно всю собравшуюся здесь нашу армию – разрозненную, надорванную и совершенно павшую духом. Я оказался «маршалом без армии», так как растерял свое учреждение по клочкам, которые мне необходимо теперь собрать. Озабочивает меня, между прочим, и судьба моего Александра, который следовал при моих вещах в отдельной повозке и скоро же от меня отстал.

Изможденные и насквозь пропитанные пылью, я с отцом Сергием отправились в ближайший Красный Крест, чтобы маломальски подкрепиться пищей и умыться. Выпили рюмку водки, закусили куском ростбифа и напились чаю. Сразу поприободрились. Здесь же мы узнали, что японцы еще числа 19–20 февраля прислали мукденскому тифонтаю наказ, чтобы он к 24-му числу приготовил для их штабов девятнадцать самых лучших фанз, обещая будто бы быть в *Мукдене* 25 февраля и есть русские блины! Интересно, что будет теперь дальше. Говорят, что японцы, пожалуй, больше не будут продолжать военных операций, а предложат дальнейшее решение вопроса Гаагской конференции, предусматривающей в одном из пунктов своего постановления неизбежность заключения мира при том положении, в какое поставлены теперь обе воюющие стороны.

Что теперь творится в России? Увидим ли мы ее обновленной? Все как-то чается, что обновление ее должно произойти неминуемо, несмотря на все препоны реакции. События-то сложились уж очень убе-

[67]Илу – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

дительными в том, что «так жить дальше нельзя»!

27 февраля. Ночь провел среди скопившихся обозов в своем экипаже. Хотя был укутан в два тулупа, но к утру, тем не менее, сильно продрог. Да и спал-то я, несмотря на страшное утомление, весьма плохо; то и дело просыпался, или видя всякий раз над своей головой фыркающие лошадиные морды, или же слыша пронзительные крики ослов, которые как нарочно сгруппировались возле моей повозки. Вскочил я чуть свет. Мне необходимо было торопиться восстановлением связи с рассыпавшимися частями моего дивизионного лазарета. О собирании в целое энергично хлопотали и прочие начальники войсковых учреждений и частей, все время бегавшие и разыскивавшие своих. Обозы длинной вереницей продолжали подходить к *Телину*. Все это бренные останки претерпленной нами аварии…

Побрел на вокзал, чтобы встретить там кого нужно, и если удастся, то и послать телеграмму домой о том, что Бог меня помиловал, избавивши от плена и смерти. Вся огромная площадь *Телина* представляла собой какой-то грандиозный цыганский табор. Люди, лошади, ослы, порционный скот, повозки, сложенные вещи и проч. – все это было расположено безо всякого порядка, и так компактно, что с трудом через всю означенную массу можно было пробраться. В воздухе стоял дикий гул встревоженного человеческого колоссального улья. Каждый рыскал, отыскивая свою часть. Многие офицеры и солдаты в течение уже нескольких недель не имели никаких сведений о том, где находятся их штабы и канцелярии. Протискиваясь через несметное множество всяких обозов и густую толпу людей, я, чтобы не заплутаться, все время оглядывался на то место, где расположил свой экипаж, стараясь запомнить некоторые ориентировочные точки.

На вокзале увиделся с бывшим командиром Нежинского полка, исполняющим теперь обязанности начальника гарнизона по обороне *Телина,* – полковником Истоминым[68]. Он с первого слова спросил меня удивленно: «Так, значит, Вы не в плену, как я слышал?» Узнал от него, что перехвачена телеграмма японского шпиона, сообщающая, что армия центра у русских отступала в полном беспорядке, войска деморализованы – бросают ружья, не хотят воевать, голодны и плохо одеты. Телеграмма, как видно, гласила сущую правду. Еще узнал, что пойман японский шпион, одетый в форму русского полковника, который у Истомина провел всю ночь и много с ним беседовал на текущие злобы дня! Истомин, значит, лишь потом спохватился, кто был его собеседником!

Вокзал кишмя кишел военной публикой. К буфету, чтобы протиснуться, надо было идти на приступ. Кое-как удалось получить микроскопическую порцию кетовой икры за 1 р. 50 коп. и захватить только что освободившийся грязный-прегрязный стакан, который, чуть-чуть лишь сполоснувши, я, мучимый жаждою, вперебой подставил под руку разливавшему чай не то греку, не то армянину. Всех столпившихся у буфета офицеров полковник Истомин самым бесцеремонным образом гнал на позиции.

Пришла радостная для меня весть, что прибыли остатки моего лазарета, расположившиеся за три версты к северу от *Телина*. Двуколка с денежным ящиком еще не приходила; но Александр мой с моими вещами прибыл – весь изорванный, почти полуголый, без фуражки, без сапогов, с кровоподтеками на лице и на туловище. Он оказался, как передают очевидцы, настоящим героем: в момент общей паники под шрапнельным и шимозным огнем, когда двуколка с моими вещами была опрокинута, лошадь же покалечена, тогда конюх, обезумев от страха, бежал, но Александр не потерялся – крича, что-де скорее он умрет, но не отдаст вещей своего начальника японцу, мой Лепорелло ухитрился в общей свалке повозку поднять, вещи все в нее уложить, впрячь в нее какую-то пойманную лошадь, сам сел

[68]Истомин Николай Михайлович (1855–?) – полковник (1894), командир 137-го пехотного Нежинского полка в 1901–1904 гг. Впоследствии – генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны. В 1925 г. преподавал в Военно-морском гидрографическом училище в Ленинграде.

за кучера и вот каким-то чудом не только остался жив сам, но и сохранил в целости все мои вещи.

Командир Болховского полка передал лично моему товарищу, что все врачи его полка попали в плен – некоторые же из них, по показанию охотников, приколоты японцами. Последнее, если верно, ужасно! Но буду ждать дальнейших сведений.

Заглянул в Красный Крест, где встретился с корпусным врачом, претерпевшим не менее нашего.

После полудня отправился на соединение с прибывшими остатками лазарета за *Телин*. Проездом через него мне еще раз – и, наверное, последний – пришлось полюбоваться оживленной картиной жизни и красивой обстановкой этого большого китайского города. Случившиеся с нами события, по-видимому, нисколько не изменили его обычного вида: та же повседневная колготня, та же бойкая торговля в магазинах, те же улыбающиеся лица китайцев, как и несколько месяцев назад; харчевни так же работали вовсю – пеклись пирожки, блины, варились лапша, пельмени и проч. Пыль стояла невероятная; от нее у нас лица обратились в какие-то серо-землистые маски, а новые платки – в грязные портянки. Нашел своих лазаретных сослуживцев, расположившихся на северной окраине города в одной жалкой фанзе; но и она нам показалась благодатью, так как здесь можно было всем нам пообогреться. Скоро прибыли врачи и сестры милосердия какого-то госпиталя из другой дивизии, просившие у нас приюта. Устроили чаепитие, и для закуски вынули все скудные припасы, какие у каждого лишь остались. Уж вечерело. Мы все лелеяли надежду ночку провести покойно и достаточно выспаться. Начали было вповалку раскладываться: кто на канах, кто прямо на полу, подостлавши для мягкости гаоляну. Но часов в 9 вечера к нам неожиданно прибыл начальник дивизии. Он, бедный, как пьяный, еле держался на ногах вследствие ряда бессонных ночей и прочих невзгод. Еле-еле плетущимся языком, прежде всего, спросил нас, не знаем ли мы, где теперь находятся его адъютанты и начальник штаба, с которыми он совершенно потерял связь, а затем, обратясь ко мне, просил немедленно же сниматься и следовать спешно на *Кайюян*[69], за 30 верст по Мандаринской дороге к северу. Немного закусивши с нами, принципал мой в полном снаряжении, совсем не раздеваясь, моментально свалился, как сноп, и, захрапевши, крепко заснул. Часа через 1 ½ он вскочил, как встрепанный, и уже стал настаивать, чтобы я с лазаретом ночью же торопился выехать из этого района укреплений. Все мы не меньше принципала были утомлены, но, скрепя сердце, нужно было выступать. Все обозы уже двигались. Замечалась опять страшная суматоха, и нервы снова у всех напряглись. Возвратилась всеобщая тревога, что японцы могут нас отрезать. Чувствовалось всеми, что неприятель, если и не идет за нами по пятам, то уж энергично пробирается с боков, грозя нам отходом.

В час ночи выступили. Было очень темно и холодно. Небо заволоклось тучами, и путеводная Полярная звезда нам не светила… Старались отступать поспешным аллюром, но и кони, и, особенно, люди, сильно изможенные, едва-едва тащились.

Масса случаев с заболеваниями хрипотой и полной потерей голоса, а также воспалением слизистой оболочки глаз с сильным слезотечением.

28 февраля. Первый день Великого поста и день моих именин. Все идем и идем к северу, составляя звено бесконечной цепи обозов. Уже около 8 часов утра. Сильный, пронизывающий до костей, северный ветер. Я озяб даже под двумя тулупами. Весь день продовольствовались на небольших привалах лишь всухомятку. Ехали и мечтали, как бы мы были счастливы, если бы удалось нам заночевать хоть в какой-нибудь завалящей землянке, только бы не на открытом воздухе, в холоде.

Прибыли к месту назначения, когда солнышко уже садилось. Кажется, что и людям, и лошадям удастся сегодня и подкормиться, и поотдохнуть. Выхлопотал для себя и «своего штаба» отвести на ночку одну землянку, в которой довольно тесно помещалось 8 солдатиков интендантской ко-

[69]Кайюян (правильнее Кайюань) – станция Южно-Маньчжурской железной дороги (Китай), ныне город и станция Цзинхайской (Пекин-Харбинской) железной дороги (КНР).

манды. Здесь я и спраздновал свои именины, угостивши сослуживцев хранившимися у Лепорелло на сей случай бутылкой мадеры и бутылкой красного вина. Позакусили консервами, напились чаю и поторопились лечь спать, чтобы завтра часов в 7–8 утра тронуться в дальнейший путь все в том же направлении к северу. Ни канцелярии моей, ни двуколки с денежным ящиком до сих пор еще не прибывало. Не оказывается у меня в лазарете пока и двух походных кухонь, которыми он был снабжен. Недосчитывается и значительная часть консервов. Подсчета всем потерям подвести пока нельзя вследствие беспрерывности нашего движения. Известно лишь, что несколько купленных голов скота было порастеряно, но зато наши солдатики уже успели забрать от китайцев вдвое большее их количество…

Передают много нехорошего о том, как наши не только солдаты, но и офицеры, и даже в больших чинах, при отступлении из-под *Мукдена* малодушно, обезумев от страха, бросались в перегруженные ранеными санитарные поезда на их ходу, друг друга тесня и сталкивая, за неимением места в вагонах карабкаясь на их крыши, на тормоза, на самый паровик.

Вижу, что наши солдатики до сего времени находятся еще под влиянием охватившего их страха перед японцами, которых многие из них стали уже называть так, как в деревнях у нас крестьяне иногда выражаются о черте, о домовом, о лешем – коротко и таинственно: «ён»!

Узнали о прискорбном факте, что инспектора госпиталей Тимофеева[70] прикололи свои же солдаты, припавшие при отступлении из-под *Мукдена* к брошенным запасам разлитого спирта для питья, когда он вздумал было водворить среди них порядок. Я начинаю страшно бояться толпы – этого самого ужасного зверя на свете…

1 марта. Наступили «мартовские иды». Спали в отведенной нам любезно дыре, как убитые. Проснулся в 6 часов утра и разбудил своих сослуживцев, чтобы, напившись чаю, двигаться дальше к северу за 27–30 верст, на станцию *Чантофу*[71]. Движение совершаю по собственной инициативе, без предварительного сношения со штабом дивизии, связь с которым никак еще не могу установить. По слухам, японцы уже под *Телином*. Александр мой резко изменился в своем нраве – возымел смелость грубо мне отвечать и возражать, но я ему все прощаю за его доказанную неподкупную мне преданность; нервность же в его характере объясняю влиянием пережитой им нервной встряски.

Выступили около 8 часов утра. Погода солнечная, превосходная, но морозная. Приятно сознавать, что движемся к северу, и все время возле линии железной дороги, все более и более вылезая из слепого мешка, в который нас заключили японцы.

Начали доноситься отдаленные раскаты орудийной канонады, которой совсем не слышалось последние два дня. Солдатик, обращаясь к своим товарищам, многозначительно произнес: «Опять выстрелы – приблизился ён». Следовали сначала в обозе 3-й армии, а потом с большим трудом продвинулись в общую колонну. На пути нас перегоняли мчавшиеся на север поезда. Так приятно было видеть белый дымок паровозов и слышать их пыхтение и свистки! Не так уж высоко над головой пролетела большая стая гусей, своим криком глубоко хватившая меня за душу. «Переводятся в Расею!» – указывая на них, говорили солдатики.

От всей испытанной передряги начал опять чувствовать свое сердце. Ах! Как хочется мне еще жить и жить! Только теперь у меня, кажется, на все открываются глаза, и я все начинаю осмысливать! Культурное значение войны несомненно…

Около 9 часов вечера, не доходя станции *Чантофу*, в 2 верстах от нее, остановились в паршивенькой китайской деревушке на ночлег. Попали в грязную, вонючую фанзу. Напившись чаю и закусивши, чем Бог послал, залегли на каны. Как ни утомлены были солдатики, а нужно было распорядиться о приставлении возле нас некото-

[70]Тимофеев Владимир Михайлович (? – 1905) – генерал-майор, инспектор госпиталей 3-й Маньчжурской армии. Умер от ран 21 июня 1905 г.

[71]Чантофу – станция Южно-Маньчжурской железной дороги, ныне поселок Чанту в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

рого караула на случай нападения если не японцев, то хунхузов.

Офицеры как бы с чувством обиды говорят по адресу врачей, что-де им уж слишком много в сравнении с ними дается наград. Да и вполне справедливо, если это только так! Ведь врачи свое дело сделали и делают как следует, несмотря на все ненормальные условия, создаваемые им офицерами же, только лишь высшей марки. Офицеры же пускай-ка свое дело еще сделают! А пока, чем неудачнее были наши боевые дела, тем более работы выпадало на долю врачей! Да как же после этого их больше не вознаграждать?

Полная неизвестность относительно совершающегося кругом нас в 1-й и во 2-й армиях.

С пеной у рта ведутся у меня в лазарете между коллегами бесконечные споры относительно исхода кампании: большинство, к которому примыкаю и я, смотрит на военные дела наши весьма пессимистически, и лишь двое оказываются оптимистами, верящими еще в торжество русского оружия.

2 марта. До 2-х часов ночи спал крепко, но потом – весьма тревожно. В отвратительных канах, на которых мы, тесно прижавшись друг к другу, лежали, оказалась масса всякой ползающей твари; копошилось еще и пищало под нами великое множество крыс и мышей. Из сотоварищей то тот, то другой ночью кто кашлял, кто охал, кто громко разговаривал во сне, а кто в кошмаре прямо-таки вскакивал, бессмысленно хватаясь за соседа. Нервная система у всех, очевидно, событиями последних двух недель была страшно взбудоражена. Я себя чувствовал и физически, и душевно совершенно разбитым, испытывая сильнейшее сердцебиение. В голову лезли неотвязно самые мрачные думы; сильно угнетала меня забота, как-то мне теперь придется реставрировать разбитый лазарет, лишившийся большей части своего инвентаря. Наконец, в полусне-полуяви представилась мне моя покойная мать, такая озабоченная и печальная, как будто меня благословлявшая…

Мои разведчики донесли мне, что у станции *Чантофу* находится обоз штаба дивизии, где пребывает начальник его полковник Пукалов в ожидании своего отпуска в Россию. Немедленно же отправил через него полевую записку начальнику дивизии с извещением, что я с лазаретом остановился в 2–3 верстах к югу от станции и, пользуясь предполагаемой дневкой, занят разборкой и приведением в известность наличия оставшихся у меня после погрома людей, лошадей и прочего инвентаря, обещая о результатах подробно донести рапортом особо, с представлением положенных актов, и прося дать мне инструкцию касательно дальнейшего следования и способов скорейшего пополнения утраченного имущества, а также – снабдить меня, чтоб не идти ощупью, соответствующим маршрутам планом, картой. Пропала у меня вся канцелярия; остался лишь небольшой флакончик чернил, немного перьев и бумаги. Самого же полковника я просил сообщить мне, где теперь начальник дивизии и наши полки. К великому нашему благополучию нашлась другая, уже чистенькая фанза, куда мы и поторопились переселиться. После четырехдневного лишения мы только сегодня имели возможность поесть горячей пищи – супа с уцелевшими макаронами, хотя и насквозь пропитанного дымом. Наелись досыта, и на душе у всех повеселело. Солнечный, прохладный день, перерыв в безостановочном движении и окружающая тишина тому немало содействовали. Но мы были очень утомлены и разбиты, чтоб не прилечь после обеда на каны. Оказалось, что я заснул так крепко, как никогда в жизни, и меня чуть не ворочали, и я ничего не чувствовал, похрапывая во все завертки. Проснувшись, вымыл себе горячей водой с мылом голову, вытерся смоченным в спирте концом полотенца от налипшей на мне толстым слоем грязи и переменил белье.

Хорошо, что вчера мы не прошли до станции, где творится теперь целое столпотворение, а расположились несколько поодаль от нее – особняком. Продолжающиеся по ночам сильные морозы делают весьма затруднительным расположение войск в открытом поле.

Пристал к нам один китаец-переводчик, убедительно просящий нас взять его с собою, боясь попасться японцам, которые всем китайцам, услуживав-

Рис. 16. В.П. Кравков в тарантасе. Сентябрь 1905 г.

шим русским, рубят головы («контрами»). Надо об этом посоветоваться с принципалом. Провели несколько пленных японцев, вместе с ними и попавшихся нам наших перебежчиков, которых японцы ставили у себя в строй.

Гекатомбы, принесенные в жертву молоху войны за последние бои, подсчитываются с нашей стороны до 100 тысяч человек убитыми и ранеными.

Наступила ночь – вожделенная лунная ночь, когда всякие переходы представляются не так страшными, как при полной тьме.

Сообразивши сегодня как следует, вижу, что я с своим лазаретом из-под *Мукдена* до *Телина* в течение каких-нибудь 1½ суток совершил настоящий «суворовский переход», промахавши более 80 верст.[…]

3 марта. Спали все крепчайшим сном. День солнечный, тихий, морозный. Повидимому, простоим здесь еще до завтра. Слава Богу! Разбираемся в своих утерях, а последние – очень порядочные. Не знаю, что предпринять, за что зацепиться. Скоро и авансовые деньги на руках выйдут.

Вышел в поле. […] По дорогам тянутся вереницами обозы отступающих армий. Громко слышится кругом крепкая русская брань да циничные издевательства еще более одичавшего здесь, на войне, нашего солдата над проходящими мимо китайцами, которым посылаются с гоготанием и смехом в виде приветствия скверные слова «ломайло», «контрами» и т. п. Я сел поодаль на пне, погруженный в печальное раздумье и безотрадные размышления. Подошла ко мне, как к «большой капитана» группа несчастных китайцев с жалобой на творимые над ними нашими солдатами обиды. Распорядился, чтобы смотритель мой с помощью переводчика разобрался, в чем дело, и китайцев удовлетворил. На сердце же у меня было так грустно, так тяжело.

Приехал старший врач Нежинского полка Безпалец[72] и, рыдая, передал, что старший врач Болховского полка Пистерман[73], по показанию охотников, заколот

[72]Безпалец Сергей Дмитриевич (? – ?) – старший врач 137-го пехотного Нежинского полка в годы Русско-японской войны.

[73]Пистерман Петр Алексеевич (1866–1940) – надворный советник, в 1904–1905 гг. – старший врач 138-го пехотного Болховского полка. В советское время жил и работал в Москве.

японцами, остальные же врачи этого полка попали в плен. Нежинский, Болховский и Моршанский полки, все истрепанные и численно весьма поредевшие, стоят сейчас в *Сантайдзы*[74], недалеко от *Кайюяна*. Настроение духа у всех весьма угнетенное. Масса офицеров подает рапорты о болезнях. Начальник дивизии обезумел. Его начальник штаба – в предмукденский период неистовый, а теперь смирненький-пресмирненький, болтается не у дел и, находясь в обозе, с нетерпением ожидает своего отъезда в Россию. Исправляющий его должность капитан Генерального штаба Незнамов намерен зарапортоваться тоже больным. Вести приходят все неутешительные. Вера в военачальников наших, потерявших головы, окончательно пала. Боязно стало полагаться на распоряжения их, ставящие и нас, врачей, в наипакостные положения, когда приходится нам уходить последними безо всякой охраны. Солдаты наши утомлены, изнервничались и одержимы японофобией: от одного мнимо японского выстрела уже приходят в трепет… Передают, что в *Мукдене* осталось 1200 раненых с несколькими сестрами милосердия и уполномоченным Красного Креста Гучковым[75], которые все будто бы китайцами перерезаны. Над нами нависла еще какая-то новая катастрофа. На душе прескверно, как у приговоренного к смерти, но… но… еще живущего надеждой на помилование. Стали часто меня беспокоить сердцебиения и болезненные замирания сердца… Неужели и теперь находятся негодяи, осмеливающиеся докладывать государю, что войска наши бодры и рвутся в бой с врагом?! Войска – как мне близко приходится видеть – совершенно деморализованы! В этом надо иметь мужество признаться! Пишу на корточках за невозможностью располагать большими удобствами – под огарок свечи и шумные разговоры моих сожителей, которые постоянно о чем-нибудь да спорят.

4 марта. Ночь проспал весьма тревожно, в чем немалую роль, кроме причин морального свойства, сыграл и горячо раскаленный кан, на котором я лежал. Рано высоты окрасились пурпурово-фиолетовым цветом зари. Солнышко живописно выплыло из-за гор; день установился светлый и теплый. По дороге стоят сплошные столбы пыли. То движутся все обозы отступающих войск. Доносится оттуда крик, гиканье, ржанье – вся эта дикая смесь звуков, памятная с 25 февраля и приводящая меня положительно в трепет при одном лишь предположении, что, может быть, и еще придется пережить тяжелые минуты первого дня нашего мукденского отступления. Окружающая нас обстановка все еще удручающа; не надеемся мы из нее выйти целыми и невредимыми. Чувствуем мы себя как бы сидящими на разъединенных обломках разбитого корабля, беспомощно носящихся по капризным волнам бушующего еще океана… Каждый из нас как будто предоставлен сам себе. Не видно все объединяющей и направляющей руки. Никто из штабов не интересуется пока узнать, где кто находится, чтобы войти во взаимную связь. Мои сожители обнаруживают повышенную нервную раздражительность, а многие из них стараются уйти от кошмарной действительности в сон.

Все армии отступают; наша же должна отходить последней, прикрывая отступление 1-й и 2-й армий, составляя арьергард всех сил. *Телин* уже занят японцами, и они от нас совсем недалеко.

Передают, что Куропаткин уезжает для объяснений в *Петербург*, и временно исправлять его должность будет Линевич, который только что проследовал мимо нас. 5-й и 10-й стрелковые полки будто бы целиком, со знаменами, передались японцам. Кроме болховских врачей попали в плен и врачи Тамбовского полка[76]. Между врачами есть раненые.

[74]Сантайдзы (правильнее Сантайцзы) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

[75]Гучков Александр Иванович (1862–1936) – помощник главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурских армиях, уполномоченный города Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в 1904–1905 гг. Впоследствии – председатель III Государственной думы в 1910–1911 гг., военный и морской министр Временного правительства в марте–мае 1917 г.

[76]10-й пехотный Тамбовский полк.

Предполагал было проехать к начальнику дивизии в *Саймадзы*, верст за 30 к югу отсюда, переговорить о нашем горемычном положении, но раздумал. Из-за массы движущихся обозов к нему теперь и не доберешься, а от своего лазарета рискуешь совсем отбиться, так как с часу на час он может быть вынужден к отступлению. Да, кроме того, я уверен, что ни до чего мы с ним в настоящий момент и не договорились бы; сам вижу, что надо пока идти и идти на север…

5 марта. Стоим своей кочевкой все под станцией *Чантофу*. Тишина кругом поразительная. Говорят, ночью невдалеке слышалась ружейная стрельба. Движение обозов сегодня поприуменьшилось.

Позиции нашей дивизии расположились верстах в 20 к югу от *Сантайдзы* и на одном уровне по соседним деревням. Неподалеку от *Сантайдзы* расположились штабы дивизии и корпуса.

Получен маршрут поступательного ежедневного отхождения войск 3-й армии к *Гунчжулину*[77].

Продолжаю заниматься разборкой оставшегося после погрома имущества лазарета и приведением в некоторый порядок расстроенной его материальной части. Подтягиваются мало-помалу считавшиеся было утерянными повозки с разными вещами; между последними пришла наша самодельная кухонька, столовая посуда, по пути захвачены были даже три курицы, якобы никому не принадлежащие, но канцелярии и двуколки с денежным ящиком все еще нет как нет. Сделал попытку привести в известность оставшееся в полках и артиллерии наличие врачей, фельдшеров, перевозочных и перевязочных средств и проч.

«Штыков» в Нежинском полку осталось около 2000, в Болховском – около 800, в Моршанском – 1100, и в Зарайском – около 2500. О судьбе врачей Болховского полка точных сведений еще не имеется.

Я лично из погрома вышел более благополучно, чем дивизионный врач 3-й дивизии, оставшийся почти безо всего – в одном лишь белье и даже без сапог! Взята японцами из наших армий масса орудий; пленена целая артиллерийская бригада (Любовицкого?) Сожжены многомиллионные склады с интендантским имуществом. Пропало на несколько миллионов рублей сумм из денежных ящиков разных частей и учреждений.

Не прекращаются тревожные слухи, что японцы энергично идут с флангов и готовят нам обход далеко в тылу – под *Гунчжулином*, а то и под самым *Харбином*[78]. Унесли бы нас благополучно через это расстояние угодники Божии! Мои пессимисты уверены, что мы из этой проклятой Маньчжурии не выйдем живыми. Душевное настроение у нас подавленное, хотя как будто и не в такой острой степени, как несколько дней назад. Ах! Как тяжело становится видеть всю эту чуждую обстановку, и как бы хотелось теперь послушать у себя на родине великопостное «помощник и покровитель бысть мне во спасение»! Но ведь пройдет же когда-нибудь и это безвременье; надо терпеть до конца. Моя публика побуждает меня начать движение сегодня же, а то послышались выстрелы с севера; но я отложил – до завтра, хотя по сведениям штабы дивизии и корпуса уже двигаются; передовые же позиции наши верст за 18–20 к югу, которые должны быть очищены лишь по проследовании всего обоза, защищаются малонадежными силами, весьма ослабленными физически и морально, да еще значительно поредевшими численно. Того и гляди, что эти силы не удержатся и отступят раньше, чем мы успеем убраться.

Пока имеем возможность есть черный хлеб, весьма отрубистый; и то – хорошо. Команда же получает в день вместо хлеба по фунту сухарей.

[77]Гунчжулин – город в Маньчжурии (Китай), ныне городской уезд городского округа Сыпин провинции Гирин (КНР).

[78]Харбин – город в северо-восточном Китае, основанный в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги. С 1901 г. являлся штаб-квартирой Заамурского пограничного округа Отдельного корпуса пограничной стражи российского Министерства финансов, созданного на базе Охранной стражи КВЖД. Имел русскую и китайскую администрации. Ныне – город субпровинциального значения, административный центр провинции Хэйлунцзян (КНР).

Послал коротенькое письмо домой с бюллетенем о своем здоровье; но дойдет ли оно при такой каше – вопрос. На всякий случай буду посылать почаще, авось из десяти хоть одно, да дойдет. […]

Залегли спать. Но я плохо спал от сознания опасности нашего положения, тем более что всю ночь слышался крик людей и лязг повозок.

Ночь лунная. Я вышел на воздух. Было уже 12 часов. Прошла 72-я парковая бригада, тянется 37-я пехотная дивизия; забивуакировал Царицынский полк[79]. Нашей дивизии еще не видно.

Статья поступила 01.08.2015 г.

[79]146-й пехотный Царицынский полк.

Библиографический список

1. РГБ, НИОР, Ф. 140 Кравков Василий Павлович.
2. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014.
3. Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014.

Сведения об авторе

Российский Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, советник Первого Европейского департамента МИД России, 119200, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34, МИД России, тел.: +7(499)244-41-62, e-mail: rossiyski@list.ru

Rossiyskiy Mikhail Anatol'evich, PhD, counselor of the First European Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya sq., 32/34, tel.: +7(499)244-41-62, e-mail: rossiyski@list.ru

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3

УГОЛОВНАЯ СТИХИЯ НА ЕНИСЕЕ

© А.П. Шекшеев

Данная публикация рассказывает о начавшемся с революционных событий 1917 г. усилении уголовной преступности в г. Красноярске и уездах Енисейской губернии. В ней освещаются источники, формы проявления и выявляются особенности этого явления, столь распространенного в смутное время на данной территории. Освещая участие в преступлениях различных категорий населения, автор показывает все большее использование их большевиками и постепенное сращивание уголовщины с политической борьбой.

Ключевые слова: амнистия, большевики, власть, горожане, грабежи, красногвардейцы, кражи, милиция, насилие, общество, революция, самосуды, солдаты, тюрьма, убийства, уголовная преступность.

THE CRIMINAL ELEMENT ON THE YENISEI

© A.P. Shekshеev

This publication talks about beginning with the revolutionary events of 1917, the increased crime in the city of Krasnoyarsk and counties of the Yenisei province. It highlights the sources, manifestations, and identifies the characteristics of this phenomenon, so common in the time of troubles. Lighting involved in crimes of various categories of the population, the author shows the increasing use of the Bolsheviks and their gradual merging of criminality with political struggle.

Key words: Amnesty, the Bolsheviks, the government, citizens, looting, red guards, theft, police, violence, society, revolution, lynching, soldiers, prison, murder, criminality.

Существовавшая в советском прошлом идеологическая обусловленность событий, начавшихся в России с февраля 1917 г., и возникшее совсем недавно объяснение их заговорщицкими действиями внешних сил, требуют от историков детального выявления характера происходившего, в частности, на материалах сибирского региона. Человеческая жизнь всегда осложнялась уголовной преступностью*. Будучи распространенной и на Енисее, она быстро возрастала во времена потрясений и войн, которые своими тяготами и потерями обездоливали существование и ужесточали нравы людей, делая их более агрессивными, а также отвлекали внимание государственных служб от правоохранительной борьбы, зачастую оставляя уголовный мир без наказания.

Довольно частыми являлись преступления, совершаемые на территории Енисейской губернии, например, во время так называемой германской войны. Так, только на дорогах южных волостей, начиная с июня 1916 г., произошли с целью ограбления убийства золотопромышленника Дистлера, служащих Балахтинского волостного правления, ямщика, техника-десятника Усинской колесной дороги и лавочника. Несколько крестьян Абаканской, Курагинской и Шушенской волостей похитили вино из казенной лавки и имущество сидельцев и оказались в исправительно-арестантских ротах. Уже в январе 1917 г. был украден товар у таштыпского лавочника и совершено нападение на следовавшую из г. Ачинска в с. Большой Улуй почту с ограблением и убийством почтальона и ямщика, а в с. Сейском вернувшийся с фронта на побывку солдат, убедившись в неверности

* В данной статье автор оставил за рамками исследования такие категории преступности как самогоноварение и антиобщественные и уголовные деяния красных партизан, которые заслуживают отдельного изучения.

жены, изуродовал её лицо [29, 23 июня, 27 июля, 5 августа, 21 сентября; 30, 1, 21, 28 января].

Состоявшиеся следом революционные события 1917 г. вынуждали пришедшие к власти политические силы обратиться к образованию собственной правоохранительной системы. 14 марта состоялось заседание исполкома Красноярского Совета, на котором говорилось о необходимости вооружения рабочих и создании из них милиции. С упразднением полиции началась организация милиции в уездах. Решение о создании условий для её формирования было вынесено 17 марта Красноярской городской думой [2, с. 13–14, 43, 47, 52; 16, с. 52–53]. Но для простых обывателей Красноярска революционные события оказались связанными, прежде всего, с совершенным в ночь на 3 апреля 1917 г. ограблением кассы кафедрального собора [5, 7 апреля].

Произошел этот грабеж одновременно с появлением на свободе бывших уголовных преступников, амнистированных Временным правительством. К 13 апреля из Красноярской тюрьмы были освобождены 1,6 тыс. лиц, среди которых были даже смертники. Некоторые из них сразу же подлежали отправке на фронт. В города губернии стали прибывать партии бывших каторжников и ссыльных, ранее находившихся на Ангаре, в Туруханском крае и на строительстве Усинской дороги, а Красноярск посетили еще и 200 бывших заключенных, следуемых в Иркутск.

Используя частные пожертвования и обеспечив одеждой и пропитанием, общественность и власти эвакуировали из Красноярска в «Россию» 754 политических и 89 уголовных ссыльных. Однако вследствие того, что выезд разрешался в прошлом каторжанам лишь после отбытия ими трехлетней ссылки, а средств для их размещения местные власти не имели, многие лица, получившие амнистию, были вынуждены трудоустраиваться самостоятельно или отправляться на службу в сибирские запасные полки. Так, в Минусинском уезде на 26 апреля были размещены 596 амнистированных, а в Красноярске к воинскому начальнику с заявлением отправить на фронт обратились до 100 человек [5, 11, 12, 13 апреля; 20, л. 49, 57; 22, л. 15, 22, 31–32; 23, 18 апреля; 24, 15 апреля]. При этом на состоявшемся собеседовании 150 амнистированных лиц заявили о своем «страстном желании вступить на путь честного труда» и обязались организовать круговую поруку [14, с. 107]. Согласно регистрации, проведенной правоохранительными органами на территории Енисейской губернии, соответственно с амнистией Временного правительства были освобождены и затем в основном вернулись к прежнему ремеслу 4 тыс. рецидивистов [10, л. 15].

В то же время прежние сыскные отделения в губернии были расформированы. Вместо упокоившегося заведующего Х.И. Штейнерта и «старых», опытных агентов на службу в красноярский уголовный розыск пришли неподготовленные лица. При отсутствии хорошо организованного сыска и наличии большого количества амнистированных преступников Красноярск вскоре стал местом краж и грабежей даже в дневное время. В основном они осуществлялись солдатами местного гарнизона, которые пополнились вышедшими на свободу уголовниками. Например, они, будучи патрульными, не только приставали к женщинам с определенными разговорами, но и, обыскивая в поисках самогона квартиру торговца Шихова, опустошили кассу его лавки. При поимке двое из них оказались стрелком и унтер-офицером 14 и 30-го полков [25, 20 апреля, 9 мая].

Ослабление лесной стражи привело к массовым поджогам енисейского леса. 14 апреля начался пожар в Синявинских лесных дачах Минусинского лесничества, перекинувшийся и угрожавший постройкам Николаевского прииска. Пожар стих только с начавшимся дождем, оставив выгоревшую площадь в тысячу десятин. Но затем случилось возгорание леса уже в районе Михайловского рудника. Более того, «темные личности» устраивали поджоги буквально ежедневно и в самом Минусинске. 15 и 17 апреля имел место пожар даже в тюрьме: горели дома её администрации, фельдшера и надзирателей [24, 22, 26 апреля, 9 мая; 25, 13 мая].

Вслед за этими событиями в Минусинске произошли беспорядки. 24 апреля осво-

Рис. 1. Красноярск. Центр города

Рис. 2. Базар в Красноярске

бождение из заключения получили 59 лиц, изъявивших желание поступить на военную службу. Но, оказавшись на свободе и сгруппировавшись вокруг убийцы и бывшего каторжника М. Анисимова, они тут же потребовали отправки в армию тюремных надзирателей и начали их терроризировать. Речной мост, через который лица, служившие в тюрьме, возвращались в город, стал местом, где встречавшие их бывшие заключенные и солдаты приводили свои угрозы в реальность, используя даже режуще-колющее оружие. В первых числах мая несколько надзирателей шайкой Анисимова, Петрушина и Поварницына были избиты и ранены. Служащие тюрьмы ожидали погрома своего учреждения и расправы над собой.

Преследование бывшими заключенными тюремщиков совпало с прибытием 2 мая пароходом нескольких сотен солдат-отпускников, которые сразу же внесли в местную среду «революционные настроения» и заставили население Минусинска пережить «тревожные дни». По инициативе совдепа толпы солдат и примкнувших к ним местных хулиганов в военной форме подвергли городскую управу обыску, избили, арестовали и сопроводили к начальнику гарнизона 15 бывших приставов, урядников, стражников и городовых. Арестовав представителей власти, они создали «новое правительство» – комитет прибывающих солдат [20, л. 62–63; 21, л. 119; 24, 4, 5, 7, 13 мая].

Начиная с конца апреля 1917 г., почти ежедневно, вероятно, уголовниками поджигался и горел г. Енисейск. К 3–7 мая здесь были зафиксированы девять поджогов, в результате которых сгорели 30 жилых домов. Милиция сбилась с ног в поисках виновных, горожане были в панике, а власти были вынуждены ввести осадное положение. По просьбе местного исполкома из Красноярска на тушение пожаров были отправлены 120 солдат, 4 пожарных машины, 6 членов вольно-пожарного общества, и из Ачинска отпущены в отпуск военнослужащие, мобилизованные в Енисейске [5, 7 мая; 25, 7, 11 мая; 16 мая].

В мае 1917 г. местная газета сообщала, что дерзость воров в Красноярске начинает переходить всякие пределы. Громилы грабили не только обывательские квартиры, но и врывались в присутственные места. Из передней Общественного собрания были похищены вещи стоимостью в 950 руб., а виновных найти не удалось. 24 мая некоторые участники митинга, состоявшегося по случаю отъезда из Красноярск лидеров партии социалистов-революционеров М.А. Спиридоновой и Е.Е. Колосова, лишились в давке часов и кошельков, а сами они в поезде расстались с деньгами, часами и вещевым мешком. Воры при дефиците товара и наплыве публики успешно действовали в мануфактурных магазинах. Так, в одном из них женщина украла материю на 200 руб., а в другом – были похищены шляпы. Среди населения появились свои Робин Гуды. В Закачинской слободе в доме Нефедовой хулиганы выбили рамы и стекла. На вопрос о том, кто это сделал, жители отвечали: «Наши ребятки... Так ей и надо – Нефедиха богата...».

Среди горожан стали проявляться и антисемитские настроения. К примеру, на Воскресенской улице был задержан и отправлен в милицию для выяснения личности мужчина, распространявший нелепые слухи, возбуждавшие население против евреев. Утром 29 мая во дворе дома Кисельмана вспыхнули дрова и сарай. Возгорание было потушено лишь с прибытием пожарных, которые, опросив местных жителей, выяснили, что оно возникло на почве поджога [5, 27 мая; 14, с. 107–108; 24, 26 мая].

Очередную панику у общественности и властей вызвало сообщение о предстоящем прибытии в Красноярск еще 3 тыс. амнистированных уголовников. С целью обезопаситься от преступников жители некоторых районов города начали организовывать самоохрану, по улицам стали разъезжать казачьи патрули. Усилившийся спрос на оружие у обывателей удовлетворялся приобретением ими берданок.

Однако эти меры не спасали население от усилившихся мелких краж. Столкнувшийся с девятью солдатами, выскочившими из ограды дома Матонина, куда они забрались для грабежа квартир, патруль подвергся ими обстрелу. 10 июня на дачу видного красноярского деятеля явились с обы-

ском трое солдат 15-го полка. Перевернув обстановку в помещении, выпив обнаруженное спиртное, получив требуемые деньги и посмеявшись над своими жертвами, они с вызовом казаков немедленно скрылись [5, 14 июня; 25, 13 мая].

Уголовная хроника сообщала тогда не только о кражах, но и случаях наркомании, мошенничества и хулиганства. Так, в ночь на 12 июля некий А. Кузнецов вспрыснул себе морфий и после двухдневного сна и мучений скончался. Или газета писала: «15 июля гражданка N обратилась в редакцию и заявила, что два дня тому назад к ним в магазин явился солдат, назвался солдатом 30-го полка Петровым и заявил, что перехватил письмо группы солдат, бывших уголовников. Судя по письму, эта группа намерена атаковать ... магазин и квартиру семьи N с целью грабежа. Про письмо он заявил, что забыл дома, но он знает ... присутствующих в этой группе «анархистов». Письмо он все-таки обещал принести на следующий день, но больше не показывался... Гражданка N узнала, что с таким же заявлением солдат являлся в другие дома, везде производя переполох. Просят граждан, если называющий себя Петровым явится еще к кому-нибудь, вести его в милицию для выяснения цели шантажа». Ненаказуемое милицией и проявляемое днем и ночью в городском саду хулиганство вызывало ропот обывателей [14, с.108; 24, 18 июля].

Деградация общества, человеческая ожесточенность проявлялась в самосудах и антиобщественном поведении, например, тех же солдат. В Ачинске 13 июня по подозрению в краже полкового имущества и по инициативе в прошлом преступного элемента состоялось трехчасовое истязание солдатской толпой офицера Мягкова. На следующий день магазины, хозяева которых ожидали погром, были закрыты. Будучи пьяным, солдат 15-го полка в Красноярске ударил мальчика-извозчика, а когда публика потребовала оплаты проезда, то её обругал [5, 29 июля; 25, 7 июля].

Стремившиеся жить по своим законам, крестьяне боролись с преступностью самосудами. В ряде селений Красноярского уезда пойманных воров секли розгами, водили по улице с красными флажками и украденным мясом на шее. Жители с. Агинского Канского уезда задержали по подозрению в конокрадстве четырех мужчин, трех женщин и семилетнего мальчика цыганской национальности. Сход постановил их расстрелять. В с. Усть-Рыбинское того же уезда произошла денежная кража, в которой крестьяне заподозрили парня, проигравшего солидную сумму в карты. После пыток он признался в преступлении и указал на еще троих сообщников. Все они по решению схода приняли смерть. В Минусинском уезде крестьяне забили до бездыханности двоих воров, а в д. Базаиха под Красноярском были обнаружены трупы двоих солдат и неизвестного [5, 4 мая; 17, с. 139, 205; 23, 21 июня; 25, 7 июля].

В мае – июне 1917 г. оформились отделения городской и уездной милиции, их руководителями были избраны армейские офицеры Н.Н. Ермолинский, С.А. Ошаров и др. В Ачинске начальником милиции стал прапорщик А.Д. Кравченко, в Минусинске – юрист М.П. Адамович, в Канске милицию возглавили в прошлом ссыльный Х.Н. Гетоев и социалист-революционер Миллер. К середине лета того же года милиция была сформирована по всей губернии, но работала она слабо и не была способна оградить население от преступного элемента. Более того, сама милиция в Красноярске находилась под угрозой погрома. Так, начальник 1-го отделения 7 июня сообщил городскому голове о том, что организовалась шайка солдат для нападения на его подчиненных, и просил выдать милиционерам огнестрельное оружие [2, с. 58, 66–67].

Обусловленные слабостью власти и безнаказанностью, с одной стороны, разложением нравов и вседозволенностью, с другой, грабежи и кражи приобрели характер постоянного явления городской жизни. Они отличались дерзостью, размерами изъятого и сопровождались крайней жестокостью. Так, 2 июля злоумышленники, проникнув в квартиру губернского комиссара Вл. М. Крутовского, похитили вещи и 300 руб. наличных денег. 23–25 июля вооруженные лица в солдатских шинелях ограбили китайца, с целью ограбления убили владельца квасной лавки, обыскали, на-

звавшись делегатами исполкома, квартиру М. Манусевича и отобрали у него 35 кусков опиума, якобы необходимого для нужд новой власти, наконец, ворвавшись в квартиру, снимаемую купцами, приехавшими из Туруханского края и закупившими товар для инородцев, забрали у них вещи и деньги. Следом произошли кражи солдатами имущества у постояльцев гостиницы «Италия» и на обывательской квартире, а один из них, явившись на базар, выхватил кошелек у женщины. Пьяным буйством в номерах «Урала» и арестом отметились солдаты 30-го полка. Новую форму кражи применили неизвестные солдаты на ст. Красноярск: объявляя себя носильщиками, они уносили вещи проезжающих [2, с. 69; 5, 28, 31 июля, 2, 11 августа].

Подобные же события происходили и в уездных городах губернии. Так, 28 июля в Канске на керосиновом складе восемь солдат, явившись под видом милиционеров, пытались вскрыть денежный ящик. При этом охранники были убиты, а трое свидетелей получили тяжелые ранения. Несмотря на организацию милиции и ночной стражи, в Ачинске и уезде распространились убийства, грабежи и открытая торговля самогоном. Для обывателей стало небезопасно брать деньги в сберкассе и хранить их дома. Из-за отсутствия товаров в городе закрылись магазины, а состоятельные лица, боясь потерять имеющийся капитал, лихорадочно начали скупать жилые дома. Выявляя по решению местного совдепа продовольственные запасы в городе, группы солдат обыскивали квартиры, не брезгуя даже досмотром личных вещей, и заставляли евреев открывать кладовые [25, 4, 31 августа, 19 сентября].

Сводки сообщали о грабежах проезжающих на дорогах. К примеру, «на Дрокинской горе с Федоровым повстречались восемь человек, ехавших в повозке с ямщиком в солдатской форме. Остановили Федорова: «Что, самогонку везешь?» Федоров ответил, что нет. Тогда неизвестные злоумышленники начали обыскивать телегу Федорова и его карманы, из которых взяли портмоне с 9 руб. денег и из телеги полтора фунта сахара, ударили его два раза с приговором «буржуй» и спокойно отправились по направлению к Красноярску». Или: «По дороге из села Верхне-Шалинского, на хуторе Кубенинском ... на проезжавшего по своим торговым делам гражданина ... напали двое выскочивших из тайги неизвестных и при участии сопровождавшего ... нанесли две раны в голову гирькой и ограбили его. После этого злоумышленники, сев в подъехавшую к ним из тайги подводу, скрылись неизвестно куда. О происшедшем производится дознание и двое из злоумышленников уже задержаны» [2, с. 62–63].

Очередное жестокое преступление произошло 27 августа в Красноярске: офицером был убит служащий казначейства, обнаруживший измену своей жены. При аресте виновного толпа его чуть не растерзала. Массовое убийство имело место в доме Андреевой, владелице номеров гостиницы «Урал» и, вероятно, связанной с преступным миром. Посетив в поисках золота и денег хозяйку, преступники, скорее всего солдаты из амнистированных уголовников, зарезали её и застрелили еще четырех находившихся здесь же женщин. Во время погони двое убийц были задержаны [5, 1 сентября; 25, 7 сентября].

С целью усиления борьбы с организованной преступностью в Красноярске было создано сыскное отделение, содержавшееся на средства министерства юстиции и занятое розыском преступников. Называемое инспекцией уголовного розыска, оно работало под руководством К.Х. Штейнерта. Однако, несмотря на его появление, преступный элемент не испытывал какого-либо стеснения. Высланный из Варшавы еще при старом режиме, семь раз судившийся и служивший солдатом 30-го полка, некий поляк, попавшись на краже велосипеда, возмущался «порядками» и угрожал вызвать роту для разгона «царской» милиции. Бывший уголовник и стрелок 14-го полка, получив ранение при разборках, явился на излечение в городскую больницу, где и был арестован. В результате местные обыватели, сообщала газета, жили с ощущением своего нахождения «в руках преступников» [25, 7 сентября].

Случалось, что уголовники, используя служебные промахи милиционеров, заставляли их отступать от выполнения своих

обязанностей. Например, 22 сентября милиционеры, посетив барахолку, разогнали картежников. Но при аресте один из них, ударив милиционера, пустился бежать и вызвал стрельбу, на которую сбежались солдаты. Задержанных увели в милицию, куда вскоре подошли 200 человек, возглавляемые недавно выпущенными из-под стражи рецидивистами Фальковским, Устюговым и др. Милиционеры бежали из отделения, а подстрекаемая зачинщиками толпа освободила арестованных [2, с. 67].

С появлением воззвания, направленного арестантами Красноярской тюрьмы к «товарищам на воле», кровавый разбой прекратился лишь на некоторое время. Нераскрытые же грабежи купцов, китайцев, попытки ограбить клубы и ряд убийств указывали на то, что в городе с арестом и осуждением главаря К. Круглова, образовалась шайка, уничтожавшая старые притоны и прежних уголовников. Когда же с гибелью родственника вожака подозрение в его смерти пало на сожительницу Круглова Л. Халявину, то она загадочно исчезла. Народная молва приписывала её смерть другим членам шайки Круглова – амнистированным рецидивистам М. Кривому и Н. Юсупову. Образовав новое сообщество, они задушили не только её, но и определившегося на службу в железнодорожное депо и Красную гвардию бывшего «головореза» Ильина-Абашкина, а труп его подбросили к тюрьме. Узнав об этом, выпущенные по амнистии бывшие арестанты пришли в милицию и заявили, что, справедливости ради, они сами найдут и задавят лиц, совершивших кровавые преступления [25, 14, 19 сентября, 17 октября].

Местами сосредоточения уголовников все более становились предместья Красноярска. 27 сентября на Качинской улице опознанные трое грабителей бежали, отстреливаясь от преследовавшего их патруля. С помощью милиционера главарь Ф. Аболецкий был схвачен. В ночь на следующий день Красноярский исполком силами милиции и казаков организовал облаву в Николаевской слободе на «темных личностей» и дезертиров. Во время её был убит еще один член шайки Круглова – А. Дорофеев, за которым числилось множество преступлений. В завязавшейся перестрелке действовавшие под руководством лидера красноярских анархистов В.К. Каминского казаки застрелили рецидивиста Балановского по кличке «Чай». Пытаясь хоть как-то повлиять на ситуацию, губернский комиссар в обращении к населению от 29 сентября 1917 г. просил его не доверять распространяемым слухам, воздерживаться от насилия, а виновных предупредил в наказуемости их поведения [5, 30 сентября, 1, 4 октября].

Между тем уже 30 сентября вблизи города был совершен очередной грабеж квартиры, хозяева которой получили ранения. В ночь же на 3 октября Николаевская слобода, несмотря на «карательную экспедицию» и воззвание властей, буквально «стонала» от пьяного разгула. Целые ватаги ходили по улицам, скандаля, стреляя и горланя песни [3, 3 октября; 26, 5 октября]. Начиная с 4 октября, горожане вновь подверглись грабежам и нападениям. Следующей ночью трое вооруженных солдат, объявив себя милицией, посетили лавку бывшего надзирателя, городового и стражника С. Ситничука, ранее находившегося в тесной связи с шайкой Круглова. Разогнав свидетелей, но, оставив нетронутой кассу, они смертельно ранили его. Преступники, среди которых жена убитого опознала Кривого и Юсупова, были арестованы [25, 12, 17 октября].

В борьбе с преступностью не помогали ни вмешательство солдатской и обывательской толпы, подвергавшей схваченных воров избиению, ни помощь тюремных сидельцев, выдавших милиционерам адреса «малин». 5 октября на лесопильном заводе бывшими арестантами была обкрадена квартира члена Красноярского совдепа. В самом городе восемь вооруженных грабителей ворвались в квартиру еще одного китайца, где забрали товары и деньги. Известный вор К. Устюгов по кличке «Костя-солдат», проникнув в жилище, нанес его хозяину четыре удара ножом и скрылся. 21 октября трое лиц в масках с целью ограбления посетили квартиру Якобсона. Но хозяин, ранив в начавшейся перестрелке ссыльного поляка, заставил налетчиков ретироваться [5, 15, 22, 24 октября; 25, 12 октября, 12 декабря].

Октябрьские 1917 г. события способствовали реорганизации и укреплению правоохранительных органов. При губернском народном комиссариате была сформирована инспекция милиции во главе с левой эсеркой А.П. Лебедевой. В Канске сыск и милиция были преобразованы в отделение уголовного розыска. Созданная в Ачинске уголовно-следственная комиссия под руководством бывшего офицера П.Е. Щетинкина выполняла функции уголовного розыска. Избранная населением и плохо вооруженная милиция стала заменяться отрядами Красной гвардии.

Вместе с тем политическая ситуация инициировала и расширение деятельности красноярских уголовников. Наряду с квартирами, в сферу их внимания все больше стали попадать магазины и служащие разных ведомств. Так, в одну из ноябрьских ночей воры, отомкнув замки, вывезли товар из магазина, а 13 ноября ограбили лесничего, возвращавшегося из города с полученными деньгами. На улицах появился особый вид грабежа: действуя в вечернее время, седоки с двуколки набрасывали аркан на прохожих, соскакивая с неё, требовали бумажники и исчезали. Милиция раскрыла и арестовала членов шайки, обворовывавших квартиры путем предоставления прислуги с фальшивыми документами. Митинговая стихия, охватившая горожан и солдат в это время, помогала ремеслу карманников [5, 22 октября, 2, 4 ноября; 25, 15, 17 ноября].

Возбужденные политическими событиями, обыватели легко и массово переходили грань поведения, за которой начиналось преступление. Бывшие рабочие железнодорожных мастерских, ставшие красногвардейцами, заявляя, что «они теперь власть», врывались в квартиры и угрожали оружием, вызывая у населения панику, а один из солдат буйствовал в железнодорожном собрании. Ожесточенность выплескивалась в драках и самосудах. Вечером 13 ноября на Вокзальной площади произошла крупная драка между пьяными и выяснявшими свои политические взгляды рабочими угольного склада и мастерских. На базаре солдаты расправились с интеллигентным мужчиной, заподозренным в краже и неуплате денег за покупку. Озверевшие, они били «буржуя» прикладами, сапогами и камнями, а, разбив голову и переломав ребра, забрали у него часы и деньги. Такая обстановка способствовала ослаблению тюремного режима. Утром 15 ноября из узилища бежали четверо важных арестантов. В Николаевской слободе царил самогонный разгул. Толпы пьяных хулиганов, вооруженных винтовками и револьверами, в ночь на 22 ноября ходили по её улицам, угрожая расправиться с «интеллигентами». Между ними завязывались драки, началась стрельба залпами, выстрелом из револьвера был смертельно ранен солдат [5, 16, 17, 18, 19, 25 ноября; 25, 17 ноября].

Сама Советская власть, случалось, состояла из лиц, способных к преступлению. Свидетельством этого явилось произошедшее 26 ноября в пассажирском поезде на перегоне Зыково-Сорокино убийство некоей девицы. Его с целью ограбления совершил известный большевик и член Совета рабочих и солдатских депутатов Бляшко, бывший в прошлом сотрудником газеты «Красноярский рабочий». Избитого толпой, его затем под денежный залог освободили. Позднее Красноярский народно-революционный трибунал приговорил Бляшко к незначительному наказанию – 1,5 годам заключения, или штрафу в 6 тыс. руб. [5, 28, 29 ноября; 6, 17–30 марта]. С такими людьми в советах преступный элемент в губернском городе осмелел до того, что вечером 7 декабря его представители в лице, вероятно, поляков и военнопленного австрийца напали на номера в гостинице «Эрмитаж». Действуя под видом милиции, но в масках и с наганами, они ограбили приехавшего из Москвы постояльца-часовщика, отобрав у него ценные вещи [25, 9 декабря; 26, 5 января].

1917 г. заканчивался для населения Енисейской губернии также знаменательными событиями: в ночь на 24 декабря ограблению подвергся знаменитый Минусинский музей – её культурное лицо, а на следующий день распоряжением совдепа на свободу из Красноярской тюрьмы вышли арестанты, содержавшиеся за кражи и самогоноварение [24, 29, 31 декабря].

Рис. 3. Красноярск. Кафедральный собор

Рис. 4. Красноярск. Мужская гимназия

Возросшие масштабы уголовщины заставили Советскую власть налаживать систему судебных органов. На основании Декрета СНК от 24 ноября 1917 г. Соединенный губернский исполком 15 декабря того же года создал ревтрибунал. В январе 1918 г. в губернии стали функционировать народные суды. Начиная с этого времени, в Красноярске активизировалась и деятельность следственных органов, милиции по упреждению и раскрытию преступности. Например, получив информацию о прибытии в город шайки воров-рецидивистов, гастролировавших по Сибири и решивших взломать кассу комиссионного бюро «Трудсоюз», сотрудники сыскного отделения задержали её членов П. Долинского, А. Сташевского и Е. Фальковского. Но наружный осмотр помещения учреждения вызвал у сыщиков подозрения. Вызванный отряд милиционеров перестрелял трех бандитов. 5 января в Красноярске были расстреляны разбойники И. Кицкий (или Катовский), М. Кузнецов и Н. Шепитько, совершившие грабеж с убийством в с. Иркутском. В ночь на 7 января сотрудники милиции, обыскивая одну из квартир, обнаружили и арестовали известного грабителя Г.К. Шишкина, укравшего у солдаток д. Сидельниково Красноярского уезда целое стадо коров [26, 11, 16 января].

К этому времени советы рабочих и солдатских депутатов с целью якобы наведения порядка, а более того для борьбы с политическими противниками обзавелись отрядами Красной гвардии. Но безудержное желание большевиков усилить ряды своих сторонников, беспринципность в подборе красногвардейцев привели к засоренности их рядов местными «хулиганами и головорезами», не оставившими своего ремесла. Так, на одном из красноярских базаров вдруг появилась масса товаров, мануфактуры, что было, как выяснилось, следствием возвращения местных красногвардейцев из Иркутска после подавления юнкерского мятежа. Жители городского предместья наблюдали как они искали своих знакомых для сокрытия награбленного «барахла» [26, 2 января].

В январе 1918 г. население, проживавшее в районе тюрьмы, терроризировалось беспричинной стрельбой красногвардейцев. Будучи пьяными, члены их отряда буянили: один из них убил человека, другой – произвел в квартире до 20 выстрелов, а третий – угрожал квартиранту смертью. 18 января двое вооруженных лиц обыскивали в поисках золота и самогона номера Соколовского. Когда же бывший прапорщик и помощник начальника одного из отделений милиции Энгель потребовал от них мандат исполкома, то они его арестовали и длительное время содержали на морозе. В тот же день красногвардейцы, отобрав оружие, подвергли избиению еще одного офицера. Записавшись в Красную гвардию и мечтая поживиться «по-иркутски», трое лиц в ночь на 28 января произвели разбойные нападения, а на 18 февраля 18 человек пытались обезоружить охранника на товарном дворе железнодорожной станции. Поднятые по тревоге милиционеры одного грабителя ранили, другого – задержали. В номерах «Полтавы» были схвачены четверо грабителей, но их главарь с изъятыми у постояльца деньгами скрылся. Согласно обнаруженному на месте преступления удостоверению, он оказался бывшим каторжником и членом исполкома Красной гвардии [6, 15–28, 17–30 марта; 26, 16, 18, 23, 30 января, 2–15, 9–22 февраля].

С выступлением красногвардейских отрядов против мятежных казаков в Минусинске произошли события, названные впоследствии большевиками антисоветским выступлением [4, с. 130]. 13 марта 1918 г. на квартиру инженера Н.С. Берсенева явились пятеро вооруженных лиц, еще трое – ожидали на улице. Тяжело ранив прислугу и потребовав от инженера денежную сумму, они убили его ударом штыка. Через день общественность, собравшись у могилы убиенного, потребовала от совдепа прекратить вербовку в Красную гвардию уголовников и немедленного созыва городской думы. Несмотря на то, что на месте преступления был обнаружен штык от винтовки, принадлежавшей красногвардейцу, гласные думы, представлявшие в ней совдеп, заявили о непричастности к нему своих «опричников». В ответ на требование думских деятелей вывести их за город и передать расследование опытным специалистам вла-

сти разогнали митингующих и выборный орган выстрелами в воздух и задержали его председателя, четырех гласных и кое-кого из публики [19, л. 241, 243, 245–247; 31, 6 марта]. Вспоминая эти события, один из командиров минусинской Красной гвардии Е.А. Глухих признавался, что «кадета» Берсенева «на тот свет отправили» его красногвардейцы [7, л. 2].

При наличии таких «защитников», которых красноярские обыватели в разговорах представляли не иначе как «кровопийцами и разбойниками» [14, с. 31], в городе продолжались преступления и бесчинства, инициированные разложившимися и ожидающими демобилизацию солдатами. Так, в новогоднюю ночь жители одного из домов были разбужены «страшным» шумом: нижние чины 30-го полка, проживавшие на верхнем этаже, открыли стрельбу в железную крышу. 3 января солдаты ограбили гражданина А.А. Пономарева, 10-го – проникнув под видом почтальонов и будучи в масках, забрали вещи и деньги из квартиры военного чиновника, а 24-го – трое вооруженных военнослужащих совершили ограбление лавочника и крестьянина.

Обыскивая квартиру некоего Я.А. Иванова, несколько человек, одетых в шинели и с масками на лице, 29 января поживились деньгами. Двое лиц, попав в жилище заведующего речной стражей и угрожая ему револьвером, вынудили его отдать 6,2 тыс. руб. казенных средств. 14 марта четверо солдат, вооруженных наганами, с измазанными сажей лицами под предлогом обыска отняли деньги у обывателя. Через несколько дней семеро «темных» личностей во главе с известным уголовником Крутиковым с целью грабежа убили торговца Головлева и троих женщин. Злоумышленники, пробив стену в магазине Ициксона, было похитили золотые и серебряные изделия, но им помешал владелец, который успел сообщить о происходившем в милицию. 26 марта трое лиц в солдатской форме на квартире председателя кооператива тружеников цирковой арены Германса, запугивая его оружием, изъяли 12 тыс. руб. паевых взносов и деньги домовладельца. Наконец, в ряду этих преступлений особое место заняло убийство вернувшимся с фронта солдатом собственной жены, вскармливающей общего ребенка [6, 6–19, 8–31, 14–27 марта; 26, 9, 16, 18, 30, 31 января, 2–15 февраля].

Имели место случаи, когда грабители приходили в кинотеатр или магазин и, заявив, что они работники милиции и действуют по служебному заданию, снимали кассу. Карманные воры придумали новый способ обирания красноярцев: останавливаясь где-то на улице с ругательствами в адрес большевиков, они собирали толпу начинавших волноваться обывателей, а затем обшаривали их карманы. Жертвой такой проделки, к примеру, стал кассир с железной дороги, у которого вытащили кошелек со значительной суммой денег [2, с. 126–127].

Случалось, что враждебные отношения складывались и между красноярскими красногвардейцами. В марте 1918 г. одного из них товарищи арестовали и при отправке в тюрьму избили. В другой раз выстрелами в окно был убит красногвардеец, а еще один – ранен. Власти были вынуждены принимать меры к налаживанию дисциплины.

Вместе с тем и губернская милиция, и Красная гвардия были способны к устранению беспорядков. После октябрьских событий 1917 г. по инициативе правонарушителей и некоторых советских деятелей в Красноярской тюрьме был создан «коллектив перевоспитания», а заключенные стали пользоваться льготами. Но, когда его члены, сопровождая больных заключенных к городскому врачу, не вернулись в тюремные стены, то горисполком отменил данное «новшество». В свою очередь, это спровоцировало волнения в тюрьме. Состоявшиеся 1 марта, они были ликвидированы вызванными красногвардейцами и солдатами революционной роты. С их помощью провокаторы были наказаны, а мятежные заключенные рассажены в одиночные камеры.

Красногвардейцы принимали участие и в акциях, направленных на ликвидацию преступности. Когда в переселенческом поселке, находившемся вблизи с. Шила, произошли беспорядки с погромом домов, то 19 марта туда был переброшен отряд Красной гвардии, который задержал 11 грабите-

лей. По приказу военного отдела губернского исполкома от 27 февраля главный штаб Красной гвардии организовал облаву на красноярской барахолке. Обнаруженные солдатские вещи были переданы в распоряжение уездного воинского начальника. Красногвардейцы использовались и в оцеплении красноярского предместья, и в последующей облаве на воров, осуществленной властями 29-го и в ночь на 30 марта. Действуя вместе с ними, в Покровской слободе погиб милиционер А. Шадрин [2, с. 154, 196–197; 6, 7–20, 10–23, 20 марта – 2 апреля, 21 марта – 3 апреля].

Усилилась раскрываемость преступлений и уголовным розыском. Причем происходило это чаще всего по горячим следам. Например, когда четверо вооруженных револьверами неизвестных лиц ограбили квартиру Калугиных, взяв вещи и 12 тыс. руб. деньгами, то вскоре двое грабителей были задержаны и опознаны потерпевшими, а часть похищенного им была возвращена. Нередко сыщики брали преступников с поличным, грабежи предупреждали и пресекали. В этих условиях отсутствие денежных средств заставило Красноярскую городскую думу на заседании 6 апреля 1918 г. рассмотреть вопрос о передаче инспекции уголовного розыска при городской милиции в ведение комиссариата окружного суда и выделить на её содержание часть государственной казны [2, с. 155, 159–161].

Местом преступлений все чаще становилась деревня, которая в отсутствие сильной власти использовала в борьбе с ними собственные возможности. Примером этого стали события в с. Ново-Алексеевском Красноярского уезда. Здесь на свадьбе пьяной компании братьев Украсовых и Хоревича было отказано в выпивке. Через неделю они, встретив, зарезали бывшего жениха. Собравшийся сельский сход постановил передать убийц в руки правосудия, но одного из них, прославившегося воровством, казнить на месте. Другой случай самосуда, совершенного в индивидуальном порядке, имел место в с. Межево того же уезда. Вернувшийся в апреле 1918 г. из заключения некий Игнатюков, желая отомстить, напал с шайкой себе подобных лиц на дом крестьянина Живодёрова. В перестрелке была убита жительница, ранен ребёнок, жилище и имущество сгорели, а сам хозяин с семьёй спасся лишь бегством. Прибывший инспектор уголовного розыска доставил хулиганов и потерпевшего в Красноярск [2, с. 155–157].

Жертвами самосудов иногда становились невиновные, а «мерой наказания» всегда являлась расправа. Например, крестьяне с. Шила, предупреждённые хозяином украденной лошади о приближении к их селу конокрадов, не разбираясь, застрелили двоих неизвестных им лиц, а потом привлекались к уголовной ответственности. В с. Талая Погорельской волости жителями был задержан проезжающий некий Ткаченко. Они опознали на его лошади хомут, когда-то украденный у их односельчанина. Крестьяне, надев этот предмет на «вора», гоняли его, избивая, по селу. Но вызванная на сборню жена потерпевшего украденное не опознала. Как выяснилось, хомут попал к Ткаченко от зятя, не вернувшегося с военной службы. С безвинно пострадавшего человека крестьяне были вынуждены снять наложенный штраф [2, с. 158].

Несмотря на получение совдепами телеграммы из центра о разграничении обязанностей милиции и Красной гвардии, совместное выполнение ими одних и тех же функций продолжалось до мая 1918 г. Но, даже разграничив поле их деятельности, Советская власть не создала централизованного руководства милицией: в каждом уезде она действовала под началом местных советов, а при губернском исполкоме существовал лишь отдел охраны, возглавляемый А.И. Кауровым и С.Б. Печерским. Лица, бывшие в руководстве губернской милицией, не задерживались на этом посту. С февраля 1917 г. по август 1918 г. в данном качестве служили пятеро человек [8, л. 6]. Находившаяся под руководством бывших офицеров, которые из-за подозрительности большевиков постоянно менялись, и обязываемая преследовать политических противников, Красноярская милиция так и не справилась с преступностью, которая перешла в наследство новой власти.

Усилившись при беспорядках, сопровождавших антибольшевистский переворот, уголовщина ликвидировалась уже его

участниками. Так, 19 июня «партизаны» Красноярской «Белой гвардии» задержали В. Андреева, главаря шайки, подделывавшей продовольственные карточки, по которым она получила сотни пудов сахара. Через день прибывшие на ст. Красноярск чехословацкие легионеры успели захватить четверых лиц, укравших несколько ящиков дефицитных стеариновых свечей. 21 же июня милицией, которую в городе по поручению новой власти возглавил поручик В.С. Коротков, были арестованы двое из четверых налетчиков, совершивших ограбление проживавших в гостинице «Метрополь» артистов, а следом задержанию подвергся и упомянутый выше Крутиков [3, 23 июня, 2 июля; 26, 23 июня].

После антибольшевистского переворота под деревенский самосуд стали попадать лица, которые являлись большевиками или сочувствовали им. Направлявшийся в Минусинск делегат VII уездного крестьянского съезда и бывший красногвардеец Д.В. Романов из д. Васильевки пытался уговорить крестьян, двигавшихся в том же направлении для свержения Советской власти, вернуться домой, объясняя им, что «свару затеяли казаки». Вернувшись с дороги, он вскоре был вызван крестьянами на сход. Здесь Романов был подвергнут избиениям, от которых скончался. Крестьяне Балахтинской волости Ачинского уезда выследили большую группу большевиков и красногвардейцев, скрывавшихся на Юдинском винокуренном заводе, и устроили над ними самосуд [9, л. 79–80; 12, с. 68].

Сформированная в Красноярске, новая милиция в составе офицеров продолжала успешно вылавливать преступников. Так, 17 июля захватом двоих налетчиков закончилось нападение на одну из квартир. 25 августа по подозрению в поиске возможностей для побега заключенных большевиков вблизи Красноярской тюрьмы были замечены разыскиваемые милицией П. Ковалев и П. Скворцов-Субботин. Когда же они, отстреливаясь, пустились бежать, то были при личном участии того же Короткова задержаны [3, 18 июля; 26, 31 августа].

Летом 1918 г. выявились участившиеся случаи преступной деятельности военнопленных. В Канск были возвращены отправляемые на родину немцы, выдававшие себя за инвалидов. При них были обнаружены более двух млн руб. деньгами, в т. ч. 20 тыс. золотом, приспособление для фабрикации ассигнаций, карты железных дорог, товары и продукты. В Красноярске четверо вооруженных австрийцев напали на дачу, но хозяин одного из них в перестрелке застрелил. Поэтому распоряжением военкома Временного Сибирского правительства находившиеся в Красноярске и проживавшие уже семьями военнопленные были изолированы в военном городке [3, 3 июля].

Тогда же преступностью стали охватываться уездные города и селения. В с. Тигрицком и Моторском Минусинского уезда путем жестокого избиения односельчанами на бытовой почве произошло убийство двух крестьян, а в с. Детлово были застрелены двое и ранен еще один человек. Труп пропавшего жителя д. Казанско-Богородской оказался в реке. Соответственно и борьба с преступностью стала перемещаться на губернскую периферию. Так, к примеру, были задержаны трое конокрадов, угнавших лошадей с тележкой у жителей приискового поселка. На руднике «Юлия» аресту подвергся и был доставлен в Минусинск «знаменитый» разбойник Дзюрда. Ранее его шайка, совершившая до 30 убийств, наводила панику на жителей северной части уезда. Схваченный и осужденный, он весной 1917 г. оказался по амнистии на свободе, но затем бежал с воинской службы и организовал новую шайку, уживавшуюся с советами. В Минусинске аресту подверглись крестьяне, служившие прислугой и обокравшие квартиру уездного комиссара П.Н. Тарелкина. Бежавший с внешних работ заключенный Минусинской тюрьмы был пойман организованной облавой [31, 11, 14, 19, 23, 28 июля, 27, 31 августа].

Следуя либерально-демократической традиции и соблюдая законность, власти не позволяли крестьянам-общинникам наказывать лиц, вызывавших своим поведением осуждение деревни. К примеру, когда сход жителей с. Верхняя Ерба Минусинского уезда постановил выселить вместе с семьей односельчанина, как «непригодного члена»,

то власти высказались по этому поводу отрицательно. Комиссар того же уезда, получив прошение Тесинского общества Знаменской волости об исключении из него и выселении «порочных» членов, указал крестьянам, сославшись на то, что правительство лишило сельские общества права административной ссылки, на незаконность их просьбы [19, л. 331; 31, 1 октября].

Тем самым власти сами провоцировали население на распространение самосудов. К примеру, когда в августе 1918 г. выгорело более чем наполовину с. Белоярское Кочергинской волости, то по обвинению в поджоге крестьянами были убиты трое односельчан, а еще двое успели бежать. Такой же была судьба содержателя минусинского притона С. Якимова по кличке «Лампочка», в прошлом осужденного на каторжные работы за убийство фельдшера, но по амнистии вернувшегося в город. В ночь на 9 сентября толпа, обнаружив его с похищенными из артели выделанными овчинами, тут же убила вора. Крестьяне из с. Кочергина, вызвав в волостную земскую управу односельчанина, по неизвестной причине убили его. Сокрыв следы преступления, они все же были разоблачены и арестованные доставлены в Минусинскую тюрьму [31, 21 августа, 10, 26 сентября].

Накануне так называемого Минусинского крестьянского восстания в деревне царили общественное равнодушие, самогоноварение, мордобой, нежелание платить подати, а также кражи, поджоги и кровавые расправы. Так, 25 сентября в д. Татарская Тесь крестьянин украл у соседа 50 снопов пшеницы, в ночь на 22-е двое жителей д. Быстрая, напившись, подрались со смертельным исходом для одного из них, в ночь на 2 октября в п. Ивановском в результате поджога сгорел сахарный завод Пашенных, 5-го – в с. Сагайское крестьянин по пьянке убил стягом односельчанина, 12-го – у жителя Лугавской волости с базара угнали четырех лошадей, а 25-го в с. Большая Салба мужик зарезал соседа [31, 27, 29 сентября, 1, 12, 16, 23, 25 октября, 7 ноября].

Все чаще нападению и ограблению подвергались представители власти и лица, известные нажитым состоянием. К примеру, 2 октября в с. Чебаки Ачинского уезда злоумышленники ограбили золотопромышленника К.И. Иваницкого. За исключением одного, они были задержаны. В ночь на 8 октября в Минусинске двое неизвестных совершили дерзкое нападение на возвращавшегося домой офицера М.А. Добрицкого, известного обществу в качестве организатора «инородческой армии». Возникла перестрелка, но на помощь ему ночные объездчики так и не прибыли. В то же время местная милиция задержала бывшего красногвардейца из Григорьевской волости, обвиняемого в ограблении трупа офицера, конфисковала две денежные фальшивки, предназначенные для хождения среди инородцев, установила, что на территории Лугавской, Каптыревской и Шушенской волостей скопилось множество дезертиров, и упустила задержанного за стрельбу в пьяном виде на Даниловском заводе некоего И. Решетникова [31, 11, 18, 26 октября, 3 ноября].

Распространение преступности, с которой по горячим следам боролась милиция, имело место и в др. местностях губернии. Так, в ночь на 10 ноября в д. Телкино Енисейского уезда произошло убийство и ранение членов одной из семей. Тут же аресту были подвергнуты пятеро злоумышленников. В красноярском предместье «Каштак» буянившие жители выбили в домах стекла и избили представителя власти. При задержании их милиционерам пришлось разгонять собравшуюся толпу выстрелами в воздух [6, 5–18 ноября; 31, 11 декабря].

Несмотря на запуганность минусинских мятежников суровой расправой, власти так и не справились с уголовной преступностью, которая стимулировалась «большевистскими» беспорядками. Так, во время Минусинского восстания в уездном городе ограблению и убийству подвергся домовладелец В.И. Занин. 7 декабря 1918 г. в д. Худоногово бывшим каторжником были угнаны у жителей пятеро лошадей, а 9-го неизвестным лицом похищено имущество у инородца из Усть-Абаканской волости. Вероятно, убоявшись чего-то, скрылся председатель Дубенской сельской управы и при этом похитил 2 тыс. руб. 26 декабря у д. Быстрой был обнаружен труп

известного общественного деятеля и кооператора М.Г. Монастыршина, возвращавшегося из города с крупной суммой денег. Наконец, 15 марта 1919 г. двое крестьян из с. Моисеевского, находясь на базаре в с. Абаканском, ударом кола убили приехавшего жителя д. Шириштык [31, 18, 19 декабря; 32, 25 января, 19 марта].

Но более всего местом преступлений, приобретавших политическую окраску, и жесткой борьбы с ними стал Красноярск. Совершенное 10 октября ограбление барака с беженцами было милицией быстро раскрыто и все члены шайки, в частности разбойник А. Полетаев по кличке «Санька Полетный» с 40 тыс. руб. украденных денег, оказались арестованными. Подозреваемый в ограблении, осуществлении крупной кражи и в убийстве милиционера, скрывшийся из города разбойник К. Гончаров 9 ноября при проверке пассажиров поезда был арестован. На следующий день милиционеры, патрулируя Николаевскую слободу, задержали десятерых человек, среди которых оказались члены I-го подпольного большевистского комитета В.Н. Попов, П.Г. Канцелярский и Р. Петерсон. Некоторые из них после опознания были отпущены, а студент Омского сельскохозяйственного института Петерсон, сознавшийся в том, что приехал в Красноярск для организации помощи заключённым большевикам, был расстрелян или убит конвоем при попытке к бегству [1, л. 56, 65–66, 95, 99, 108, 171; 26, 6 декабря; 31, 13, 30 ноября].

Несколько членов существовавшей в Красноярске шайки «Чёрная рука» обратились к состоятельным лицам Девяткову, Цукерману и Данилову и потребовали, пригрозив смертью, оказать денежную помощь скрывающимся красногвардейцам. Но по заявлению одного из них они были арестованы. Организованные, по сведениям некоторых историков, чешской контрразведкой, «черные коммунисты-анархисты», добывали денежные средства грабежами, передавали их большевистскому комитету и, зная о его связях, использовали их для заманивания приезжавших с мест подпольщиков. Так, в декабре 1918 г. прибывший из Троицкосавска большевик Третьяков ошибочно попал на явку «черных коммунистов» и был ими якобы выдан милиции. В конечном итоге, экспроприации, осуществляемые уголовниками, вывели оперативников на подпольный большевистский комитет, подвергшийся тут же разгрому. Арестованы были до 30 человек [26, 22 ноября, 6 декабря; 28, с. 148; 31, 30 ноября; 32, с. 219; 33, с. 43–44].

Сыскным отделением были раскрыты совершенные ранее преступления. Аресту подверглась шайка с наводчиком, ограбившая в городе почтово-телеграфную контору на более чем миллион рублей. Воровская среда Покровской слободы, «крышевавшая» местных самогонщиков, с убийством и ранением на почве ограбления лиц, принадлежавших к татарской диаспоре, перешла в вооруженную оппозицию к «качинцам», а потерпевшая опознала задержанных налетчиков – А. Воронова, П. Скворцова-Субботина, П. Данилова, Ф. Смирнова и др. Были арестованы лица, грабившие возвращавшихся с базара крестьян, члены шаек, обворовавших общество «Красного Креста», потребительскую лавку и квартиры китайцев, а также обвиняемый в мошенничестве и шантаже бывший агент охранного отделения М. Клейнмихель. Привлеченный к рассмотрению этих дел, военно-полевой суд приговорил Гончарова, Коноплева, Лазерсона, Мещерякова, Нежникова, Полетаева, Слизнякова и Чечегова (или Чичагова) к расстрелу, а еще троих обвиняемых – к каторге [26, 13 декабря; 31, 13 ноября].

Деятельность правоохранительных органов высоко оценивалась местными властями и прокуратурой. В январе 1919 г. на первой полосе губернского официоза была опубликована благодарность управляющего Енисейской губернией П.С. Троицкого чинам городской милиции за поимку шайки вооружённых грабителей. Товарищ прокурора Красноярского окружного суда А. Телегин в своём рапорте от 27 января 1919 г. сообщал прокурору об успехах начальника милиции Короткова. Всего за несколько дней он укомплектовал личный состав, установил строгую военную дисциплину. Теперь, по оценке сотрудника прокурорского надзора, раскрытие преступления перестало быть чем-то случайным и неожиданным. Приходится удивляться, продолжал Теле-

гин, его энергии, настойчивости, трудолюбию и умению подбирать хороших сотрудников при их дефиците. Он особо отметил, что начальник милиции всегда был впереди подчинённых в момент опасности [13, с. 186, 203].

Однако, несмотря на успешную деятельность милиции и жесткость наказания, преступность в условиях вооруженной политической борьбы продолжала усиливаться. Уже 10 декабря в Красноярске состоялось нападение грабителей на квартиру милиционера, на следующий день они с помощью прислуги вынесли из квартиры инженера А.В. Весселя золото и 7 тыс. руб. деньгами [26, 13, 15 декабря]. Покушение было совершено даже на Короткова. 28 февраля 1919 г. он подвергся нападению «качинских головорезов» и был ранен в ногу. В перестрелке один из нападавших, молотобоец железнодорожных мастерских М. Смирнов, был убит, а остальные подоспевшими милиционерами задержаны. 1 марта военно-полевой суд приговорил виновных: рецидивиста В.Д. Гаевского, В.Г. Гринёва, А.Я. Медянкина и Н.С. Орлова к расстрелу [1, л. 90, 92; 27, 4 марта].

Все чаще в поле деятельности милиции вместе с уголовниками попадали лица, появившиеся в Красноярске с политическими целями. В апреле 1919 г. при аресте уголовников, зверски убивших в пригороде семью некоего огородника, милиция обнаружила адрес конспиративной явки и пароль. В этой квартире, оказавшейся модельной мастерской по пошиву женской одежды, её сотрудники выявили мужчину, пытавшегося сжечь свёрток бумаг. Он был опознан как омский большевик Э. Родэ, а бумаги оказались информацией о деятельности подполья в Сибири [1, л. 68].

Большевики не стеснялись использовать в своих целях угрозы и массовые убийства политических противников. Так, 12 апреля 1919 г. воззвание подпольщиков, призывавшее устроить «буржуям» «Варфоломеевскую ночь», вырезать всех интеллигентов и восстановить Советскую власть, появилось на Абаканском железоделательном заводе [32, 13 апреля]. Один из белогвардейцев вспоминал ситуацию, сложившуюся в Красноярске и губернии так: «Хождение по Красноярску было сопряжено с риском. Красные по ночам убивали офицеров, поджигали склады, магазины, перерезали телефонные провода. Свет в домах не зажигался, или окна завешивались тёмной материей – иначе граната. В кармане ночью заряжённый браунинг...». За время партизанщины на внутреннем фронте в Красноярске, Канске и Минусинске, вероятно, преувеличивая, продолжал он, были убиты сотни офицеров и солдат правительственных войск, много сгорело и зданий [11, с. 40, 42].

Таким образом, начавшиеся с февраля 1917 г. события в Енисейской губернии усилили в обществе разрушительные настроения. Такое «завоевание революции» как свобода было понято большинством населения в качестве вседозволенности. Социальная неудовлетворенность, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне, а также растущая агрессивность людей стали питательной основой и сопровождались сильной волной преступности. Существовавшая всегда, она во время революционных событий и Гражданской войны была обусловлена еще и слабостью власти и служила на руку большевикам. При отсутствии государственной воли, нехватке материальных ресурсов и незначительности лиц, способных бороться с преступностью, особенностью этих лет стало определяющее участие в ней «человека с ружьем» и таких категорий как ссыльные прежнего политического режима и военнопленные Первой мировой войны. Заметным являлось обращение крестьян к самосудам. С начавшейся Гражданской войной и соответственно падением ценности жизни произошли структурные изменения в преступности: основной формой её стали грабежи и убийства. Обострение политической и вооруженной борьбы между красными и белыми вело к сращиванию её с преступностью и использованию приемов, известных в уголовном мире. Получив дополнительные возможности для своего распространения, стихия уголовщины все больше втягивала в свою орбиту городские и деревенские низы и становилась важным фактором в жизни общества.

Приложение 1

Биографии

Берсенев Н.С. – 1882 г. рождения, окончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения (1908), заведовал возведением мастерских Балтийского судостроительного завода, исполнял в Томском округе путей сообщения обязанности старшего инженера, в Красноярске – инженера судоходства по р. Енисей. С сентября 1912 г. – заведующий расчисткой порогов. Под его руководством были очищены самые опасные пороги – Большой и Джойский.

Коротков В.С. 1892 г. рождения, уроженец г. Самары, из семьи железнодорожного служащего. Окончил в Красноярске железнодорожное, техническое и землемерное училище. С 1913 г. – рядовой 17-го Туркестанского полка, служил при штабе Ташкентского военного округа. Окончил военное училище. В 1916 г. – подпоручик 30-го Сибирского полка. Участник Первой мировой войны, был контужен и произведён в поручики. С апреля 1918 г. – помощник начальника отделения, с июня – начальник Красноярской городской милиции. С июля 1919 г. – начальник отряда особого назначения. В конце 1919 г. в звании подполковника служил комендантом штаба Енисейской отдельной казачьей бригады. Вместе с казаками проделал «ледяной поход», ушёл из Читы в Маньчжурию, затем в Приморье. В 1921–1922 гг. – помощник начальника милиции Уссурийской железной дороги. Находясь с 1923 г. в эмиграции и проживая в г. Хайларе, служил в ряде зарубежных финансовых организаций, владел зубоврачебным кабинетом. Состоял членом «Русского национального общества», «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» и казачьего союза. Избирался помощником и атаманом станицы Хунхульды Северного Хингана. Создал и в 1942–1943 гг. командовал Хунхульдинским казачьим дивизионом. В декабре 1946 г. при наступлении советских войск был арестован и содержался в Алма-Атинском концлагере, а в январе 1948 г. приговорён Красноярским краевым судом к 25 годам заключения.

Статья поступила 24.08.2015 г.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. 021087.
2. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. первая. 1917–1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993.
3. Воля Сибири. 1918.
4. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
5. Голос народа. 1917.
6. Голос народа. 1918.
7. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 64. Оп. 5. Д. 137.
8. ГА КК. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2..
9. ГА КК. Ф. Р. 448. Оп. 2. Д. 5.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р. 20. Оп. 3. Д. 3.
11. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Белая гвардия. 1997–2000. № 1.
12. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.
13. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.
14. Кадач М.А. Преступность в Красноярске в 1917 году (по материалам газеты «Свободная Сибирь») // Енисейская провинция. 2004. № 1.
15. Красноярский рабочий. 1917.
16. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. Красноярск, 1960.
17. Крестьянское движение в 1917 году: Сб. док-в. М.-Л., 1927.
18. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008.
19. Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
20. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.

21. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 4.
22. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 6.
23. Наш голос. 1917.
24. Свобода и труд. 1917.
25. Свободная Сибирь. 1917.
26. Свободная Сибирь. 1918.
27. Свободная Сибирь. 1919.
28. Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962.
29. Труд. 1916.
30. Труд. 1917.
31. Труд. 1918.
32. Труд. 1919.
33. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2. (1918 – 1925). Омск, 1996.
34. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, тел. 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization Society "memorial", 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Schetinkina, 59–49, tel.: 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

УДК 719

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР В 1980-х ГОДАХ*

© А.В. Дулов

В статье последовательно рассматриваются вопросы: значение памятников; виды деятельности, связанной с памятниками в 1980-х годах в СССР; количественные итоги этой деятельности; ее слабые стороны; конкретные предложения по улучшению работы. Сопоставлены масштабы вовлечения населения по республикам и областям в охрану памятников.

Ключевые слова: памятники истории и культуры, охрана, Советский Союз, 1980-е годы, общество.

Preservation and usage of the historical and cultural sites in USSR in 1980-1989

© A.V. Dulov

Author discusses in this article the meaning of sites, types of activity, quantitative results of those activities, their bad specifics, and the proposals how to optimize the preservation of the heritage. It is also compared the degree of involving the local population of republics and oblast's into the such activity.

Key words: historical and cultural sites, heritage preservation in Soviet Union in 1980s, society.

Проблемы разнообразной деятельности, связанной с памятниками прошлого, привлекают все большее внимание самых широких кругов советской общественности. Огромное воспитательное и научное значение памятников истории и культуры осознается все с большей полнотой.

Вопросам оценки состояния деятельности, связанной с памятниками истории культуры, было посвящено за два последних десятилетия (1965–1985 гг.) немало работ [16; 20; 25; 26; 28; 33]. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть основные стороны этой деятельности, обращая внимание преимущественно на те из них, которые требуют улучшения. С этой целью в статье последовательно разбираются вопросы: значение памятников; виды деятельности, связанной с памятниками; некоторые количественные итоги этой деятельности; слабые стороны этой деятельности; состояние разработки общих проблем охраны и использования памятников; конкретные предложения по улучшению работы с памятниками.

Значение памятников в жизни каждой страны весьма велико. Во-первых, памятники истории и культуры служат источником знаний для широких масс, позволяя им получить наглядное представление об истории, архитектуре, монументальном искусстве, технике и приемах строительства прошлых лет. Вследствие этого памятники имеют огромное воспитательное значение, очень часто имеющее идеологическую окраску. В большинстве случаев характер воздействия памятников на народные массы определяется направленностью пропа-

* Данная статья под названием «Актуальные проблемы охраны и использования памятников истории и культуры СССР» была подготовлена в конце 1987 г. для журнала «Вопросы истории» и тогда же отправлена в редакцию. Из-за крайней перегруженности редакционного портфеля она не была опубликована и летом 1992 г. была возвращена автору. Нам представляется, что сформулированная в статье подробная характеристика памятниковедческой деятельности в СССР за 38 лет не утратила своей значимости и будет интересна современным исследователям. Кроме того, ряд сопоставлений позволяет глубже понять причины последовавших исторических событий.

ганды, носящей классовый характер и зависящей от того, в руках каких классов находится государственная власть.

Применительно к условиям нашей страны наиболее важными направлениями воспитательной деятельности путем использования памятников являются: трудовые традиции; традиции классовой борьбы; патриотическое и военно-патриотическое воспитание; интернационализм; этическое воспитание; эстетическое воспитание; любовь к природе и охране природы. В-третьих, памятники являются ценнейшим источником для науки, давая богатейший материал для изучения истории, материальной и духовной культуры прошлого. В-четвертых, памятники имеют и экономическое значение как источник денежных и валютных поступлений при их показе. Однако реализовать такую возможность удается лишь в случае, когда памятник находится в соответствующем состоянии и проведены все необходимые для извлечения доходов материальные и организационные мероприятия. Наконец, пятая их функция – утилитарное использование памятников для нужд организаций или учреждений, не связанных с извлечением дохода из использования памятников. Все эти функции важны для народа, но наибольшее значение в настоящее время имеет, конечно, воспитательная роль памятников истории и культуры.

Деятельность, связанная с памятниками истории и культуры, актуальна и многообразна:

1. **Изучение памятников:** выявление новых памятников, углубление представлений об уже известных памятниках, составление паспортов, списков памятников, оценка значения каждого; классификация памятников; написание обобщающих работ.

2. **Охрана памятников:** учет памятников, контроль за их состоянием, недопущение их утраты или повреждения. В необходимых случаях – организация мер, улучшающих их состояние.

3. **Использование памятников.** Сюда входит, прежде всего, приспособление памятников под конкретные нужды тех организаций, учреждений или частных лиц, в чьем владении они находятся. Как один из видов этой деятельности сюда же входят случаи музеефикации памятников – применение здания-памятника как места показа или хранения экспонатов или организация на базе памятников музея-заповедника. Важное значение имеет также экономический эффект от демонстрации памятников, а также развитие туризма, в том числе – создание специальных туристических маршрутов на базе конкретных историко-культурных реликвий.

4. **Пропаганда памятников.** Ведется средствами печати, телевидения, радио. Чтение лекций о памятниках, проведение экскурсий.

5. **Самостоятельное ознакомление с памятниками.** Единственный вид деятельности, связанной с памятниками, который трудно организовать и проконтролировать. Восприятие памятников вне экскурсий – важный способ самопознания и самовоспитания широких масс, продиктованный интересом и желанием данной конкретной личности. Однако направленность и состояние пропаганды памятников в определенной степени влияет на особенности такого индивидуального познания памятников.

6. **Мероприятия,** способствующие сохранению или восстановлению памятников. К ним относится консервация, предохраняющая памятник или его остатки от полного или частичного разрушения и реставрация, предусматривающая восстановление прежнего вида памятника. Иногда создаются «новоделы» – макеты или точные копии несохранившихся памятников.

7. **Целенаправленное создание новых памятников** (обычно это памятники монументального искусства).

Все перечисленные выше направления имеют огромное значение. Поскольку публикаций, в которых содержались бы конкретные сведения о работе с памятниками, недостаточно, чрезвычайно трудно выявить какие-либо определенные показатели по многим формам этой деятельности. Однако есть возможность привести сведения, касающиеся численности членов союзно-республиканских обществ охраны памятников, а также некоторые данные о количе-

стве выявленных памятников истории и культуры. Рост числа членов общества охраны памятников – один из важных показателей состояния работы с памятниками прошлого. Здесь можно привести лишь некоторые обобщающие данные. Так, в 1969 г., всего через несколько лет после возникновения обществ, общее число их членов достигло 9 млн, а к 1985 г. выросло до 48 млн [1, с. 5]. Рост в целом, конечно, весьма значительный. Имеются также сведения о возрастании членов такого общества в Российской Советской Федеративной социалистической республике (далее РСФСР). В 1968 г. их было лишь 2 млн [15, с. 120], в 1977 г. – 12,5 млн [26, с. 19], в 1984 г. – 14 млн [7, с. 7], а в 1987 г. – 17,277 млн [32, с. 85]. Рост и здесь, вне всякого сомнения, довольно быстрый.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Как свидетельствуют приведенные выше цифры, во Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИК) вступают менее охотно, чем в соответствующие общества в других республиках. Сопоставляя приведенные выше сведения по СССР за 1969 г. и по РСФСР за 1968 г., приходится сделать вывод, что население РСФСР, составлявшее 52% от населения СССР, направило в ВООПИК примерно четвертую часть общесоюзного состава обществ охраны. Как уже было сказано, в 1977 г. ВООПИК имело 12,5 млн членов. В том же году в Украинской ССР, имеющей население в 2,8 раза меньше, чем в РСФСР, в подобном же обществе состояло 13,5 млн человек [3, с. 41]. В 1985 г., судя по приведенным сведениям, доля российских членов обществ охраны несколько увеличилась по сравнению с 1961 г. и составляла примерно около трети. Таким образом, разница несколько уменьшилась, но все же по-прежнему граждане РСФСР вступают в общество охраны памятников менее охотно, чем в других республиках. Вероятно, одной из главных причин этого отставания следует считать то обстоятельство, что в течение длительного времени охране памятников и их правильному использованию в РСФСР придавалось меньшее значение, чем в других союзных республиках.

О количестве выявленных на территории страны памятников имеются лишь отрывочные сведения, но они приводят к выводу о том, что и здесь РСФСР менее активна, чем другие республики. Известно, что во всей стране в 1970 г. было учтено около 145 тыс. памятников истории культуры [2, с. 5]. Более подробные сведения имеются по РСФСР. В 1977 г. в России было учтено свыше 60 тыс. памятников, и более 22 тыс. из них были взяты под охрану [21, с. 61]. В 1982 г. там было более 180 тыс. состоящих на учете памятников [23, с. 84]. Под охраной же в 1987 г. находилось 41,5 тыс. памятников [32, с. 80].

РСФСР имела меньшую долю вовлеченного в состав обществ охраны памятников населения, чем другие союзные республики. Но и в различных местностях РСФСР процент членов таких обществ разнится весьма сильно. По аналогии может создаться впечатление, что в автономных республиках РСФСР удельный вес лиц, вступивших в общества, также должен быть выше. Однако это впечатление справедливо лишь отчасти. Хотя некоторые из этих республик имеют высокий удельный вес членов обществ (так в Северной Осетии он составляет 23%, а в Кабардино-Балкарии – 21%), зато есть и республики, где это движение развито очень слабо – в Татарии и Туве лишь 7% населения вступило в общество, а в Якутии – только 4%. В целом же среднеарифметический итог по автономным республикам лишь на 1% выше общероссийского, составлял 13% [32, с. 77–85].

Более значительные различия можно выявить по отдельным территориальным регионам. Представляется, однако, что в данном конкретном случае для сопоставления целесообразно выделить еще одну группу территорий, не составляющих цельного региона. Имеются в виду Москва и Ленинград, а также Московская и Ленинградская области. Большое количество сосредоточенных здесь памятников мирового, всесоюзного и республиканского класса оправдывают выделение для нашего анализа этих территорий, имеющих огромное значение как места скоплений уникальных памятников, их ансамблей и комплексов.

Оказалось, что процент вовлеченных в члены ВООПИК здесь ниже общероссийского и составляет 11,3%. Еще ниже он у жителей Москвы и Ленинграда. Имея возможность постоянно наблюдать замечательные памятники, они, как ни странно, относятся к ним с большой долей равнодушия: лишь 10% жителей этих наших столиц – члены общества.

Все остальные европейские регионы имеют в целом более высокую долю вступивших в ВООПИК. Так, 15 территориальных единиц Центра дают 14,3%; лидерами здесь являются Курская область (24%), а также Белгородская и Орловская (по 20%), а аутсайдерами – Липецкая (8%) и Калининская (10%). Еще выше показатель пяти областей Запада – 16,6%; наибольшие успехи здесь – в Смоленской области (19%), и даже отставшая от других территорий этого региона Калининградская область имеет неплохой показатель – 14%. Ниже удельный уровень членов ВООПИК на шести территориях Севера (13%); лучше всех здесь обстоит дело в Карелии (18%), всего хуже – в Вологодской области (11%).

Одиннадцать республик и областей Поволжья имеют в среднем 12,5% лиц, охваченных членством в ВООПИК. Впереди – Волгоградская область (17%) и Мордовия (16%), замыкает же список Татарская АССР (7%), а также Горьковская, Ульяновская области и Чувашия (по 11%). Охотнее всего вступают в ВООПИК в Южном регионе, охватывающем 8 территорий Приазовья и Северного Кавказа. Здесь обществом охвачено 17,5% жителей. Здесь же и российский рекордсмен – Ставрополье (28%); высок показатель и в Северо-Осетинской АССР (23%). Правда, две республики все же имеют низкие цифры: Чечено-Ингушская (9%) и Калмыцкая (11%).

При сравнении удельного веса вступивших в ВООПИК по регионам страны выявляется определенная географическая закономерность: этот процент высок на территориях, более населенных и имеющих большую давность освоения, и снижается в местностях с более низкой плотностью населения (единственное и досадное исключение – Москва и Ленинград и их области).

Например, на пяти уральских территориях ВООПИК приняло в свои ряды 11,2% населения (более всего – 15% в Башкирии, менее всего – 9% – в Свердловской области). Тринадцать территорий Сибири дали в общество лишь 10% своего населения. Активнее всего вступают в общество в Бурятии (17%) и Томской области (14%); слабее всего – в Якутии (4%), а также в Туве и Тюменской области (7%). Показатель шести краев и областей Дальнего Востока – 10,3%, причем в Хабаровском крае и на Сахалине он составляет 14%. Ниже всех (в том числе и в России) он у Магаданской области (2%), отличающейся очень суровыми природными условиями.

Другим важнейшим показателем уровня деятельности по охране и использованию памятников является количество их, состоящее на охране. По данным сборника «Справочный материал...», всего по РСФСР находится под охраной государственных органов 41 487 памятников истории и культуры, в том числе 10080 памятников археологии, 19 752 памятника истории, 10 385 памятников истории градостроительства и архитектуры, и 1270 памятников искусства. В среднем на каждую из 73 территорий РСФСР (краев, областей, АССР, городов) приходится по 568 памятников. Население же каждой территории составляет в среднем 1986 тыс. жителей.

Следует признать, что этого количества памятников недостаточно, и главная причина заключается в том, что многие руководители краевых, областных, республиканских исполнительных комитетов и советов министров всячески сокращают предлагаемые отделениями ВООПИК и специальными органами охраны памятников списки памятников или годами не принимают решения по предложенным спискам. Действительно, памятники доставляют местной администрации много хлопот: их надо охранять, реставрировать, подыскивать возможности использования. За затяжку же с принятием списков памятников, за мизерное количество памятников, стоящих на охране, даже за их уничтожение – иногда по прямому умыслу руководителей, никто не спрашивает. Никаких планов, обязательных для руководителей, здесь нет. По-

видимому, спокойно живется даже руководителям тех территориальных единиц, где число состоящих на охране памятников значительно ниже среднего.

Численность выявленных, а также состоящих под охраной памятников, зависит от многих факторов. Вероятно, главнейшим фактором, влияющим на «памятникотворчество» – естественный процесс создания памятников,– является количество населения данной территории. Исходя из указанного среднего соотношения по РСФСР – 568 памятников для территории с 1986 тыс. жителей, можно отметить те местности, где число памятников гораздо ниже этих соотношений и где местное руководство, очевидно, очень энергично сопротивляется постановке их под охрану. Особенно печальные цифры дают Калмыцкая АССР (здесь всего 4 охраняемых памятника при 300 тыс. жителей) и Амурская область (12 памятников на 933 тыс. жителей). В обоих случаях соотношение между населением и числом памятников примерно в 20 раз ниже средних цифр по РСФСР!

Практически так же плохо обстоит дело в Оренбургской области (33 памятника на 2018 тыс. жителей). Нетерпимое положение сложилось также в Чечено-Ингушской АССР, Камчатской, Магаданской, Тамбовской, Куйбышевской, Саратовской областях, где число взятых под охрану памятников составляет от 13 до 25%.

Значительно ниже средней нормы (30–50%) охраняемых памятников имеют Ростовская, Новосибирская, Мурманская, Читинская, Хабаровская, Воронежская, Московская, Челябинская и Свердловская области. Мало и неохотно ставят памятники под охрану в Татарии, Удмуртии, Пермской, Горьковской, Иркутской, Ульяновской, Астраханской областях, где количество памятников составляет 60–70% от средней нормы.

Наряду с этим отметим те территории, где количество памятников значительно выше общего уровня. Особенно много их в Новгородской области – более 700% от нормы (1377 памятников при 739 тыс. жителей). Много поставленных под охрану памятников в Бурятии, Смоленской и Псковской, Брянской и Калининской областях, в Карелии (400–500%). Хорошо ведется эта работа также в Краснодарском крае, Владимирской, Белгородской областях, Ставрополье и Якутии (200–250% от нормы).

Существенное значение имеет вопрос о соблюдении пропорций в распределении памятников различных типов. В среднем по РСФСР, как видно из приведенных выше сведений, в количественном отношении памятники истории составляют 47,5%, памятники археологии – 24,4%, памятники архитектуры – 25%, памятники искусства – 3,1%. Можно предположить, что указанные соотношения в целом приблизительно верно отражают оптимальные пропорции памятников различных видов. Однако доля памятников монументального искусства, вероятно, должна быть несколько выше. Что же касается трех наиболее распространенных типов памятников, то археологические и архитектурные памятники по численности примерно равны, и каждый из этих типов в два раза уступает историческим памятникам.

Конечно, данные пропорции не обязательно должны соблюдаться в каждой административно-территориальной единице. Особенности исторической жизни могут способствовать созданию, а затем – сохранению или уничтожению преимущественно одного или двух типов реликвий прошлого. Так, на Европейском Севере особенности дореволюционной истории способствовали созданию большого количества архитектурных памятников (главным образом культового зодчества), а относительно скромное развитие промышленности в советский период – их сохранению. Причерноморье и Приазовье отличаются обилием археологических памятников – курганов, могильников, каменных баб, античных и средневековых городов. Во многих местностях, подвергшихся нашествию гитлеровских войск, сохранилось лишь незначительное количество архитектурных и исторических памятников довоенного времени.

Однако очень часто нарушения средних пропорций, особенно резкие связаны и с субъективными факторами – отсутствием специалистов определенного профиля или невниманием органов охраны памятников к

конкретным их видам. Приведем ряд примеров. В Волгоградской, Хабаровской, Сахалинской областях не поставлен под охрану ни один памятник архитектуры! В некоторых областях явно не жалуют археологию: в Тамбовской области охраняются лишь 2 археологических памятника, в Липецкой – 3, в Курской и Астраханской – по 7, в Саратовской – 10. В каждой области число этих памятников не превышает 3% их общего количества! Зато в Башкирии – явный перекос в противоположную сторону: археологические памятники составляют здесь 80% всех памятников! Слишком мало памятников архитектуры в Бурятской и Марийской АССР (5%); памятников истории в Рязанской (6%) и Владимирской областях (15%). В некоторых местностях явно искажены пропорции в соотношении архитектурных и исторических памятников. Так, в Краснодарском крае исторических памятников 2353, архитектурных – 147; на Алтае соответственно 81 и 6. Зато в Архангельской, Вологодской и Костромской областях мы имеем противоположные, но тоже аномальные пропорции: исторических и архитектурных памятников здесь соответственно 9 и 205, 51 и 270, 88 и 284.

В деле охраны памятников нашей страны есть много трудностей, много препятствий. Может быть, одной из самых главных препятствий является сложившаяся за долгие годы ситуация, когда многие и часто очень сложные проблемы охраны, использования и создания новых памятников решаются без учета мнений специалистов и широкой общественности, что часто наносит большой ущерб делу. Общеизвестно, что Советское правительство в первые годы после Октября придавало огромное значение использованию памятников истории и культуры в жизни страны, «в коммунистическом воспитании трудящихся» [5, с. 404–408; 16, 24]. Однако, начиная с 1930-х гг., эти традиции были нарушены, что привело к такой ситуации, к такому отношению к памятникам, которое можно назвать «административным монументализмом». Сущность его заключается в пренебрежительном отношении к памятникам прошлого, в практике волюнтаристского, чисто административного подхода к судьбе памятников истории и культуры. Многие памятники в 1930–1950-х гг., были снесены или перестроены. Со временем будут установлены колоссальные размеры ущерба, понесенного культурой нашей страны в результате такой политики. Пока же можно привести лишь некоторые фрагментарные данные. По подсчетам архитектора И.В. Калининой, на территории Иркутской области перед 1917 г. было до 500 культовых построек – церквей, часовен, колоколен. В настоящее же время сохранилось лишь примерно 150 культовых построек! Таким образом 70% памятников культового зодчества бесповоротно утрачены. Пока трудно сказать, в каких областях и республиках соответствующий процент выше, а в каких ниже. Но сведения даже по одной области свидетельствуют о том, насколько велик этот ущерб.

С середины 1960-х гг. отношение руководящих кругов к проблеме охраны и использования памятников стало постепенно меняться. Появились специальные законы об охране памятников, в республиках были созданы общества охраны памятников, и общественность стала шире привлекаться к решению важных вопросов охраны и использования памятников. Больше стало отпускаться средств на реставрацию реликвий прошлого, активизировалась пропаганда памятников, на страницах печати стали обсуждаться острые вопросы связанной с памятниками деятельности. В результате существенных изменений в социально-политической обстановке в стране еще более благоприятные возможности появились начиная с 1985 г. Возросло внимание Партии и Правительства к использованию и охране памятников, еще более активизируются силы общественности. Показательно, что значительную часть своей речи на XXVII съезде КПСС секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев посвятил значению памятников в жизни и воспитании трудящихся. Таким образом, складывается ситуация, при которой «административный монументализм» должен уйти в прошлое. Немало в этом направлении делается, но еще рано говорить о повсеместном отходе местных руководителей от этой печальной традиции. Поэтому есть необходимость рассмот-

реть проявления этой политики подробнее, используя опубликованные в печати сведения за 1986–1987 гг.

По распоряжению местных руководителей нередко уничтожаются или без необходимости переносятся могилы революционеров, героев гражданской и Великой Отечественной войн в Красноярском крае. Так в селе Большой Хабык на месте братской могилы коммунистов-организаторов колхоза, убитых «кулаками», построили ... здание конторы хозяйства... И никто за разрушение памятника не ответил [34]! В городе Советске Кировской области районные власти планировали перенести могилу первого председателя ревкома М.И. Изергина, которая «мешала» пристроить к зданию райкома партии новый корпус. Однако этот проект вызвал возмущение местных жителей, и после вмешательства обкома партии пристройку решено было несколько отодвинуть от могилы. Однако когда стали рыть котлован, экскаватор повредил захоронение, и могилу все-таки пришлось перенести на новое место [14]. В 1986 г. горисполком г. Читы осуществил перенос братской могилы экипажа бомбардировщика под командованием Героя Советского Союза В. Артамонова, потерпевшего катастрофу в 1944 г., из центра на окраину города. Это святотатство было вызвано тем, что «по мнению городских властей, могила «не вписывалась» в ... фонтаны с цветомузыкой...» [4].

Случаев, когда вопреки мнению специалистов, вопреки логике, уничтожаются ценные памятники, по-прежнему можно привести немало. В старом доме в г. Саратове, где располагалось профессионально-техническое училище, были обнаружены уникальные росписи, выполненные в 1919 г. Специалисты заявили, что здание необходимо сохранить и отреставрировать, чтобы сохранить интереснейший памятник. Однако горисполком распорядился здание снести, а росписи со стен снять. Таким образом, и здесь памятнику, которым Саратов вполне заслуженно мог бы гордиться, нанесен серьезный ущерб [13].

Руководство ряда городов равнодушно даже к памятникам революционного движения. Например, «в Свердловске за короткий срок снесено более полусотни так или иначе связанных с революционной историей Урала зданий». В этом городе в результате разрушительной деятельности градостроителей пришлось даже закрыть два экскурсионных маршрута – поскольку памятников уже нет [30]. Хотя в других союзных республиках обычно ценят памятники, связанные с историей своего народа, но и там имеются сторонники реконструкций городов, сопровождающихся разрушением памятников. Так настроены в Ереване, где по генплану реконструкции центра города намечено снести половину из 130 памятников XIX – начала XX века. Здесь ломают дома, связанные с жизнью революционеров, без необходимости переносят ценные здания на новые места, собирая их из новых материалов... [31].

Примеров, когда по вине нерадивых руководителей памятники старины находятся в плохом состоянии, можно привести много. Так древние русские крепости, находящиеся в Ленинградской области, не приводятся в порядок [18]; с «поразительным равнодушием» относятся руководители подмосковного города Коломны к ее двумстам памятникам [9].

Что касается создания новых памятников, то и здесь нередко сохраняются традиции недавнего прошлого, когда городские и областные руководители в узком кабинетном кругу решали, какие памятники ставить, кто будет их авторами, какой проект утвердить. Жители же видели памятник лишь после его торжественного открытия и далеко не всегда были в восторге от его идейных и художественных качеств. Вот два примера из жизни современного Иркутска. Общественность города выдвинула предложение об установке в этом городе, где жили в ссылке многие декабристы, первого в стране памятника «первенцам свободы». Областное руководство самостоятельно договорилось с двумя московскими авторами о создании проекта такого памятника. Весной 1986 г. этот проект был одобрен местным руководством. Однако когда фотография проекта была опубликована в областной газете, жители стали резко критиковать проект, выполненный на низком идейном и художественном уровне. После

обращения в Москву было принято решение объявить республиканский конкурс на создание проекта памятника декабристам. Однако устроители конкурса назначили минимальный срок для создания проекта – всего 6 месяцев. В мае 1987 г. 49 макетов будущего памятника были привезены в Иркутск. Краткость срока помешала авторам создать художественно завершенные композиции. Жюри конкурса, составленное из представителей Академии Художеств и министерств культуры, а также нескольких иркутян, справедливо приняло решение не присуждать первой премии, а присудить несколько поощрительных премий. Однако среди поощренных оказались творцы того же самого, лишь чуть подновленного проекта, который иркутяне критиковали и в 1986, и в 1987 г. Теперь возникло опасение, что памятник закажут все тем же авторам...

В том же Иркутске в 1986 г. был построен претенциозный парадный въездной знак в Кировский район города. Это дорогостоящее сооружение обошлось в 300 тыс. руб. и вызвало единодушное осуждение горожан. Осуждение было настолько сильным, что городское руководство вынуждено было признать свою ошибку. В 1987 г. въездной знак «подредактировали», убрав наиболее нелепые его детали. Однако шедевром от этого он не стал. О том, что люди, виновные в растрате сотен тысяч рублей, понесут какое-либо наказание, никто даже не мечтает.

Противостоять «административному монументализму» не просто даже сейчас, когда социальная обстановка в стране меняется. Выступая на V съезде ВООПИК, генерал-лейтенант в отставке Г.Ф. Самойлович заявил: «У нас общество охраны, но это охрана безоружная... Непонятно также, почему нам приходится воевать зачастую именно с органами, которые должны направлять нашу работу. Перестройка еще не затронула сознание многих и многих людей, занимающих руководящие посты» [11].

Исключения из этого печального правила довольно редки. По словам академика Д.С. Лихачева, «об опыте противоположного, позитивного характера могут немало интересного рассказать товарищи из Прибалтики. Там во многих местах все партийные, советские, хозяйственные руководители в обязательном порядке проходят курсы изучения истории родной республики, ее культуры, основ музейного дела. И результаты исключительно плодотворны» [23, с. 97].

Крупным препятствием в деле охраны памятников является отсутствие практики судебного преследования виновных в разрушении памятников. Еще в 1979 г. в статье «Экология культуры» Д.С. Лихачев предлагал, чтобы «факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукоснительно разбирались в судах и виновные строго наказывались» [23, с. 61]. Однако положение не изменилось. Об этом не раз упоминалось и в 1986 г.[6; 29], Совершенно прав доктор исторических наук А.Н. Кирпичников, который пишет: «Принятые в СССР и РСФСР Законы «Об охране и использовании памятников истории и культуры», пожалуй, чересчур гуманны. Они не содержат в своем составе конкретных статей, карающих за порчу, разрушение, плохое содержание тех или иных исторически ценных памятников. Не определены меры наказания в случае, если архитектурные творения пустуют, неквалифицированно реставрируются, обреченные использователем на износ и медленную гибель. Статья, наказывающая за уничтожение или умышленную порчу памятников истории и культуры, практически не используется...» [18].

Есть и еще один момент, который, вероятно, также затрудняет судебное преследование. Ближе всего к делу охраны памятников стоят в республиках и более мелких территориальных единицах министерства, управления, отделы культуры, а также общества охраны памятников или их отделения на местах. Однако рискнет ли, скажем, заведующий отделом культуры горисполкома выступить против председателя горисполкома, если по распоряжению последнего будет разрушен какой-либо памятник? Общества же охраны памятников и их отделения очень часто возглавляются заместителями председателей соответствующих республик или территорий, что также создает ситуацию, при которой отделение об-

щества охраны, будучи организацией, не подчиненной прямо председателю соответствующего исполнительного комитета, тем не менее от него фактически зависит.

Несомненно, мешает оптимальному использованию памятников культуры также недостаток гласности и информации о многих важных событиях в этой сфере. Нередко серьезные шаги, значительно изменяющие судьбу памятников, готовятся втайне, чтобы избежать протестов специалистов. Информации явно недостаточно и потому, что фактически отсутствуют какие-либо обобщающие работы о развитии деятельности, связанной с памятниками, по всей стране в целом. О том, что людям дается «слишком мало информации о работе ВООПИК», говорили многие делегаты V съезда этого общества, состоявшегося в 1987 г. [12].

Много трудностей объективного и субъективного характера существует в реставрационной деятельности. Не случайно этой проблеме была посвящена значительная часть отчетного доклада центрального совета ВООПИК, с которым выступил на V съезде ВООПИК Е.М. Чехарин [12]. Действительно, трудностей здесь много. Объективные трудности связаны, прежде всего, с самим характером этой деятельности, требующей в ряде случаев точного учета многих разноплановых факторов. Не случайно, имея крупнейшие достижения в области реставрации многочисленных памятников страны, мы имеем также немало случаев серьезных неудач, существенно вредящих памятникам, а еще чаще – некачественную работу реставраторов. Насколько сложные и разноплановые проблемы приходится решать при некоторых реставрационных работах, свидетельствуют многочисленные споры, развернувшиеся в период закончившейся в 1987 г. реставрации крейсера «Аврора».

Почти четыре десятка лет занимаются различные научно-реставрационные организации спасением фресок подземного склепа Деметры, с большим мастерством выполненных в I веке нашей эры. С 1950-х годов этот склеп в г. Керчь заливает вода, росписи портятся, но реставраторы до сих пор не смогли сделать ничего существенного для сохранения замечательных фресок [19]. Спустя всего два года после реставрации пришел в аварийное состояние музей-усадьба Кусково [17]. Откровенными рвачами и пьяницами оказались строители, реставрировавшие музей-квартиру А.С. Пушкина на Мойке. Поэтому вскоре после завершения реставрации музей снова пришлось закрывать на ремонт [27].

В организации реставрационных работ тоже немало существенных неувязок. Так, работа реставрационных организаций оценивается не по итоговому результату, а по количеству затраченных средств [18]. Поэтому реставраторы склонны производить крупные, но не всегда оправданные затраты. Планирование, финансирование, снабжение этих организаций также нередко производится таким же образом, как обычных строительных организаций [10].

Очень много нерешенных проблем в организации туристического использования памятников истории культуры в нашей стране. Туризм у нас развит слабо, обслуживание туристов оставляет желать лучшего, материальное и организационное обеспечение этого дела стоит на низком уровне. Из-за этого туристы могут увидеть далеко не все интересные памятники. Между тем, более полное использование туризма, особенно иностранного, дало бы возможность получить дополнительные средства, которые частично можно было бы использовать и для охраны памятников. Вполне справедливо ставит вопрос О. Латифи: «...Во имя чего существуют и действуют туристические организации, бюро путешествий, музеи, архитектурные заповедники? Принимать и показывать соотечественникам и зарубежным гостя достопримечательности страны. Но сложилась странная ситуация. Эти организации в разных ведомствах – одни купаются в деньгах, а другие выпрашивают рубли и собирают у населения копейки. А между тем памятники и музеи, будучи вместе с организациями, обслуживающими гостей, могли бы финансировать себя и более того, давать немалый доход!» [22].

Справедливо ставится вопрос и о предоставлении большей самостоятельности местным организациям обществ охраны

памятников. Так, делегат V съезда ВООПИК Е.А. Чемякин считает, что отделения общества должны иметь право издавать печатную продукцию для пропаганды памятников истории культуры, выручка от продажи которой должна поступать в фонд местного отделения. Пока же самостоятельность отделений общества минимальная [12].

Назревшими проблемами улучшения дела охраны и использования памятников в стране является резкое улучшение краеведческой работы, создания музеев истории техники. Об этом также говорили делегаты V съезда. Недостаток историко-технических музеев особенно ощутим.

Статья поступила 15.06.2015 г.

Библиографический список

1. Андерсон И.Ф. Вопросы охраны и использования военно-исторических памятников в свете Постановления ЦК КПСС «О 40-летии победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся : сб. науч. тр. М., 1985.
2. Арбузова Р.И. Повышение роли памятников истории и культуры в воспитании советского патриотизма в период развернутого строительства коммунизма (на примере Киргизии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1970.
3. Бадяк В.П. Деятельность партийных организаций Украины по использованию памятников истории культуры в патриотическом воспитании трудящихся в период развитого социализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1979. С. 41.
4. Белый А. Есть ли страж у Вечного огня? // Советская Россия. 1986. 14 дек.
5. Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969.
6. Ваганов И. Бульдозер против святыни: Письмо в редакцию // Литературная газета. 1986. 29 окт.
7. Важные вехи // Памятники Отечества. 1984. № 1.
8. Глямжа И.И. Охрана памятников культуры в Литовской ССР // Симпозиум «Памятники культуры и общество». Л., 1969.
9. Горбунцов Д. Гордость ... по коломенски // Правда. 1987. 14 сент.
10. Горчакова Э. После возрождения: Слово архитектору А. Кедринскому // Советская Россия. 1986. 19 авг.
11. Горьковская правда. 1987. 10 июля.
12. Гундарин Г., Заботин А. Говорят делегаты съезда // Горьковская правда. 1987. 9 июля.
13. Дашкевич Н. Посылка из 1919-го... // Советская культура. 1986. 8 апр.
14. Жигайлов Ю., Иванов В. Забвению не подвластно // Правда. 1987. 28 авг.
15. Иванов В.Н. Очередные задачи Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы охраны реставрации, пропаганды памятников истории и культуры : сб. статей. М. 1970. Вып. 2.
16. Иванов В.Н. Следуя заветам Ленина // Памятники отечества. М. 1972. Кн. 1.
17. Иванова И., Иванов Д. Лихолетье усадьбы «Кусково» // Советская культура. 1986. 14 июня.
18. Кирпичников А. Как защитить наследие? // Советская культура. 1986. 30 нояб.
19. Кончин Е. Слезы Деметры // Советская культура. 1986. 18 дек.
20. Кочемасов В.И. Памятники культуры – важное средство воспитания // Коммунист. 1966. № 14.
21. Кривонос А.А. Учет, охрана и пропаганда памятников и памятных мест революции 1905–1907 гг. в РСФСР // Методические рекомендации по подготовке свода памятников истории и культуры СССР. М. 1977. С. 61. Вып. 8.
22. Латифи О. После раскопа // Правда. 1986. 2 окт.
23. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л., 1985.
24. Маковецкий И.В. Ленинские принципы охраны и реставрации памятников культуры // Из истории реставрации памятников культуры. М. 1974.
25. Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1973.
26. Материалы третьего съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1979.

27. Меньшикова Т., Михайлов Ю. Понять – значит, помочь... // Советская культура. 1987. 10 сент.
28. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // История СССР. 1967. № 2.
29. Рылкова Л.А. Ведь есть закон: Мнение читателя // Советская культура. 1986. 23 янв.
30. Рябинин Б. Память сносу не подлежит // Советская Россия. 1986. 5 окт.
31. Симонян К. Не обкрадывать историю // Советская культура.1986. 30 окт.
32. Справочный материал о работе Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1982–1987 гг.). М., 1987.
33. Тихонов Ю.А. Съезды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы истории. 1984. № 10.
34. Щеголев А. Забвению не подлежит // Советская Россия. 1986. 5 дек.

Сведения об авторе

Дулов Александр Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, пенсионер, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 7, кв. 11, тел. 8(3952)34-32-17.
Dulov Alexander Vsevolodovich, doctor of historical sciences, professor, pensioner, 664025, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, 7, flat 11, tel. 8(3952)34-32-17.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.
К статье прилагаются:
1. Экспертное заключение.
2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате – не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail
(вся информация предоставляется одним файлом).
3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.

II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC – документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата А4.
При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:
1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу – 2 см; слева и справа – 2 см; табуляция – 2 см; ориентация – книжная;
2) шрифт – Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – одинарный, перенос слов – автоматический;
3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman. Размер символов: обычный – 12 пт, крупный индекс – 7 пт, мелкий индекс – 5 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Exsel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
5) библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05 2008.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.
По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.
Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков
Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (16) 2015

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 27.10.15. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,5.
Тираж 500 экз. Заказ 249. Поз. плана 6н.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83